

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-058

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Н.Н. Платошкин

ХРАНИТЬ

(СОД)

вечно

ЛЕТ

Annotation

Новая книга Н.Н. Платошкина рассказывает о создании и деятельности американской разведки в годы Второй мировой войны. Многочисленные факты свидетельствуют, что даже в годы войны наряду с борьбой против нацистской Германии Управление стратегических служб (предвестник ЦРУ) занималось антисоветской разведывательной деятельностью. На основе богатого архивного материала автор раскрывает детали американской шпионской работы против Германии, Японии и Советского Союза.

- [Н.Н. Платошкин](#)
  - [Глава 1. Джентльмены не читают чужих писем? Разведслужба США до 1941 года](#)
  - [Глава 2. Американская разведка в годы Второй мировой войны \(1941–1945 гг.\): УСС «дикого Билла»](#)
  - [Список источников и литературы](#)
  - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)

- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)

- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)

- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)

Н.Н. Платошкин

Американская разведка против Гитлера

Глава 1. Джентльмены не читают чужих писем? Разведслужба США до 1941 года

До Второй мировой войны у США не было единой разведывательной службы, хотя сбором информации конспиративными методами занимались специальные подразделения государственного департамента, министерства финансов, министерства обороны (т. е. на тот момент фактически сухопутных сил) и ВМС. В основном разведка заключалась в попытках взломать дипломатические коды других государств, а также в так называемом салонном шпионаже — когда дипломаты и военные атташе США по всему миру собирали сплетни на различных светских мероприятиях.

Федеральное бюро расследований (ФБР) занималось борьбой с вражеским шпионажем на территории США (контрразведкой) и собственным шпионажем в странах Латинской Америки, которые считались в США зависимым и подконтрольным «ближним зарубежьем».

В 1929 году госсекретарь США Генри Стимсон распорядился закрыть секретное подразделение госдепартамента MI-8 (так называемую черную комнату), занимавшееся дешифровкой иностранной дипломатической корреспонденции. Стимсон заявил, что «джентльмены не читают писем других джентльменов».

«Черная комната» (или «шифровальное бюро») была первой дешифровальной службой США в мирное время, предшественницей ставшего всемирно известным благодаря «делу Сноудена» Агентства национальной безопасности (АНБ).

«Комната» начала работу в мае 1919 года, сразу же после окончания Первой мировой войны, и главной причиной ее создания послужила... зависть. Американцы завидовали успехам британских криптографов, которые благодаря раскрытию немецкого дипломатического шифра сумели узнать о планах Германии в отношении США больше, чем сами американцы.

Хрестоматийным примером блестящей работы британцев стала так называемая телеграмма Циммермана. Государственный секретарь по иностранным делам рейха Артур Циммерман^[1] направил 16 января 1917 года зашифрованную депешу немецкому посланнику в Мехико Генриху фон Эккардту. Немцы предлагали революционному мексиканскому

правительству объявить войну США, обещая взамен оружие, деньги и присоединение к Мексике утраченных ее во время американской агрессии 1846–1848 гг. огромных территорий^[2]. К тому же немцы просили мексиканцев помочь установить военный союз между Германией и Японией, что в случае успеха таило для США серьезную опасность.

Немцы вроде бы послали депешу тремя путями: по радио германскому послу в США для дальнейшей передачи в Мехико, и по двум трансатлантическим кабелям, управлявшимся нейтральными странами (США и Швецией). Но это была дезинформация англичан.

На самом деле немцы передали зашифрованную депешу в посольство США в Берлине, откуда ее передали в Копенгаген (Дания, как и США, была на тот момент нейтральной страной), оттуда — в Лондон для передачи по трансатлантическому телеграфному кабелю. Телеграфные трансокеанские кабели из Германии непосредственно в США были после начала войны перерезаны англичанами. После этого американцы разрешили немцам использовать свои кабели для переписки МИД Германии с посольством рейха в Вашингтоне. Причем США оговорили, что немцы могут использовать кабель лишь для переписки, касающейся выдвинутых тогда президентом США Вильсоном мирных предложений. Датский и шведский трансокеанские кабели по техническим причинам не шли прямо в США, а использовали передаточную станцию в Англии. Там британская разведка успешно копировала все депеши.

Британские криптографы («комната 40») перехватили и частично дешифровали депешу Циммермана уже на следующий день, 17 января 1917 года, причем они вряд ли смогли бы это сделать без помощи русских. Царские власти передали британским союзникам германский морской шифр, добытый с немецкого легкого крейсера «Магдебург», который 26 августа 1914 года сел на камни у побережья Эстонии. Немцы не успели (как было положено по уставу) сжечь сигнальные книги, так как топка была заполнена водой. Поэтому книги просто выбросили за борт, но их разыскали и подняли на поверхность русские водолазы. Одна из трех захваченных сигнальных книг была вскоре передана британскому Адмиралтейству, что сыграло решающую роль в раскрытии военно-морского шифра Германии (код 0075).

Британцы медлили целых три недели с передачей ценной информации США, так как в этом случае американцы узнали бы, что их британские «друзья» «подслушивают» американский трансатлантический кабель. Но тут Лондону «помогли» немцы, начавшие 1 февраля 1917 года неограниченную подводную войну против всех судов, перевозивших грузы

в страны Антанты. После этого американцы 3 февраля разорвали отношения с Германией.

Тем не менее простая передача депеши Циммермана американцам означала бы помимо столь нужного британцам скандала в германо-американских отношениях признание того факта, что англичане расшифровали немецкий дипломатический код. А это, в свою очередь, вынудило бы немцев сменить его.

С целью прикрытия своего криптографического успеха англичане подкупили служащего телеграфа в Мехико, и тот продал им зашифрованный текст депеши Циммермана (уже успешно расшифрованной к тому времени), который немецкий посол в Вашингтоне передал по назначению своему коллеге в Мексике. Этот текст и показали американцам, чтобы у тех не возникло подозрений, что в Лондоне просто сфабриковали «телеграмму Циммермана» или «прослушали» американский трансокеанский кабель. Чтобы «успокоить» немцев относительно раскрытия их шифра, англичане запустили информацию, что телеграмму разгадали с помощью захваченного ранее английскими войсками в Месопотамии немецкого кода 13040.

23 февраля 1917 года американский посол в Лондоне Пейдж получил зашифрованный текст телеграммы Циммермана из рук главы Форин Офис лорда Бальфура, а также расшифрованный немецкий текст с переводом на английский язык. Возмущенный вероломством немцев Вильсон (который к тому же сам давно искал предлог для вступления США в войну на стороне Антанты) 28 февраля передал телеграмму в СМИ.

Это было сильнейшим ударом по многим миллионам американцев (в основном немецкого и ирландского происхождения), настроенным антибритански и прогермански. Тем более, что сам Циммерман 3 марта публично подтвердил аутентичность телеграммы. Немцы оправдывались, что хотели натравить Мексику на США только в том случае, если Америка вступит в войну на стороне Антанты.

Англичане между тем добились того, чего хотели, — уже в апреле 1917 года США и впрямь вступили в войну на стороне Антанты.

Итак, завидуя успехам своих британских коллег, США в мае 1919 года создали свой аналог «комнаты 40» — «черную комнату». Эту дешифровальную службу возглавил Герберт Ярдли (1889–1958), который командовал криптографической секцией американской военной разведки (MI-8) во время Первой мировой войны.

Ярдли был сыном телеграфиста, служившего на железной дороге, и уже в детстве научился от отца умению работать на телеграфе. Ярдли

поступил было в университет Чикаго, но проучился там всего год. Следующие три года он работал, как и отец, железнодорожным телеграфистом и одновременно разрабатывал научную методику игры в покер. Отсутствие высшего образования не помешало будущему шефу первой американской разведслужбы поступить в 1912 году на государственную службу. Тогда чиновники в США (особенно мелкие) получали мало и большого конкурса не наблюдалось.

Ярдли начал свою государственную деятельность в 1913 году в должности шифровальщика в госдепартаменте, и Вашингтон показался ему «прозаическим городом»^[3]. Поднимая от бумаг свой взор, молодой клерк мог видеть игру на соседнем теннисном корте, куда до своей болезни частенько заходил будущий президент США Франклин Рузвельт.

Ярдли решил сделать криптографию «смыслом своей жизни» (он очень хотел «выдвинуться») и прочел в библиотеке конгресса США все книги по данной весьма специфической и на тот момент совершенно неразработанной теме. Его вердикт был простым — занимательно, но ничего стоящего. После вступления США в Первую мировую войну Ярдли, типичный искатель острых ощущений, добровольно перешел на аналогичную работу в штаб Американских экспедиционных сил в Европе.

Во время своей работы в госдепартаменте Ярдли в качестве «хобби» легко расшифровал американский дипломатический код, тем более, что он не менялся последние 10 лет. В нарушение всех законов и инструкций он «любительно» расшифровал послание из 500 символов полковника Хауза^[4] из Германии президенту Вильсону. Код оказался простейшим, и Ярдли «взломал» его за два часа, а ведь этим кодом, к ужасу Ярдли, постоянно пользовался сам президент США. Хауз сообщал о своей аудиенции у кайзера Вильгельма II, и так как шифровка была передана через Англию, то Ярдли не сомневался в том, что британцы уже прочитали ее. Как и все остальные «секретные» депеши Хауза.

В мае 1916 года начинающий клерк составил и передал начальству меморандум на 100 страницах под заголовком «Решение по вопросу американских дипломатических шифров».

Поступив на военную службу в чине второго (т. е. младшего) лейтенанта, Ярдли сумел убедить начальство создать специальную секцию военной разведки для взламывания секретных шифров враждебных стран. Эта секция и получила наименование MI-8^[5].

Одним из немногих успехов новой службы стала добыча шифра, спрятанного на теле германского шпиона Лотара Витцке, схваченного на

американо-мексиканской границе.

Витцке был моряком и членом экипажа германского крейсера «Дрезден», который успел изрядно насолить англичанам, прежде чем ВМС Его Величества смогли перехватить и потопить его в марте 1915 года недалеко от чилийских островов, где, по легенде, когда-то жил в одиночестве Робинзон Крузо.

Как и его товарищи по экипажу, Витцке был интернирован властями нейтрального Чили, но в начале 1916 года бежал и в мае того же года добрался до Сан-Франциско (США тогда еще были нейтральными). Тамошний немецкий консул генерал фон Бопп решил привлечь Витцке вместе с другим своим агентом, Куртом Янке, к саботажу (сейчас бы в ЦРУ сказали «к тайным операциям») против США с территории Мексики.

Якобы Витцке участвовал в организации грандиозного взрыва в порту Нью-Йорка 30 июля 1916 года. На воздух взлетели склады боеприпасов, предназначенных к отгрузке в страны Антанты. Общая сумма причиненного ущерба превысила 20 миллионов долларов, включая ущерб знаменитой статуе свободы на 5000 долларов.

Интересно, что разведслужба ВМС США, формально проводившая следствие, обвиняла в теракте словацких и индийских иммигрантов, а также некие «коммунистические элементы». Витцке взял взрыв на себя после своего ареста и, скорее всего, был к нему непричастен.

В марте 1917 года взлетели на воздух баржи с боеприпасами в порту Сан-Франциско (погибло 6 человек, 31 получил ранения). Но уж этот-то взрыв был организован не кем иным, как... военно-морской разведкой США. Скорее всего, президент США Вильсон, давно мечтавший втянуть США в войну на стороне Антанты, искал предлог для объявления Германии войны (что и случилось ровно через неделю после «теракта»). Но двойные агенты военно-морской разведки, совершившие этот акт саботажа, позднее «повесили» его на Витцке.

Самого германского супершпиона арестовали 1 февраля 1918 года в пограничном с Мексикой городке Ногалес (штат Аризона). Витцке поначалу выдавал себя за иммигранта из России (союзницы США в то время) Павла Ваберского, якобы возвращавшегося из Мексики в Калифорнию. Но при обыске у него нашли шифровку в 424 символа, зашитую в левом рукаве пиджака. Спустя несколько месяцев помощник Ярдли Джон Мэтьюз Мэнли^[6] смог расшифровать послание. Согласно этому документу Витцке якобы был представителем «имперских консульских властей Республики Мексики». Титул явно бредовый, если учесть, что в то время в Мексике правил довольно левый революционный

режим, не имевший ничего общего с монархией. Но именно тогда американцы были сильно раздосадованы независимой внешней политикой революционного мексиканского правительства президента Каррансы, отказавшегося вслед за США вступить в войну против Германии.

Так что, скорее всего, «грандиозный успех» MI-8 был попыткой через Витцке связать мексиканские власти с германским саботажем в США, чтобы оказать дополнительное давление на неуступчивого Каррансу.

Витцке сильно пытали (после чего он, видимо, и взял на себя взрыв в Нью-Йорке) и приговорили военно-полевым судом к смертной казни, однако немец два раза пытался бежать. Один раз шпион все-таки сумел вырваться из тюрьмы, однако его поймали уже на следующий день. 27 мая 1920 года президент США Вильсон заменил смертную казнь пожизненным заключением. Немецкие власти прилагали большие усилия для освобождения Витцке. В частности, немецкий посол в США 30 апреля 1923 года требовал выпустить гражданина рейха на том основании, что все страны после окончания войны уже освободили всех пленных, включая шпионов. Учитывая настойчивость немцев, а также героический поступок Витцке в тюрьме (он первым вошел в бойлерную после взрыва там котла), его по решению президента Кулиджа освободили 26 сентября 1923 года (незадолго до назначенной уже казни) и депортировали в Берлин.

После возвращения на родину лейтенант ВМС Витцке получил высшие награды Германии — Железные кресты первого и второго класса.

По некоторым данным, позднее Витцке стал сотрудником немецкой военной разведки — абвера. В любом случае его «подельник» по акциям саботажа Курт Янке^[7] после прихода нацистов к власти возглавил полуофициальный разведорган — «Бюро Янке», который работал против США и подчинялся напрямую второму человеку в гитлеровском рейхе Рудольфу Гессу. Заметим, что Янке был, пожалуй, самым профессиональным, результативным и умелым разведчиком Германии вплоть до 1945 года.

По мере увеличения значимости дешифровальное бюро Ярдли было разделено на пять секций (отделов): отдел составления кодов и шифров, отдел связи, отдел стенографии, отдел секретных чернил и отдел взлома кодов и шифров. На пике своей деятельности в ноябре 1918 года, в последний месяц войны, в MI-8 работали 151 человек, в том числе 18 офицеров, 24 гражданских криптографа, 109 машинисток и стенографисток.

Большинство материалов в MI-8 поступало из военного министерства и государственного департамента. Позднее, пользуясь послевоенным

законом о цензуре, бюро получило доступ ко всем сообщениям, передаваемым коммерческим телеграфом. Остальные материалы поступали после радиоперехвата или изъятия почты. Типичный запрос в «бюро Ярдли» выглядел следующим образом: «Уважаемый господин Ярдли, прилагаю копии двух подозрительных телеграмм. Буду признателен, если вы проанализируете их содержание».

Послевоенную «черную комнату» финансировали совместно военное министерство и госдепартамент, и она работала в Нью-Йорке под «крышей» обычной коммерческой компании, якобы создававшей и продававшей шифры для любых озабоченных конфиденциальностью своего бизнеса коммерсантов. Само неофициальное название MI-8 — «черная комната» — ведет свою историю от «черного кабинета» французского короля Генриха IV, решившего еще в 1590 году перлюстрировать переписку. Именно неуклюже снятые и вновь водворенные на место печати писем и заставили тогда иностранные посольства в Париже прибегнуть к созданию постоянных дипломатических шифров.

Ярдли был родоначальником целого поколения боссов американской разведки, сочетавших почти полное отсутствие достижений с умелым пиаром и недюжинными административными способностями в плане «выбивания» денег и штатных единиц на почти незаметную и никому особо не нужную деятельность.

Например, в 1919 году он хвалился, что во время войны его группа перехватила 11 000 сообщений и выявила 579 «стилей шифрования» (последнее было уже явной ложью). Все это (и многое другое) Ярдли цветисто изложил в отчете о своей работе в годы Первой мировой войны (под названием «Коды и шифры. Исследование и взлом»), и начальник армейской разведки США Марльборо Черчилль (родственник Уинстона Черчилля) дал добро на финансирование MI-8.

Заработная плата главы «черной комнаты» в 1919 году составляла 6000 долларов в год (очень хорошие деньги по тем временам). 50 экспертов в области криптографии и шифров получали в районе 2000 долларов. Были наняты 25 клерков при заработной плате 1200 долларов. Утвержденный годовой бюджет составил 100 000 долларов, 40 % которого взял на себя государственный департамент. Остальную часть покрывало военное ведомство.

В мирное время, когда Германия была повержена и разоружена, Ярдли быстро нашел нового врага — Японию, недавнего союзника США по Первой мировой войне. Логика у шефа «черной комнаты» была следующая

— воинственная Япония угрожает Китаю, а это нарушает принцип «открытых дверей» — т. е. свободу для американских торговли и инвестиций в Китай.

Играл здесь роль и явный расистский подтекст — американское общественное мнение было возмущено, что представители «желтой расы» имеют ничуть не уступающий американскому военно-морской флот.

Поэтому Ярдли поставил сам себе задачу взломать дипломатический и военно-морской шифры Японии. И к 1921 году люди Ярдли уже читали дипломатическую переписку японцев, в то время как США стремились «легально» ограничить численность японского (а заодно и британского) флотов на Вашингтонской конференции (12 ноября 1921 — 6 февраля 1922 года). На этой конференции американцам удалось добиться отмены англо-японского союза 1902 года^[8] и выдвинуть японские войска из китайской провинции Шаньдун. Токио пришлось дать гарантии территориальной целостности Китая. Кроме того соотношение численности линкоров и авианосцев США и Японии по Вашингтонскому соглашению устанавливалось как 5: 3.

«Черная комната» Ярдли сыграла в этом американском дипломатическом успехе очень важную роль. С помощью взломанных шифров были получены данные, что, несмотря на официальную позицию японской делегации, требовавшей фиксации соотношения крупных кораблей США — Япония 10: 7, японцы в качестве запасной позиции готовы согласиться и на 5: 3. Зная это, американцы отвергли 10: 7, и японская делегация в конце концов пошла на 5: 3. Заранее готовые к такому итогу, американцы быстро согласились.

На практике получилось, что Японии было разрешено построить всего лишь 18 линкоров против 30 американских вместо 21 боевого корабля, чего хотели в Токио.

Это был наивысший результат работы Ярдли, хотя будущее показало, что успех этот был скорее сродни «пирровой победе». Дело в том, что в 1922 году еще не играл никакой роли самый успешный класс кораблей, обеспечивший США победу над Японией в войне 1941–1945 гг. — авианосцы (или «авиамамки», как их тогда называли). Японцы и американцы после 1922 года стали строить линкоры, тоннаж и пушечное вооружение которых возрастали год от года. Но все гигантские орудия этих крайне дорогостоящих монстров оказались полностью бесполезными в борьбе против стартовавших с авианосцев небольших и юрких (к тому еще и дешевых) палубных истребителей-штурмовиков. Осознав это, японцы и совершили неожиданное нападение на Перл-Харбор в декабре 1941 года,

желая уничтожить одним ударом американский авианосный флот. Но авианосцев в тот день на главной базе Тихоокеанского флота США не оказалось, и жертвой японцев стали линкоры, которые тогда уже абсолютно ничего не решали в борьбе за господство на море.

После успеха 1921 года «черная комната» ничем особенным себя не проявила, хотя Ярдли хвалился, что его люди взломали и секретный код ВЧК. Вскоре военное министерство решило создать свою собственную дешифровальную службу, а госдепартамент сильно не интересовали дипломатические коды иностранных государств, так как никакой угрозы США с их стороны не просматривалось.

Неудивительно, что в 1924 году госдепартамент существенно сократил финансирование «черной комнаты».

Наконец, госсекретарь США при президенте Гувере Генри Стимсон закрыл в 1929 году «черную комнату», произнеся уже упоминавшуюся выше фразу насчет джентльменов и чужих писем. Есть, правда, версия, что, будучи религиозным человеком, Стимсон был возмущен, когда Ярдли похвалился ему, что может прочесть даже секретный код Ватикана. Якобы после этого Стимсон резко поднялся и прервал беседу с Ярдли. Кроме всего прочего, Стимсон не желал, чтобы Ярдли читал коды союзников США, особенно англичан, которые могли ответить тем же самым.

Биограф Стимсона Макджордж Банди^[9] так описывал этот случай, поставивший крест на первой американской разведслужбе: «Во внешней политике Стимсон руководствовался принципом, которому всегда старался следовать в личных взаимоотношениях с людьми: он считал, что сделать людей достойными доверия можно, если доверять им. Согласно этому принципу он и принял решение — навлекшее на него впоследствии суровую критику — о ликвидации так называемого “Черного кабинета”... Он никогда не сожалел об этом шаге... Стимсон как государственный секретарь относился к джентльменам, направленным к нам в качестве (иностраных) послов и посланников, как джентльмен»^[10].

«Черную комнату» закрыли на замок 31 октября 1929 года, через два дня после того, как биржевой крах на нью-йоркской фондовой бирже обрушил весь капиталистический мир в Великую депрессию. Ярдли издал в 1931 году мемуары о своей работе (под названием «Американская черная комната»), чтобы как-то обеспечить семью.

Книга стала бестселлером, так как почти никто ни в Америке, ни в мире и не подозревал о существовании секретной разведслужбы США. В США было продано почти 18 тысяч экземпляров, англичане купили еще

5480. Труд Ярдли перевели на французский, японский, шведский и китайский языки. Причем в Японии продали почти в два раза больше экземпляров, чем в США, — 33 119.

Правительство США встретило этот успех своего бывшего служащего, мягко говоря, без всякого энтузиазма. Книга Ярдли заставила как минимум 19 стран либо сменить дипломатические шифры, либо ужесточить доступ к ним. Тем более, выяснилось, что «почтенная» американская компания «Вестерн Юнион» в нарушение всех законов передавала службе Ярдли копии зашифрованных телеграмм иностранных посольств.

Правительство США хотело даже предъявить Ярдли официальное обвинение, но выяснилось, что он ничего не нарушил. Ведь Ярдли не опубликовал никаких секретных документов собственно американского правительства. В этой связи в 1933 году пришлось срочно дополнить закон о шпионаже, отныне запрещающий опубликование иностранных шифров или зашифрованных текстов. Закон позволил судебным приставам США изъять и уничтожить вторую книгу Ярдли «Японские дипломатические шифры 1921–1922 гг.». Манускрипт этой книги был рассекречен лишь в 1979 году.

Но бывший разведчик никак не унимался. Хорошо понимавший значение славы и современных методов ее обретения, Ярдли обратился к киноиндустрии. В 1935 году американский киногигант «Метро Голдвин Майер» объявил о выходе фильма «Рандеву» «по мотивам книги Герберта О. Ярдли». В картине (звездами которой были Уильям Пауэлл и Розалинд Рассел) говорилось о разоблачении немецкой шпионской организации в США в годы Первой мировой войны. Фильм, что называется, нашел своего зрителя — ведь в 1933 году Гитлер пришел к власти, и Германию в США опять стали воспринимать как главную угрозу.

Ярдли был не прочь вернуться на государственную службу, так как дыхание новой мировой войны ощущалось все сильнее. Но ему не простили саморекламы, и в годы Второй мировой войны он в ограниченном объеме помогал в налаживании криптографической работы Канаде и Китаю. Правда, столь желанная слава все же нашла героя (пусть и посмертно) — в 1999 году в Зале славы АНБ был торжественно открыт портрет Герберта Ярдли, умершего в 1958 году и похороненного на Арлингтонском мемориальном кладбище.

Что касается американской военной разведки в период 1919–1939 гг., то не только многие гражданские исследователи, но и официальные историографы данного вопроса из военного министерства США считают, что фактически никакой серьезной разведки у Америки не было вовсе.

Например, в официальной истории американской военной разведки^[11], написанной по горячим следам Второй мировой войны, о межвоенном периоде говорилось так: «Не было никакой разведки боевых порядков врага на суше и в воздухе; не существовало никакого справочного материала относительно вражеских сил, например, вооружения, знаков различия, укреплений и документов; не было никаких детально разработанных топографических планов для разработки десантных операций; существовали явно недостаточные факты, — зато очень много мнений — о том, на чем базировать стратегические оценки; и не было хорошо подготовленного персонала ни для стратегической, ни для тактической разведки»^[12].

Так как в силу своего географического положения США ожидали мощной атаки только с моря (о реальной угрозе со стороны явно слабых Мексики и Канады не приходилось и думать), то основным ядром военной разведки США считался Офис военно-морской разведки^[13], основанный еще в 1882 году. Это была самая «древняя» американская разведслужба, причем она была на пять лет старше даже своего британского визави — Отдела морской разведки^[14]. Однако до Первой мировой войны в офисе служили всего 18 гражданских сотрудников (по состоянию на 1916 год). Война (особенно после вступления в нее США в апреле 1917 года) принесла бурный количественный и качественный рост — до 306 сотрудников на конец 1918 года.

Работал Офис следующим образом. Получалась (как и до войны) и анализировалась информация американских военно-морских атташе за границей. Особый упор делался на отслеживание перемещения германского флота, прежде всего подводного. Ведь именно германские субмарины представляли угрозу для американского судоходства (надводный флот кайзера был плотно заперт англичанами в Северном море). К тому же они могли теоретически высаживать шпионские и диверсионные группы на американском побережье.

Однако после окончания войны и полного разоружения Германии США не ощущали для себя в мире никакой опасности, в том числе и на море. Именно поэтому численный состав Офиса уменьшился в феврале 1920 года до 70 офицеров, а еще через 8 месяцев — до 18^[15]. В 1926 году в военно-морской разведке США служили 16 офицеров и 22 гражданских сотрудника. При этом собственно в отделе разведки офиса в 30-е годы работало 6 офицеров, и столько же (суммарно) — в отделе по связям с общественностью и в историческом отделе.

По одному офицеру Офиса было выделено в штабы всех трех военных флотов США того времени — Атлантического, Тихоокеанского и Азиатского. Там они собирали информацию по «своим» регионам и пытались наладить контрразведку.

До конца 20-х годов Офис возглавлял офицер в чине капитана (по советскому аналогу — капитан первого ранга), затем контр-адмирал. Сами кадры разведотдела офиса комплектовались обычно из числа военно-морских атташе (бывших или будущих). Но в общем Офис не считался каким-то важным звеном в карьере старших военно-морских офицеров, и его начальники (директора) обычно пребывали на своем посту в среднем 2 года. В ключевом для США 1941 году в военно-морской разведке сменилось целых четыре директора.

Офис считался концом активной службы, и офицеры называли назначение туда «поцелуем смерти». Ведь карьера на флоте шла быстрее на командных должностях на море, но никак не в скучном бюро на берегу.

До конца тридцатых годов офис следил в основном за Японией, от которой ждали неприятностей в Китае, а также в отношении американских колоний на Тихом океане (прежде всего Филиппин).

Германию, несмотря на разрыв Гитлером в 1935 году положений Версальского договора и введение всеобщей воинской повинности, в Вашингтоне серьезной угрозой не считали. Ведь нацисты отказались от строительства большого надводного флота, а следовательно, никак не могли перебросить в США или в их колонии какой-либо осязаемой военной группировки вермахта.

Офис добывал главным образом информацию об иностранных флотских новинках (зачастую — из открытых источников), но анализировать их обычно был не в состоянии. Сведения о новых пушках, торпедах или палубных самолетах передавались в профильные подразделения министерства флота^[16]. Часто ответы оттуда с оценкой добытой информации приходили через несколько месяцев, а то и не приходили вовсе.

Офис составил также объемистые монографии со сведениями о политике, экономике, географии и военно-морских силах основных государств (они постоянно обновлялись). В принципе в случае войны их можно было бы использовать для высадки сил США с моря.

С 1919 года Офис издавал также закрытый ежемесячный «Информационный бюллетень», в котором содержались свежие данные об иностранных флотах, полученные от военно-морских атташе. В основном писали об Англии (она хотя и не была врагом США, но ее флот по-

прежнему считался лучшим в мире) и Японии. Например, в 1919–1929 гг. в бюллетене появилось 92 статьи о Великобритании и 122 — о Японии. Причем если в материалах об Англии упор делался на технические новинки флота Его Величества, то по Японии собирали материал стратегического характера — о программе кораблестроения, дислокации и военно-морских маневрах японского императорского флота. Анализировались и военные конфликты на море, особенно опять-таки действия флота Японии против Китая.

Львиная доля сведений поступала от военно-морских атташе США за границей. Еще перед Первой мировой войной у США был четвертый по величине корпус военно-морских дипломатов (после Великобритании, России и Бразилии), но постоянно за границей работало в среднем 8 офицеров. И здесь свои резкие коррективы внесла Первая мировая война. К 1920 году уже 149 офицеров ВМС США прошли службу в посольствах в 23 странах (в т. ч. в 13 европейских, двух азиатских, 8 латиноамериканских).

После Версальского договора произошло большое сокращение штатов как в США, так и за границей. В 1920 году штатная численность Офиса оставила 42 человека. Сначала, например, военно-морской атташе США в Копенгагене отвечал за все Скандинавские страны, а с 1925 года всю Скандинавию курировал уже военно-морской атташе США в Берлине. В 1926 году на Офис работали 16 военно-морских атташе, через пять лет — 18.

В 20-е годы окончательно сформировалась структура офиса, до этого подвергавшаяся постоянным пертурбациям. Отдел А отвечал за Западное полушарие, отдел В получал и анализировал информацию от других государственных ведомств США, отдел С курировал Ближний и Средний Восток, Южную Европу и страны Прибалтики. Весь отдел Д занимался исключительно Японией, в то время как отдел Е анализировал данные об иностранном судоходстве и военно-морских базах самих США. Отдел F занимался Западной Европой, а отдел G — всем Дальним Востоком (за исключением Японии). В сферу интересов последнего отдела входил и советский Дальний Восток (или «Сибирь», как он назывался американцами)^[17].

Агрессия Японии против Китая, начавшаяся в 1931 году, а также тесный союз Японии с фашистскими режимами в Берлине и Риме привели в 30-е годы к росту численности американских военно-морских дипломатов. В 1938 году информацию давали уже 27 военно-морских атташе (включая и заместителей), которым в их работе за границей

помогали примерно 30 гражданских сотрудников.

Накануне нападения японцев на Перл-Харбор аппарат американской военно-морской разведки за границей состоял уже из 133 офицеров и 200 гражданских служащих. При этом следует отметить, что в японской военно-морской разведке Соединенными Штатами всегда занималось гораздо больше людей, чем их насчитывалось в японском подразделении Офиса военно-морской разведки США.

Обычно американский военно-морской атташе служил за границей 2 года (от одного до трех лет). Формально он входил в штат посольства США, но послу в своей информационной работе не подчинялся и отправлял информацию прямо директору Офиса военно-морской разведки. С конца двадцатых годов Офис стал направлять в качестве заместителей военно-морских атташе в наиболее важные страны технических специалистов, способных оценить те или иные новшества в иностранных флотах.

Офис стремился обучать своих офицеров иностранным языкам: русскому, китайскому и японскому. Это ясно говорит о том, кого американцы считали потенциальными противниками на море. Ни немецкий, ни итальянский язык в офисе не учили. Упор опять-таки делали на язык Страны восходящего солнца. В межвоенный период в Японии на языковой практике побывало 65 офицеров американского флота.

В 1931 году работа Офиса обходилась американским налогоплательщикам всего в 144 тысячи долларов. Рост угрозы новой мировой войны отразился и на бюджете военно-морской разведки: в 1937 году он составил уже 237 тысяч долларов^[18].

Каждый год директор Офиса военно-морской разведки выпускал доклад «Оценка ситуации и план развития (военно-морских) баз». В докладе содержалась оценка политической ситуации в мире, а также раздел «Информация», где речь шла о специфических нуждах и проблемах военно-морских сил США с учетом этой самой политической ситуации.

Военно-морская разведка стала работать гораздо активнее, когда президентом США в 1932 году был избран Франклин Рузвельт, занимавший во время Первой мировой войны пост заместителя военно-морского министра. Рузвельт считал главным врагом США Японию и поставил перед новым начальником офиса военно-морской разведки капитаном Уильямом Пьюлестоуном задачу немедленно активизировать сбор информации на этом направлении. В 1935 году офис решил направить двух резидентов в Гонконг (тогда британская колония) и Шанхай^[19]. Оттуда

следовало организовать разведсеть в Японии, в частности, в таких городах, как Нагасаки и Сасебо. Причем сеть эта должна была состоять из завербованных в Шанхае и Гонконге китайцев^[20].

Заметим, что точно такую же задачу (создание разведывательной сети в Японии) примерно в то же самое время получил от Разведуправления Красной армии немецкий коммунист Рихард Зорге.

В Шанхай решили направить майора Уортона, шефа дальневосточного отделения Офиса, который предпринял титанические усилия, чтобы отказаться от этого назначения. Он боялся, что его убьют японцы, хотя в Шанхае располагался контингент морской пехоты США. Никаких указаний относительно характера нужной Вашингтону информации Уортон не получил. Ему ответили отказом и на просьбу составить хотя бы письменный приказ о его откомандировании в Шанхай: мол, есть опасения, что Уортон этот приказ потеряет^[21].

Первый нелегал Офиса должен был ехать в Шанхай с легендой разочаровавшегося в службе офицера, решившего открыть в Китае свой бизнес. Летом 1935 года Уортон через Европу отправился в Шанхай с тремя паспортами, один из которых удостоверял его как атташе посольства США в Пекине (видимо, чтобы обеспечить иммунитет на случай ареста). В Шанхае он остановился в Американском клубе (здание охраняла морская пехота США), снял комнату в отеле и офис для потенциальной вербовки.

В Нанкине Уортон восстановил дружбу с китайцем Дай Ли, с которым познакомился ранее, когда китайские студенты играли в Пекине в баскетбол против морских пехотинцев из охраны посольства США^[22]. Дай Ли служил в полиции китайского диктатора Чан Кайши и в 1927 году составлял списки подлежащих аресту и казни коммунистов. Зверства Дая были хорошо известны в тогдашнем Китае, и в 1935 году этот китаец фактически возглавил тайную политическую полицию Чан Кайши.

Уортон просто попросил Дая поделиться своей агентурой, и тот согласился.

Никакой специальной разведподготовкой и навыками вербовки Уортон не обладал и решил просто купить потенциальных агентов за деньги. Дай «подкинул» ему австрийского художника Фритца Шифа, которого Уортон несколько раз угощал обедом в Американском клубе. Наконец он предложил Шифу возглавить американскую разведсеть в Японии и обосноваться в Сасебо под видом учредителя художественной школы. Австриец согласился и взял 200 долларов на поездку в Японию. Целью сети было следить за перемещениями японского флота, а также выяснить,

какого калибра были самые большие пушки на японских линкорах.

Но через месяц Шифф вернулся в Шанхай и сообщил, что ничего не получилось.

Тогда Уортон в феврале 1936 года отправил в Сасебо и Нагасаки китайца Чен Чженьцзяна с той же целью. За ним последовали еще один австриец, Франц фон Штернбург, и еще два китайца. Результат был таким же.

Самого Уортона сменили в том же феврале 1936 года, и он с радостью убыл на родину, причем через Японию, где каждую минуту боялся ареста. Из Шанхая пришлось уехать потому, что некоторые расквартированные там американские морские пехотинцы знали Уортон и постоянно досаждали ему расспросами, что он, собственно, делает в Китае.

Таким образом, в отличие от Рихарда Зорге Уортону не удалось создать в Японии даже подобия разведсети, что лишний раз говорит о высоком профессионализме очень молодой советской разведки и о вопиющей бестолковости американских спецслужб межвоенного периода.

7 марта 1934 года в Москву прибыло первое посольство США, в составе которого находился и военно-морской атташе, капитан морской пехоты Ниммер. Выбор на эту должность морского пехотинца (а не офицера ВМС) означал, что в Вашингтоне оценивали боевые возможности только что возрождавшегося советского флота как мизерные. Уже менее чем через год, 16 февраля 1935 года, офис военно-морского атташе был закрыт по странной официальной причине — из-за отказа советского правительства платить США по долгам царского режима. На самом деле Ниммер обиделся, что русские не давали ему по стране никакой свободы передвижения. К тому же в Вашингтоне решили, что малая ценность добытой в СССР информации не оправдывает издержек на содержание офиса военно-морского атташе в Москве^[23].

Сухопутные силы США (US Army) находились в состоянии упадка и стагнации практически в течение всего периода между гражданской (1861–1865 гг.) и Первой мировой войнами. Индейцы и мексиканцы были «успешно» разбиты (а первые еще и практически полностью уничтожены), а никакой иной опасности для звездно-полосатого стяга на суше не предвиделось.

Армейская разведка — Отдел военной разведки — была учреждена в 1885 году. После вступления в США в Первую мировую войну начальник Генерального штаба сухопутных войск распорядился в апреле 1917 года учредить секцию разведки в военной академии. Затем ее оттуда вывели и официально назвали Отделом военной разведки (Military Intelligence

Division, MID).

Окончание войны, как и в случае с военно-морской разведкой, ознаменовалось резким сокращением штатов: вместо 1144 сотрудников осталось 90 (1922 год). К 1936 году и этот весьма скромный уровень упал до 66 человек. Правда, следует заметить, что и во французской военной разведке («Второе бюро») середины 30-х годов работало всего 75 человек. А ведь французская армия после 1918 года считалась сильнейшей в Европе.

В 1938 году в военной разведке США работало 18 офицеров действительной службы и 46 гражданских сотрудников.

Армейская разведка должна была следить за техническими новинками сухопутных сил (включая авиацию) иностранных государств и добывать сведения об их оперативном и стратегическом военном планировании. Кроме того, в ее задачу входила подготовка карт и топографических планов возможных театров военных действий.

Отдел был разбит на семь географических секций, которые получали и анализировали информацию от американских военных атташе за границей. По наиболее важным странам составляли специальный информационный файл, который периодически обновлялся.

Дело с анализом военно-технической информации в военном министерстве обстояло еще хуже, чем в военно-морском. Бюджет на содержание сухопутных сил сокращался практически вплоть до Второй мировой войны, и армия не закупала даже собственные технические новинки, не говоря уже об иностранных.

Как и в случае с военно-морской разведкой, практически единственным источником информации были военные атташе США за границей. К моменту начала Первой мировой войны их насчитывалось 15 (были аккредитованы в 19 странах). В 1918 году число военных дипломатов выросло до 111, но к 1922 году опять снизилось до 30. Были отозваны военные атташе из Чехословакии, Бельгии, Нидерландов, Египта, Эквадора, Швеции, Венгрии. Военный атташе в Германии, например, стал отвечать еще и за Швецию, Швейцарию и Голландию.

В 1933–1937 гг. США так и не вышли из Великой депрессии, и конгресс в целях экономии расходов установил верхнюю планку численности военных дипломатов в 32 офицера. Тем не менее у США был третий по величине в мире корпус военных атташе после Франции и Великобритании. Информация шла из 44 стран.

На должность военных атташе обычно подбирались армейские офицеры с командным опытом, аналитическим складом ума и желательно еще и со знанием иностранного языка. В том, что касается европейских

языков, особых проблем не было. Но беда, как и в случае с ВМС, была с японским и китайским. Для языковой практики офицеров направляли в Японию, где они могли 6 месяцев стажироваться в японских армейских частях. Поощрялись поездки практикантов по стране с тем, чтобы они могли лучше «вжиться» в менталитет японцев. В 20—30-е годы в Японию и Китай направляли по 6—8 офицеров в год.

В 20—30-е годы в наиболее технически продвинутые страны (Великобритания, Италия, Франция, Германия, Испания и Греция) были командированы и специалисты по авиации.

Самыми престижными постами военных атташе считались Париж и Берлин (для военно-морского атташе — Лондон), так как Германию и Францию считали законодательницами мировой моды в вооружении и тактике.

Начало Второй мировой войны в Европе заставило конгресс США увеличить в 1940 году численность военной разведки с 69 до 80 штатных единиц. Но по-настоящему радикальный рост начался лишь в 1941 году. К моменту нападения Японии на США в армейской разведке было уже 848 сотрудников, в том числе 200 офицеров^[24].

О работе американской военной разведки дают представление, например, сообщения, поступавшие из Германии.

Там у американцев было гораздо больше возможностей для сбора самых разных сведений, чем в других странах, если учесть, что территория Германии после Версальского мира была частично оккупирована союзниками. Например, в июле 1919 года в Германии находилось 3543 офицера и 73 821 солдат и унтер-офицеров американской армии. И хотя численность оккупационных войск к декабрю 1922 года фактически сошла на нет (105 офицеров и 1060 солдат и унтер-офицеров)^[25], всю территорию Германии бесконтрольно «бороздили» союзнические контрольные миссии, стремившиеся выявить и предотвратить тайное восстановление военного потенциала рейха.

Аппарат американского военного атташе информировал Вашингтон не только об общеполитической ситуации в Германии, но и о множестве частных вопросов: затрагивалось денежное довольствие рейхсвера, дислокация немецких войск в Восточной Пруссии, изменения в германских уставах, реорганизация армии при Гитлере и т. д. Но в целом бросается в глаза, что сведения почерпнуты из открытых источников и не носят аналитического, а тем более прогнозного характера.

Интересно, что посольство США в Берлине (включая военный

атташат) было никак не встревожено приходом Гитлера к власти 30 января 1933 года. Временный поверенный в делах США в Германии Клифот обедал 1 февраля 1933 года с Ялмаром Шахтом^[26] (которого Гитлер в марте 1933 года сделал главой рейхсбанка), и тот от имени фюрера заверил, что американскому бизнесу в Германии нечего бояться^[27].

Для Вашингтона это было самым главным.

Ведущая американская газета «Нью-Йорк Таймс», комментируя 31 января 1933 года назначение Гитлера рейхсканцлером, писала, что никакого особого повода для тревоги нет^[28].

В целом можно отметить, что американская разведка всех видов к началу Второй мировой войны находилась в зачаточном состоянии, не имела единого центра руководства, нелегальной сети за границей и даже членораздельной установки от политического руководства страны, что и где, собственно, «разведывать». Такое положение дел отнюдь не объяснялось лишь бюрократическим головоунытием различных ведомств или неопытностью США во «второй древнейшей профессии».

Просто в Вашингтоне считали, что воевать на своей территории никогда не придется (этому препятствовала сама география), а в случае возникновения очередного конфликта в Европе можно будет дать соперникам обескровить друг друга и вмешаться на финальной стадии с минимальными потерями и максимальным выигрышем.

Так и вышло. Почти.

Что касается американской контрразведки, т. е. структуры по борьбе с иностранным шпионажем на территории США, то до Первой мировой войны ее фактически не существовало. Тогда во всем мире шпионажем занимались дипломаты (как военные, так и гражданские), и это все знали. Полиция государств пребывания обычно следила за иностранными дипломатами, и если те попадались или просто были очень уж успешными, то их высылали.

Но в США до 1914 года никто из великих держав того времени шпионажем особо и не занимался. Вся мировая политика того времени делалась в Лондоне, Париже, Берлине, Санкт-Петербурге и Вене. США же были провинциальной державой среднего уровня, сторонившейся любых военно-политических союзов, которых с Вашингтоном никто, в общем-то, и не искал.

В Америке даже не было федеральной полиции, а полиция штатов понятия ни о каком шпионаже даже не имела.

Однако после начала Первой мировой войны (и особенно после

вступления в нее США в апреле 1917 года) американские СМИ раздули массовую истерию относительно иностранных шпионов и саботажников. Фактов в этой шумихе было не более 10 %, остальное приходилось на слухи сплетни. Причем на роль шпионов «назначались» в основном иммигранты из Европы, обычно сторонники социалистических взглядов. Ведь социалисты США были яркими противниками войны, а большинство членов соцпартии состояло из иммигрантов.

После революции в России шпионами стали коммунисты и «большевики» — т. е. все те в США, кто призывал к немедленному миру без аннексий и контрибуций.

С самого начала в США пытались представить коммунистические и социалистические идеи чужеродными, не подходящими «американскому образу жизни». Соответственно их носителей считали опасными иностранцами или «чужаками» (aliens), а после 1917 года — еще и русскими агентами. По этой логике «нормальный» американец не мог быть коммунистом.

Следует в принципиальном плане заметить, что с территории Российской империи в США эмигрировали до 1917 года примерно 3,5 миллиона человек, среди которых было много евреев, бежавших от погромов и антисемитской политики царского правительства. В социалистическом движении США эти люди, как правило, не участвовали. Тем не менее в американской соцпартии^[29] наряду с другими национальными федерациями существовала и Русская (т. е. объединявшая членов партии, основным языком общения которых был русский). До 1917 года в ней состояло не более 750 человек, и никаких контактов с большевистской партией в России федерация не поддерживала.

15 июня 1917 года президент США Вильсон подписал первый в истории страны закон о шпионаже (Espionage Act). Согласно закону всем, кто организовывал в воюющей Америке акты неповиновения, мятежи и прочие «нелояльности», грозило 20 лет тюрьмы, а то и смертная казнь. Достаточно было, например, передать «оборонные секреты» лицу, «не имевшему права знать о них».

Президент Вильсон так обосновал принятие закона: «Есть граждане Соединенных Штатов, и я краснею, признавая это, которые родились под чужими флагами, но которых мы приветствовали здесь на основании наших щедрых законов о натурализации, и которым мы дали полную свободу и все возможности в Америке, и которые вылили яд нелояльности в самые сокровенные артерии нашей национальной жизни; которые пытались унизить авторитет и доброе имя нашего правительства,

разрушить нашу промышленность... и подорвать нашу политику в интересах иностранных государств...

Эти существа, полные вражды, нелояльности и анархии, должны быть начисто сокрушены. Их немного, но они бесконечно злобны, и рука нашей мощи должна раз и навсегда разделаться с ними. Они образовали заговоры с целью уничтожения собственности, они вступили в конспиративный сговор против нейтралитета нашего правительства, они пытались проникнуть во все секретные дела нашего правительства для того, чтобы служить интересам чужих (держав). Надо разобраться со всем этим очень эффективно. Мне нет необходимости предлагать те меры, которые надо применить против них».

Согласно этому более чем странному и довольно истеричному (к тому же и бездоказательному) обоснованию высшего должностного лица в США (бывшего профессора, считающегося и поныне одним из самых образованных президентов Америки) получалось, что шпионами могут быть только родившиеся вне США американские граждане (!). Да и чтобы прослыть шпионом, достаточно было всего-навсего покриковать правительство США. Такого драконовского определения шпионажа не было даже в нацистской Германии.

Функции контрразведки и политической полиции были возложены на министерство юстиции США и на основании закона о шпионаже власти немедленно обрушили репрессии против всех пацифистов в стране, особенно из рядов соцпартии.

Уже в сентябре 1917 года сотрудники министерства юстиции США провели синхронные облавы против сорока восьми местных организаций анархо-синдикалистского профсоюза Индустриальные рабочие мира (ИРМ) по всей стране. 165 членов ИРМ были арестованы за организацию политического заговора с целью препятствовать набору в армию, поощрение дезертирства и запугивание других лиц в связи с трудовыми спорами, в соответствии с Законом о шпионаже. Сто один человек предстал перед судом в 1918 году, и все были признаны виновными — даже те, кто не был членом профсоюза в течение многих лет, — получив тюремные сроки вплоть до двадцати лет.

С самого начала истории американской контрразведки большинство шпионов в США почему-то были «красными» и «русскими».

Между тем реальные контакты американских левых с Россией в 1917–1918 гг. были очень затруднены из-за бушевавшей на тот момент Первой мировой войны.

До Октябрьской революции в России практически никто в США, даже

в левых кругах, не слышал имени Ленина. Русских левых в какой-то мере олицетворял живший в США Троцкий, который до августа 1917 года не состоял в партии большевиков. Соцпартия США полагала, что революция в отсталой России невозможна, и не уделяла этой стране никакого внимания. Сам Ленин (находившийся во время войны в эмиграции в нейтральной Швейцарии) также не знал лично ни одного американского социалиста. Правда, узнав из прессы об образовании в США Лиги социалистической пропаганды^[30], Ленин направил в ее адрес материалы на немецком языке. Лидер большевиков просил наладить с ним постоянный контакт, но Лига письмо неизвестного ей русского проигнорировала. Когда соратницу Ленина Александру Коллонтай пригласили выступить с лекциями в США (в основном как известную феминистку), Ленин по возвращении засыпал ее вопросами. Например, он хотел знать, кто такой Юджин Дебс (лидер соцпартии) и какие у него взгляды.

В ноябре 1916 года в США бежал из Англии Николай Бухарин, ставший в Нью-Йорке редактором печатного органа Русской федерации соцпартии газеты «Новый мир». Троцкий прибыл в США в начале 1917 года и приобрел большую известность благодаря еврейской американской прессе. Характерно, что в своем первом интервью на набережной Нью-Йорка Троцкий подчеркнул, что он — не революционер^[31].

Ленин всегда считал США самой прогрессивной страной тогдашнего капиталистического мира, противопоставляя «американскому пути развития капитализма» «прусский», отягощенный феодальными пережитками, по которому шла Россия. Уже став лидером России, Ленин неоднократно призывал русских рабочих учиться работать у американцев. В 1918 году он писал: «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники»^[32].

Высоко отзывался основатель Советского государства и об американской Войне за независимость: «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных... дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и

державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти “цивилизованные” кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира»^[33].

В любом случае никаких конкретных задач по свержению правительства США ни один советский лидер никаким своим спецслужбам никогда не ставил.

Мысли самого Ленина американская левая пресса впервые подробно осветила лишь 30 июня 1917 года, опубликовав еще дореволюционную лекцию вождя большевиков «О русской революции», прочитанную им в эмиграции в Швейцарии. Затем вплоть до Октябрьской революции в левой прессе США появились всего три заметки с упоминанием имени Ленина. Да и сама Октябрьская революция вызвала в печатных органах американской соцпартии самые противоположные комментарии — от восторженных до критических.

После Октябрьской революции госсекретарь США Лансинг приказал всем дипломатическим представителям США воздержаться от любых контактов с большевистским правительством, хотя военный атташе в Петрограде Джадсон рекомендовал наладить с новым режимом дружественные отношения. Просто Джадсон считал, что никакой альтернативы большевикам в России нет.

Правительство США по личному указанию президента Вильсона решило финансово поддержать белых донских казаков атамана Каледина, которые 15 декабря 1917 года захватили Ростов-на-Дону. 17 декабря Вильсон официально распорядился оказать Каледину и Корнилову помощь. В распоряжение формирующейся на Дону белой Добровольческой армии Корнилова — Алексева американцами было передано несколько миллионов рублей. Это позволило Алексеву наладить выплату постоянного жалования бойцам армии.

Таким образом, подрывной деятельностью реально занимались не большевики в США, а американцы в России. Причем и здесь играл роль пресловутый «шпионаж».

4 февраля 1918 года посла США в России Фрэнсиса посетил правый петроградский журналист Евгений Семенов, попросивший денег для Корнилова и Каледина. Семенов предъявил Фрэнсису копии неких документов, из которых следовало, что Ленин согласовал состав советского правительства с германским Генштабом и регулярно получает от немцев указания.

Фрэнсис связал Семенова со специальным посланником президента США Эдгаром Сиссоном, и тот выразил желание купить сенсационные

документы, которые Семенов в свою очередь обещал вынести прямо из Смольного. 2 марта 1918 года Сиссон пришел к Смольному, во дворе которого Семенов показал ему лежащие прямо на снегу взломанные ящики с какими-то бумагами. Мол, охрана уронила пару ящиков, они и разбились. Сиссон оптом купил ящики и через Финляндию вывез их в Норвегию. Когда 6 мая 1918 года Сиссон прибыл в Нью-Йорк, подготовленные газеты уже сообщали на первых полосах, что «советские лидеры разоблачены как германские шпионы». Вильсон познакомился с бумагами 9 мая, и они его «впечатлили». Но понимая, что это, скорее всего, фальшивка, президент пока запретил госдепартаменту публикацию «документов Сиссона».

Между тем американские власти без всяких реальных оснований продолжали «закручивать гайки» в собственной стране.

16 мая 1918 года президент США Вильсон подписал закон с красноречивым названием «О подстрекательстве к мятежу» (Sedition Act). Фактически это был набор поправок к «шпионскому закону», которыми в США, по сути дела, ликвидировалась свобода слова. Запрещались, например, все публичные выступления, на которых звучали «...в любой форме нелояльные, грубые, непристойные или оскорбительные слова о форме правления в Соединенных Штатах... или о флаге Соединенных Штатов, или о форме армии или флота».

Согласно этому закону американцы высылали из страны всех «подозрительных» иностранцев, к которым относили коммунистов и социалистов. Так, были вынуждены уехать из США родители будущего лидера Чехословакии Александра Дубчека. Но закон бил и по американцам — на 10 лет был осужден лидер социалистической партии США Юджин Дебс, который до этого пять раз баллотировался на пост президента США, набирая десятки и сотни тысяч голосов. Даже находясь в тюрьме, Дебс получил на президентских выборах 1920 года 913 664 голоса. Никаких контактов с Россией Дебс не имел, а Ленин не считал его зрелым марксистом.

15 сентября 1918 года (через две недели после покушения на Ленина в Москве) Вильсон распорядился опубликовать «документы Сиссона». Президент США объявил своему помощнику полковнику Хаузу, что опубликование документов означает «по сути объявление войны правительству большевиков»^[34].

Однако уже на следующий день после опубликования многие американские журналисты охарактеризовали «документы» как грубо сработанные фальшивки. 19 сентября 1918 года американский посол в Лондоне сообщил в госдепартамент, что англичане еще раньше получили

точно такие же документы и считают их «сомнительными». Например, документы из разных «источников» были напечатаны на одной и той же машинке. Посол сделал собственное заключение — все или почти все документы можно точно считать фальшивками.

Тем не менее Вильсон держал у себя «документы Сиссона» до своей смерти в 1924 году, после чего их следы затерялись. В 1955 году их обнаружили в Национальном архиве, и год спустя главный специалист по России в госдепартаменте (и идейный отец холодной войны) Джордж Кеннан официально признал их фальшивкой. Он легко установил, что все подписи сделаны одной рукой и абсолютно не совпадают с уже известными на тот момент подписями советских лидеров, например, Троцкого. Печати на «документах» тоже были грубо сработаны, причем явно в домашних условиях.

Однако «документы Сиссона» в 1918 году сыграли свою роль в развертывании новой волны антикоммунистической и «антишпионской» истерии в США.

19 сентября 1918 года сенат США образовал специальный комитет. У этого органа даже не было официального наименования, и его назвали по имени председателя — сенатора Овермана. Сначала комитет преследовал всех американцев немецкого происхождения, например пивоваров (еще шла Первая мировая война и Германия была противником США). Но в ноябре 1918 года война закончилась, и с февраля 1919 года тот же комитет стал плавно заниматься расследованием «...любых усилий направленных на пропаганду в этой стране (т. е. США. — *Примечание автора*) принципов любой партии, которая имеет власть или утверждает, что имеет власть в России».

Заметим, что в отличие от Германии Советская Россия никогда не находилась в состоянии войны с США.

В феврале — марте 1919 года комитет Овермана заслушал более 20 «свидетелей», большинство из которых призвали США усилить военную интервенцию в России. При этом американские войска и так находились на территории России с лета 1918 года, хотя их туда никто не звал.

Интересно, что комитет Овермана специально исследовал такую тему, как якобы решающую роль евреев в Октябрьской революции. Один из свидетелей (методистский священник) заявил, что 19 из 20 русских коммунистов — евреи. Другие на полном серьезе утверждали, что весь командный состав Красной армии — это евреи из нью-йоркского района Ист-Сайд (!)^[35].

В итоговом заключении комитета советскую власть назвали «царством террора, беспрецедентным в истории современной цивилизации». Оверман даже предложил принять закон о запрете ношения на улицах красного флага.

В 1919 году американская полиция раскрыла заговор анархистов, которые планировали разослать по почте несколько бомб в разные государственные учреждения США. 2 июня 1919 года произошла серия взрывов в восьми городах Америки, включая Вашингтон, где одной бомбой был поврежден дом министра юстиции (генерального прокурора) США Палмера, а другая взорвалась недалеко от места, где в тот момент находился будущий президент США Франклин Рузвельт. На месте взрывов были найдены послания террористов, что позволило американским СМИ обвинить в организации терактов людей с левыми взглядами.

Ничего общего у этих террористов-анархистов (многие из которых были итальянцами) ни с коммунистами, ни с Советской Россией не было. Тем не менее министр юстиции США Палмер и американские газеты заговорили о «красной угрозе» (Red Scare). Были проведены так называемые «рейды Палмера», в ходе которых полиция картинно арестовала несколько сот «мятежных» иностранцев.

12 июня 1919 года полиция совершила налет на бюро советского торгового представителя в Нью-Йорке Людвига Мартенса. В комнатах бюро перерезали телефонные провода и стали изымать документацию. Однако никакого «компромата» при обыске так и не нашли. Газета «Нью-Йорк Таймс» 10 января 1920 года, тем не менее, писала: «Под предлогом коммерческой деятельности советское бюро в Нью-Йорке служит ширмой для распространения писем Ленина американским рабочим и пропаганды, направленной против нашего правительства». СМИ требовали немедленного выдворения Мартенса из США.

Сенатский комитет по внешним сношениям в начале 1920 года образовал подкомитет по расследованию «подрывной» деятельности Мартенса, но никаких доказательств подобной деятельности так и не нашел. Тем не менее в январе 1921 года Мартенса выслали из США.

Между тем часть левого крыла очередного съезда соцпартии США (82 делегата из 21 штата, в том числе Джон Рид) основала 31 августа 1919 года Коммунистическую рабочую партию Америки (КРПА). Другая часть левого крыла (128 делегатов), которая с самого начала хотела выйти из соцпартии, образовала 1 сентября 1919 года Коммунистическую партию Америки (КПА). Никаких идейных разногласий между обеими партиями не было. В КРПА (примерно 15–20 тысяч членов) преобладали англоязычные

«коренные» американцы, а в КПА (25–30 тысяч человек) — бывшие национальные федерации соцпартии (плюс «англоязычная» мощная организация соцпартии из Мичигана). Примечательно, что сам учредительный съезд КПА прошел в здании Русской федерации соцпартии в Чикаго, а само это здание прозвали «Смольным».

Дело в том, что после Октябрьской революции в России авторитет всех русских в США сильно вырос. Хотя они долгие годы жили в Америке, их априори считали представителями их далекой революционной родины. Число членов Русской федерации соцпартии выросло к 1919 году почти до 4 тысяч человек — их называли «ноябрьскими большевиками» (т. е. вступившими в соцпартию после Октябрьской революции в России).

На конец 1919 года в КПА было 7000 «русских», 4000 украинцев (т. е. членов отдельной Украинской федерации бывшей соцпартии), 1200 латышей, 4400 литовцев, 1750 поляков, 2200 «южных славян», 1000 евреев, 100 венгров, 850 немцев, 280 эстонцев и примерно 3000 «англоязычных»^[36].

Для министерства юстиции США все это было желанным доказательством русского следа во всей «красной подрывной деятельности» в Америке. И реакция власть предержащих не заставила себя долго ждать.

Американские власти стали преследовать коммунистов прямо с момента образования обеих компартий. Уже во время съезда КПА в зал ворвались полицейские и сорвали с трибуны кумачовые транспаранты. Лидеру мичиганской организации Батту предъявили обвинение в нарушении «закона о шпионаже» штата Иллинойс. Когда одна из женщин-делегаток попыталась протестовать против явно срежессированного ареста Батта, полицейский заорал на нее: «Заткнись — женщины и так виновницы всех бед!»^[37]

На самом деле радикализация общественного мнения в США (да и во всем тогдашнем мире) имела своей причиной отнюдь не тайных большевистских эмиссаров или шпионов, а начавшийся после окончания Первой мировой войны экономический кризис. Правительство резко сократило свои заказы промышленности, и масса трудящихся осталась без работы. Естественно, что люди были этим крайне недовольны.

6 февраля 1919 года первая в истории США всеобщая забастовка полностью парализовала Сиэтл. Под лозунгом «Вместе мы добьемся лучших экономических условий» в ней приняли участие 100 тысяч человек — от пекарей до учителей. Хотя никаких контактов у бастовавших

с Советской Россией не было, власти немедленно окрестили стачку «революцией». Мэр Сиэтла Хансон заявил, что все происходящее напоминает ему «революцию в Петрограде». Конгрессмен Ройял Джонсон отметил, что среди лидеров стачки много подозрительных людей с такими именами, как Иван Керенский. Видимо, малограмотный Джонсон считал Керенского опасным большевиком.

На улицы Сиэтла вывели усиленные наряды полиции с пулеметами, хотя бастующие вели себя мирно.

В 1919 году генеральный прокурор США Палмер заявил в конгрессе, что США находятся на пороге красного переворота, и попросил, естественно, увеличить расходы на федеральную полицию с 1,5 до 2 миллионов долларов. Эту традицию — пугать в целях наращивания ассигнований общественность «красными» и «русскими» — американские спецслужбы сохранили и по сей день. Не случайно, что перед каждыми выборами в США — президентскими и т. н. «промежуточными» — в Америке разоблачают «русских шпионов».

Таким образом, именно «красные» (а точнее, развязанная вокруг них истерия) фактически создали ФБР США — американскую политическую полицию и контрразведку. 1 августа 1919 года Палмер назначил 24-летнего клерка Эдгара Гувера шефом специального «политического» подразделения Бюро расследований — Отдела общей разведки (Division of General Intelligence). Именно с тех пор и до 1972 года Гувер считал основной своей целью борьбу с коммунизмом в США, утверждая при этом, что мафия (и вообще организованная преступность) — всего лишь выдумка газетчиков.

Гувер в чем-то походил на Ярдли — он страстно мечтал выдвинуться и для этого сделать своим «коньком» нечто, чего в американском правительстве еще не было. «Красные» и «русские шпионы» для этого пришлись весьма кстати. Как и Ярдли, Гувер позиционировал себя как трудоголика и честного госслужащего, и, как и в случае с Ярдли, за этим благопристойным фасадом скрывались тайные пороки. Если Ярдли не мог жить без покера и сильно пил, то Гувер брал взятки и был гомосексуалистом. Причем в то время в демократической Америке его «каминг аут» означал бы немедленное и позорное увольнение с госслужбы.

Как и Ярдли, Гувер происходил из весьма скромной семьи, и родители ничего не могли дать ему в плане карьеры. Джон Эдгар Гувер родился 1 января 1895 года в Вашингтоне, третьим ребенком в семье Дикерсона Нейлора Гувера, работавшего в ведомстве геодезии и картографии. Причем на госслужбе работал не только отец, но и дед Гувера. Предки отца и

матери прибыли в США из Германии и Швейцарии. При этом на протяжении всей жизни Гувера ходили слухи, что у него есть и афроамериканские корни.

Отец часто страдал от депрессий, и его несколько раз направляли в психиатрические клиники. Вся семья была на плечах матери, которую Гувер нежно любил и жил вместе с ней до ее смерти в 1938 году. Он никогда не был женат. Всю свою жизнь Гувер прожил в Вашингтоне.

Все свое имущество Гувер позднее завещал своему помощнику в ФБР Клайду Томсону, которого многие считали настоящей «женой» Гувера.

В школе Гувера дразнили «маменькиным сыночком» (как и Гитлера), и он сильно заикался, но преодолел этот недуг, научившись говорить быстро. Школьная газета отмечала его железную и холодную логику.

В 1917 году Гувер, работая в библиотеке Конгресса США, окончил вечерний юридический факультет университета Джорджа Вашингтона. В 1917 году он поступил на работу в министерство юстиции США и после Октябрьской революции в России возглавил бюро по регистрации «враждебных иностранцев». На самом деле на основании упомянутого выше закона о шпионаже бюро Гувера могло арестовывать и содержать в тюрьме любого подозрительного иностранца без санкции суда.

В 1918 году Гувер составил список из 1400 подозрительных немцев, из которых были немедленно арестованы 98, а еще 1100 были классифицированы как «подлежащие аресту».

В августе 1919 года рвение молодого клерка было замечено, и (как уже упоминалось выше) он стал шефом Бюро расследований в составе только что созданного Департамента общей разведки (General Intelligence Division) министерства юстиции. Департамент неофициально называли «департаментом по делам радикалов», так как он должен был следить главным образом за «красными».

Свою первую операцию Гувер наметил на 7 ноября 1919 года — вторую годовщину Октябрьской революции в России. Незаконно собрав досье на более чем 100 тысяч «красных», в этот день полиция штатов и люди Гувера в присутствии прессы и часто без санкции судов арестовали сотни «подозрительных», в основном опять-таки иностранцев. При этом почти всех жестоко били. Только в Нью-Йорке было задержано 650 «красных». Однако даже суды этого штата смогли признать виновными и депортировать из США лишь 43 человека.

Абсолютное большинство арестованных Гувером никаких законов США не нарушили.

На самом деле Палмер и Гувер провели рейды (которые получили

название «рейды Палмера») для того, чтобы сорвать намеченную на ноябрь 1919 года забастовку шахтеров и железнодорожников, к организации которой Москва не имела ни малейшего отношения. Но депутаты конгресса от затронутых забастовкой районов потребовали от Палмера «проявить жесткость», что и было сделано. Депутатов же в свою очередь попросил вмешаться «большой бизнес».

В декабре 1919 агенты Палмера и Гувера арестовали 249 человек, включая известных радикальных активистов Эмму Голдман и Александра Беркмана, посадили их на пароход и выслали в Советскую Россию (пароход «Бьюфорд» американская пресса окрестила «советским ковчегом»).

Так как с точки зрения пиара успех арестов был сомнительным, то 2 января 1920 года началась новая серия полицейских рейдов против «красных». За 6 недель было арестовано более 4 тысяч человек, причем многих неделями держали в тюрьмах, не предъявляя никаких обвинений. Даже Гувер позднее признал «несколько случаев жестокости» по отношению к арестованным^[38].

Для дальнейшего нагнетания антикоммунистической истерии весной 1920 года Палмер и Гувер предсказали, что 1 мая в стране начнется коммунистическая революция. Газеты запестрели аршинными заголовками типа «Грядет царство террора, говорит Палмер» и «Общенациональное восстание начнется в субботу». Некоторые штаты провели мобилизацию в Национальную гвардию. Полиция была приведена в состояние повышенной готовности. Например, в Нью-Йорке 11 тысяч полицейских непрерывно дежурили 32 часа. В Бостоне полиция установила на свои автомашины пулеметы.

29 апреля 1920 года Палмер истерически провозгласил, что в его руки попал список лиц, которых коммунисты обязательно убьют во время Первомая. Но 1 мая 1920 года в США не произошло ни одного инцидента, и газеты всю потешались над Палмером, советуя ему лечиться от галлюцинаций.

Гувер вынес из этих событий важный урок — надо было лучше «работать» с прессой. Следующие годы своей жизни этот человек посвятил созданию мифа о самом себе, и, надо признать, изрядно преуспел на этом поприще.

16 сентября 1920 года серия взрывов потрясла деловой центр Нью-Йорка — Уолл-стрит (так называемая бомбардировка Уолл-стрит). Погибло 38 человек и около 400 было ранено. Виновные в этом преступлении найдены не были, хотя его и пытались связать с анархистами, в основном итальянскими.

Палмер использовал свои «успехи» в борьбе с «красными» для выдвижения своей кандидатуры на пост президента США на выборах 1920 года, но предвыборный съезд демократической партии его не утвердил. Палмер позиционировал себя как «самый американский кандидат»: «Я сам американец и я люблю проповедовать свои взгляды лишь перед чистокровными и стопроцентными американцами, потому что моя платформа в одном слове — это чистый американизм и бессмертная лояльность по отношению к этой республике». Однако ксенофобская антииммигрантская истерия Палмера в стране иммигрантов выглядела нонсенсом.

Всего в 1919–1920 годах в ходе борьбы с «красной угрозой» в США задержали более 10 тысяч «подозрительных», из которых власти смогли депортировать лишь 556 человек. Более 2000 арестов впоследствии были признаны судами откровенно незаконными. Никогда ранее в истории США не было столь массовых репрессий.

Таким было начало славной деятельности американской контрразведки.

Если незадачливый Палмер «сгорел» в огне критики СМИ, то остававшийся в тени Гувер только наращивал свои позиции в госаппарате. В 1924 году его назначили исполняющим обязанности директора Бюро расследований^[39], а 10 мая 1924 года президент США Кулидж назначил молодое дарование полноправным директором. Свой пост Гувер занимал до 1972 года (!), став самым главным долгожителем на американской политической сцене. С 1935 года ведомство Гувера официально называлось Федеральным бюро расследований (ФБР).

В 1924 году Бюро расследований насчитывало 650 служащих, в том числе 441 специального агента. К концу многотрудной деятельности Гувера штат ФБР перевалил за 30 тысяч.

Главной заповедью агентов ФБР была безусловная лояльность шефу — все знали, что Гувер может легко уволить человека хотя бы за то, что он не понравился ему внешне. Агента могли выставить на улицу, например, за то, что по мнению директора ФБР, он выглядел «глупым, как водитель грузовика».

Рецепт политического долголетия Гувера был довольно прост — с самого начал Гувер собирал досье компрометирующего характера на всех основных американских политиков (включая президентов), и с ним предпочитали не ссориться. К тому же с помощью СМИ Гувер исподволь, но неустанно создавал себе образ беззаветного идейного борца против всего «неамериканского» — главным образом против «красных»

и «русских». Даже «знаменитую» мафию 30-х годов ФБР Гувера пыталось представить общественности как «неамериканскую» и «итальянскую» организацию, якобы совсем чуждую американскому образу жизни.

Заметим, что до 1940 года Гувер не мог похвастаться никакими успехами в борьбе против иностранного шпионажа.

Он занимался только тем, что приносило ему популярность. Например, в 20-е годы Гувер самозабвенно боролся с бутлегерами, нарушавшими сухой закон. При этом и тогда и потом шеф ФБР не сильно утруждал себя соблюдением американского законодательства. Например, люди Гувера ловили бутлегеров, незаконно прослушивая их телефонные разговоры. Но суд «деликатно» прикрыл ФБР, заявив, что права граждан США не нарушены, если при прослушивании агенты федеральной полиции не проникли в частное жилище человека (!).

«Сухой закон» отменили в 1932 году, и в 30-е годы газеты больше писали о мафии. ФБР немедленно объявило о «войне против организованной преступности». Скромный труженик Гувер не сходил с газетных полос и с экранов кинотеатров. Шпионаж в те годы был непопулярен и не давал газетным магнатам желанных тиражей.

Все изменилось, когда в 1939 году в Европе опять заговорили пушки. Как и в годы Первой мировой войны, шпионы опять стали «популярны», и Гувер не мог не оседлать этой благодатной темы.

Что касается реальной разведывательной деятельности СССР на территории США до Второй мировой войны, то следует подчеркнуть следующее.

И Ленин, и Сталин (последний особенно) были решительно настроены на установление и поддержание самых добрых отношений с США. Америка рассматривалась в Москве как источник прогрессивных технологий для модернизации и индустриализации Советского Союза. Исходя из этого, категорически запрещалась любая подрывная деятельность советской разведки (как политической, так и военной), а также Коминтерна на территории США.

Ленин, например, принял 15 июля 1921 года сенатора от штата Мэриленд Франса, который ходатайствовал об освобождении арестованной ВЧК своей землячки, сотрудницы американской военной разведки Маргарет Харрисон. Глава Совнаркома решил вопрос быстро, и Харрисон вышла на свободу уже 4 августа.

Сталин учитывал и особые интересы американцев в Латинской Америке. Например, когда между СССР и Мексикой в 1924 году были установлены дипломатические отношения, Сталин лично инструктировал

первого советского полпреда в Мехико Пестковского насчет недопустимости поддержки любых антиамериканских революционных движений в Западном полушарии.

Что касается утверждения Гувера о том, что любой американский коммунист автоматически является агентом советской разведки, то как минимум начиная с августа 1923 года это было абсолютно неверно. Именно в этом году на совещании руководства Коминтерна^[40], ИНО ОГПУ^[41] и советской военной разведки^[42] было решено не привлекать членов зарубежных компартий к работе на советскую разведку. Если Коминтерн и рекомендовал кого-нибудь из коммунистов для этих целей, то кандидат должен был выйти из компартии и прекратить всяческую связь с партийной организацией. Именно таким образом на работу в Разведуправление штаба РККА и перешел бывший немецкий коммунист Рихард Зорге.

Первая нелегальная резидентура НКВД в США появилась лишь в 1934 году, и ее возглавил бывший резидент в Берлине Б.Я. Базаров^[43]. В созданную Базаровым сеть (работал в США до 1937 года) входил Исхак Ахмеров^[44]. Ему удалось быстро легализоваться в Америке и приступить к разведывательной работе. Он завербовал ряд агентов в госдепартаменте, министерстве финансов, от которых в Москву стала поступать довольно важная информация.

Вместе с Ахмеровым работала его жена Хелен Лоури (псевдонимы «Ада», «Эльза»), племянница генерального секретаря ЦК компартии США Эрла Браудера.

Руководителем секретного аппарата компартии США в 30-е годы был Шандор (Александр) Гольдбергер^[45], использовавший такие псевдонимы, как «Петерс», «Стивенс», «Бурстейн» и т. д.

Свою сеть в США до войны создал и выдающийся советский разведчик Яков Голос^[46]. В конце 1934 года с Голосом устанавливает связь оперативный сотрудник ИНО ОГПУ советский медицинский работник Григорий Львович Рабинович (известный в США как «доктор Грегори Рабинович»), направленный в Америку в качестве представителя Советского Красного Креста (оперативный псевдоним «Луч»). В 1938 году Голос стал фактически заместителем резидента ИНО Г.Б. Овакимяна^[47] и активно занимался поиском источников научно-технической и политической информации среди американских коммунистов и им сочувствующих. Большинство источников Голоса оставались в неведении относительно конечного назначения их информации, считая, что они предоставляют ее компартии США или Коминтерну. «Крышей» Голоса

с 1932 года было туристическое агентство, созданное при помощи компартии — «Уорлд Туристс. Инк.», занимавшееся отправкой групп и индивидуальных туристов в СССР.

Голос был исключением из упомянутой выше практики советской разведки не привлекать к оперативной работе членов иностранных коммунистических партий. На сей счет глава внешней разведки А. Слуцкий заметил: «Вообще мы, как правило, избегаем людей, активно работающих в партии, но так как со “Звуком” (псевдоним Голоса) мы связаны давно, можно осторожно его использовать».

Источники Голоса работали в аппарате президента Рузвельта, в министерстве финансов, департаменте военной промышленности и в других государственных учреждениях, крупных промышленных корпорациях. Среди источников Голоса было много журналистов, сотрудников иностранных организаций, действовавших в США, а также американских инженеров различного профиля, поставлявших высококачественную научно-техническую и военно-техническую информацию. При этом ничего, что навредило бы интересам самих США, организация Голоса не делала.

Например, резидент ИНО в США Гутцайт^[48] смог привлечь к работе директора крупнейшей киностудии США Бориса Морроса, о котором он так сообщал в Москву: «...во время беседы с Морросом у меня сложилось впечатление, что его можно использовать для внедрения наших оперативников в офисы “Парамаунта”, расположенные в каждом графстве и в каждом большом городе».

Характерно, что в Москве решили использовать Морроса не для работы против США, а против нацистской Германии. Овакимян попросил Морроса внедрить советского агента в офис «Парамаунта» в Берлине. По сообщению Овакимяна, «Моррос заявил, что готов устроить это, как только представится возможность... и он порекомендует этого человека как своего хорошего знакомого». 21 августа 1934 года Моррос сообщил Овакимяну, что готов выполнить свое обещание при условии, что агент не будет евреем. Это было понятно, учитывая антисемитский характер нацистского режима. В результате пост получил видный советский нелегал Василий Зарубин.

Моррос считал себя не агентом, а политическим другом Советского Союза и предоставлял свои услуги совершенно бесплатно. Именно из таких, в основном искренних, друзей СССР и состоял в 30-е годы круг информантов нашей разведки (причем не только в США), которые не подписывали никаких документов о сотрудничестве, не получали

жалованья, а действовали исходя из своих политических и нравственных убеждений. Главный мотив был весьма прост — многие в мире рассматривали СССР как единственный барьер на пути фашизма к мировому господству.

В Москве неоднократно указывали своим резидентам в США, чтобы их работа никоим образом не отягощала двусторонние отношения Москвы и Вашингтона. Например, Гутцайта предупредили 14 сентября 1935 года, чтобы он был очень осторожен в подборе агентов и источников информации: «Малейшие проблемы в этом направлении могут вызвать серьезные последствия международного характера, влияющие на отношения не только между нами и страной Вашего пребывания... Работа требует учета следующих оперативных характеристик: (а) максимальная осторожность; (б) соблюдение правил безопасности; (с) осторожность и целесообразность при отборе агентов»^[49].

Москва настраивала Гутцайта на противодействие нацистскому влиянию в США, особенно среди большого бизнеса и тесно связанных с ним СМИ.

Одной из мишеней советской разведки в этой связи был крупнейший американский газетный магнат Уильям Рэндолф Херст. Когда Гутцайт сообщил в Москву, что, по его мнению, Херст находится под «германским влиянием», ему приказали «собрать компрометирующий материал на Херста в отношении его связей (особенно финансовых) с нацистами». Гутцайт ответил, что он «попытается найти внутренний источник (информации) в организации Херста, стоящий близко к главе концерна». В результате Москва получила искомые сведения со ссылкой на неназванного корреспондента газеты «Нью-Йорк пост».

Нечего и говорить, что такая деятельность Гутцайта и советской разведки в целом была и в национальных интересах самих же США, так как по крайней мере Рузвельт прекрасно сознавал, что мечты Гитлера о мировом господстве не ограничиваются Европой.

Надо сказать, что Москва пыталась бороться с нацистским влиянием в США и обычным, официальным путем.

В декабре 1937 года конгрессмен Сэмюэль Дикстейн встретился с советским полпредом в США Трояновским. Последний сообщил в Москву, что «...конгрессмен Дикстейн — председатель комитета палаты представителей по расследованию нацистской активности в США... сообщил, что, расследуя активность нацистов в США, его агенты вскрыли их связь с русскими фашистами, живущими в США». Дикстейн изъявил готовность предоставить информацию о русских фашистах, но не

бесплатно, а за 5–6 тысяч долларов. Резиденту НКВД в Нью-Йорке Овакимяну дали задание собрать материал на самого Дикстейна — боялись провокаций с его стороны. Овакимян отрапортовал, что Дикстейн возглавляет целую преступную группу, замешанную в теневом бизнесе, продаже паспортов, нелегальном перемещении людей через границу и продаже всем желающим американского гражданства.

Тем не менее глава НКВД Ежов разрешил Трояновскому пойти на сделку с Дикстейном. Последний просил за свои услуги уже 2,5 тысячи долларов в месяц (большие деньги по тем временам), но НКВД был согласен поначалу лишь на 500. Наконец после длительных переговоров Дикстейн согласился на 1250 долларов в обмен на помощь, которую он, по его словам, был готов оказать исключительно из чувства симпатии к Советскому Союзу. В НКВД были в немалой степени раздосадованы таким очевидным лицемерием и дали Дикстейну характерный псевдоним Жулик.

Курировать Жулика поручили Гутцайту, и тот сообщал в Москву 25 мая 1937 года: «Мы полностью сознаем, с кем имеем дело. Жулик полностью оправдывает свое имя. Это беспринципный тип, жадный до денег, очень хитрый обманщик... Поэтому нам очень сложно гарантировать выполнение намеченной программы, даже в той части, которую он нам сам предложил»^[50].

Между тем в 1938 году на смену комитету Маккормика — Дикстейна пришел комитет Дайса по расследованию антиамериканской деятельности, который сосредоточил свое внимание не на нацистах, а на коммунистах. Дикстейну в новом комитете даже не предоставили места.

Такой оборот дела подтвердил былые сомнения Гутцайта и разочаровал Москву. Гутцайт сообщал, что Дикстейн «не сможет выполнить намеченные совместно с ним меры». Он предоставил стенограммы заседаний своего комитета, списки американских нацистов и некоторые данные по военному бюджету США, но ничего секретного в этих сведениях не было. В НКВД чувствовали, что зря платят Жулику. Тот в свою очередь «обиделся» и высказал все Гутцайту: «Если мне нет доверия, то работать невозможно. Для сравнения он сказал, что несколько лет работал на Польшу, и все было ОК. Ему платили деньги без всяких вопросов. Пару лет тому назад он работал на Англию, и ему опять-таки платили хорошие деньги без всяких вопросов... А с нами одна морочка... Видимо, ему и правда удалось одурачить поляков и англичан — т. е. пообещать им нечто существенное, а на самом деле отделаться мусором».

Гутцайт жаловался в Москву, что Дикстейну не удалось добиться

осуждения судом (или хотя бы привлечения к суду) ни одного нацистского агента. Когда Гутцайт наконец сообщил Дикстейну в июле 1938 года, что тот не оправдывает свое жалованье, тот «возмутился и пригрозил порвать с нами, если мы перестанем давать ему деньги... (Он говорил) что на него якобы работают люди и он обязан им платить, а ему самому ничего не нужно». Гутцайту пришлось напомнить Дикстейну о том, что, по его же собственным словам, на другие страны он работал ради денег, а на СССР якобы ради идеологических соображений, «исходя из необходимости бороться против общего врага — фашизма».

Правда, по просьбе Гутцайта Дикстейн в сентябре 1938 года публично осудил то, что комитет Дайса вместо нацистов борется с коммунистами. Кроме того, он передал НКВД списки потенциальных полезных источников информации в американских фашистских организациях. Он даже предоставил расшифровки тайно записанных разговоров нацистского лидера США Фритца Куна^[51] и его любовницы, которая якобы и работала на самого Дикстейна. Одновременно публично Дикстейн требовал прекращения работы комитета Дайса.

Между тем в 1937 году Голос приезжал с чужим паспортом в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции. По рекомендации руководителя резидентуры ИНО в США Гутцайта он был принят начальником ИНО Слуцким. Обсуждались обстановка в США и перспективы дальнейшей работы. Заслуживает внимания характеристика резидента внешней разведки в Нью-Йорке Гутцайта^[52], данная «Звуку»: «Когда резидентура нуждалась в проверенных и преданных людях, мы обращались к “Звуку”, и он подбирал нужных людей. Никаких провалов за все годы нашей связи с ним не было. Каких-либо подозрений или сомнений он никогда не вызывал... Жалованья от нас “Звук” не получал»^[53].

Примечательно, что ФБР следило за советским резидентом Овакимяном практически сразу же после прибытия того в США. В досье американской контрразведки отмечалось: «Овакимян вербовал людей от Мексики до Канады... Американцы, которых Овакимян завербовал или контролировал, описывали его как приятного, серьезного и симпатичного, хорошо знакомого с английской (имеется в виду англоязычной. — *Примечание автора*) литературой, знакомого с наукой, и как человека, вызывавшего доверие у своих агентов...»

Стоит подчеркнуть, что ФБР не могло предъявить ни Овакимяну, ни кому-либо из его сети никаких обвинений, так как подрывной деятельностью против США советская разведка не занималась.

Лишь в октябре 1939 года ФБР произвело налет на туристическое бюро Голоса и обвинило последнего в нарушении закона о регистрации в качестве агента иностранной державы. Причем под словом «агент» имелся в виду не разведчик, а представитель. По законам США лица, легально действующие в интересах иностранных государств, должны регистрироваться соответствующим образом. Т. е. нелегальной деятельности Голоса ФБР так и не смогло доказать.

Люди Гувера обратили внимание на Голоса лишь тогда, когда его турфирма стала обеспечивать переезд американских добровольцев в Испанию, что никоим образом не противоречило американским законам. Все, что смогли инкриминировать Голосу, — так это то, что его фирма получала денежные средства от советской государственной компании «Интурист», что было абсолютно законно и логично, если учесть, что компания Голоса легально направляла американских туристов в СССР.

Опасаясь за ценного сотрудника, резидентура поставила перед Москвой вопрос о вывозе Голоса из США. Однако уезжать Голос отказался, а Центр также не настаивал на его отъезде.

В марте 1940 года по решению компартии США Голос предстал перед «буржуазным судом», который приговорил его к штрафу в 1000 долларов и 12 месяцам тюремного заключения условно. Нарушив, таким образом, конспирацию, Яков Голос начал жить со своей связной Элизабет Бентли (оперативный псевдоним «Умница»)^[54]. Именно «Умница» взяла на себя все предыдущие обязанности Голоса, прежде всего связь с источниками информации. Но информация эта не носила кого-либо нелегального характера и, во всяком случае, не использовалась Москвой во вред самим США.

Следует отметить, что особого искусства убеждения советским разведчикам в 30-е годы в США не требовалось. Это время вошло в историю Америки как «розовая декада». Популярность СССР в США в то время была невиданной (прежде всего среди творческой интеллигенции) благодаря двум причинам:

— на фоне всеобщего мирового экономического кризиса (из которого США так и не вышли до начала войны) СССР демонстрировал невиданные темпы роста;

— СССР оказался единственной страной мира, словом и делом поддержавшей легитимное правительство Испании перед лицом интервенции фашистских Германии и Италии в 1936–1939 гг.

Общественное мнение США, к неудовольствию Гувера, явно симпатизировало Москве.

В 1930 году пионеры Нью-Йорка для своего слета сняли самый вместительный зал страны — Мэдисон-сквэр гарден. Во время первомайских демонстраций в школах города отсутствовало до 20 % учеников. В компартию США вступили видные деятели американской культуры, например писатель Теодор Драйзер.

Однако для американского истеблишмента и спецслужб (прежде всего ФБР) причины роста авторитета коммунистов и СССР были, конечно же, другими — вся компартия США была-де усеяна хитрыми советскими шпионами, которые вербовали доверчивых американцев на деньги из Москвы.

Для противодействия росту рядов компартии США (партия формально была абсолютно легальной с момента своего основания) решили прибегнуть к проверенному методу — запугиванию.

В мае 1930 года конгресс США создал специальный комитет по расследованию коммунистической деятельности. Его назвали по имени председателя — конгрессмена и яркого антикоммуниста Гамильтона Фиша. Фиш пытался представить угрозой для США даже обычный импорт советских товаров, например древесины.

Комитет стремился «раскрыть» гнездо коммунистического шпионажа в США — государственную советскую внешнеторговую компанию «Амторг», легально работавшую в Нью-Йорке с 1924 года. Сам «Амторг» был учрежден по предложению известного американского бизнесмена Арманда Хаммера, которое он в личной беседе высказал Ленину. В отсутствие дипломатических отношений между СССР и США компания выполняла фактически функции торгпредства, а также через СМИ вербовала в Советский Союз на работу страдавших от массовой безработицы американских специалистов.

Фиш вызвал повесткой на допрос главу «Амторга» Петра Богданова, но тот, естественно, отказался.

39 сотрудников «Амторга» обвинили в том, что они въехали в США по поддельным или неточным документам, например куратор американских коммунистов, «комиссар» «товарищ Лиза». Были даже изготовлены фальшивки, так называемые письма Амторга, призванные доказать вмешательство компании во внутренние дела США. Богданов в своих письменных показаниях комитету Фиша убедительно доказал сфабрикованность писем, что подтвердили и другие свидетели комитета.

Комитет Фиша потребовал также от военно-морской разведки США немедленно дешифровать примерно 3 тысячи радиограмм, которыми обменялись «Амторг» и Москва. Американские шифровальщики бились

над телеграммами 5 месяцев, но успеха не достигли, заявив, что столкнулись с самым сложным шифром, который когда-либо видели. В комитете это тоже использовали против «Амторга» — мол, зачем коммерческой компании такой сложный шифр?

Комитет пытался представить советской агентурой чуть ли не всю американскую интеллигенцию, например, старейшую и самую авторитетную организацию по защите гражданских прав — Американский союз защиты гражданских прав (American Civil Liberties Union, ACLU)^[55].

В январе 1931 года, заслушав 275 свидетелей в 14 городах США, комитет Фиша представил свой доклад на 66 страницах. Причем было признано, что «письма Амторга» являются фальшивкой. Гора родила мышь.

Фашистский мятеж в Испании и мощная волна солидарности с республиканцами в США еще более укрепили авторитет американских коммунистов. Ведь те активно собирали средства в фонд помощи Испании, а сотни добровольцев-коммунистов дрались против Франко в рядах «батальона Авраама Линкольна». Из 2800 американцев, сражавшихся в Испании против фашизма бок о бок с советскими танкистами и летчиками, 700 погибли в боях или умерли от ран.

В 1936–1938 гг. численность рядов компартии США выросла до 100 тысяч человек. Под влиянием партии находилась гильдия сценаристов Голливуда, союз американских писателей, многочисленные женские, молодежные и негритянские организации. В апреле 1938 года 150 видных писателей, деятелей искусств, композиторов США в открытом письме одобрили сталинские политические процессы в Москве.

Компартия США активно поддерживала политику Рузвельта и впервые не выставила своего кандидата на президентских выборах 1936 года. Рузвельт одержал невиданную доселе в истории США победу, выиграв в 46 штатах и набрав 523 голоса выборщиков. Его соперник-республиканец Лэндон, выступавший с антикоммунистических позиций, победил лишь в двух штатах (8 выборщиков). Такая «прурузвельтовская» политика компартии США была прямым следствием установок Коминтерна — в 1935 году Коммунистический Интернационал принял программу народного антифашистского фронта. Задачи социальной революции отходили отныне на второй план, и главной целью была объявлена борьба против фашизма в союзе со всеми силами, в том числе и с прогрессивной буржуазией.

Ни о какой подрывной работе против США советских разведслужб не могло быть и речи — Сталин рассматривал Вашингтон как важнейшего

союзника в борьбе против мирового фашизма и японского империализма.

Однако Гувер не мог спокойно взирать на рост авторитета его заклятых врагов — «красных», на борьбе с которыми он и построил всю свою карьеру. Шеф ФБР решил задействовать свои отлаженные связи с реакционными конгрессменами-мракобесами.

26 мая 1938 года уже по «доброй традиции» нижняя палата конгресса США создала очередной «следственный» комитет — Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, или «комитет Дайса». Председатель комитета Мартин Дайс был конгрессменом от самого реакционного американского штата — Техаса и как-то заявил, что господство белой расы на Юге США «столь же вечно и несокрушимо, как сама вечность»^[56].

Дайс считал всех американских коммунистов либо иностранцами, либо шпионами, либо и теми и другими вместе. 1 мая 1935 года он «с целью сбора доказательств» лично присутствовал на первомайской демонстрации в Нью-Йорке и узрел там 100 тысяч коммунистов: «Я не видел ни одного американца в этой толпе, они открыто оскорбляли все то, что мы считаем святым. Если бы решал я, то я бы депортировал всех их и лишил гражданства тех, кто успел его получить»^[57].

Заметим, что Дайс ненавидел не только коммунистов, но и президента Рузвельта (которого тоже считал скрытым коммунистом). Поэтому именно Дайс впервые поднял долгоиграющую тему о «засилье» коммунистов в госаппарате США, которую после Второй мировой войны сделал своим коньком еще более известный «борец против красных» сенатор Маккарти.

Например, Дайс призвал к импичменту министра труда в кабинете Рузвельта Перкинса за то, что тот потакает коммунистам в профсоюзах. Перкинс в ответ назвал Дайса идейным наследником разбитого в Гражданской войне 1861–1865 гг. рабовладельческого Юга.

Об уровне комитета Дайса свидетельствует расследование так называемого Федерального театрального проекта, основательницу которого Хэлли Флэнаган обвинили в том, что театры пропагандируют коммунистические ценности. При этом весь проект осуществлялся на деньги правительства США в рамках программы ликвидации безработицы в творческой среде. Целью проекта было создание в США престижного Национального драматического театра по образцу Франции («Комеди Франсэз») или Великобритании. В 1936–1939 гг. в рамках проекта были даны 60 тысяч представлений 1200 пьес, которые посмотрели более 30 миллионов американцев в 40 штатах.

Флэнаган вызвала ненависть американских правых тем, что хорошо отзывалась о советском театре, его новаторских тенденциях, и даже посетила СССР.

На слушаниях в комитете Дайса Флэнаган спросили, не является ли английский драматург Кристофер Марлоу (его пьесы тоже ставились в рамках проекта) коммунистом. Раздался смех — журналисты сообщили парламентариям, что Марлоу жил в XVI веке. Тем не менее член комитета Старнс (конгрессмен от расистской в то время Алабамы) живо рассуждал о том, что «мистер Еврипид проповедовал в своих пьесах классовую борьбу». То, что «мистер Еврипид» был современником Перикла и греко-персидских войн, борцов с коммунизмом не смутило.

На слушаниях комитета коммунистов обвинили даже в борьбе против Ку-Клукс-Клана — мол, они лишь заманивают тем самым наивных «негров» в свои ряды.

Заметим, что комитет Дайса по расследованию антиамериканской деятельности просуществовал до 1946 года и боролся с коммунистами в то время, когда они миллионами гибли на советско-германском фронте, спасая США от фашизма. В то время как Рузвельт публично воздавал должное героизму Красной армии и всего советского народа, Дайс все еще искал коммунистических агентов, ведущих в США подрывную деятельность.

Пока ФБР активно преследовала фантомных «красных», дела в США с реальной контрразведкой и защитой государственных секретов были весьма плачевными.

Например, государственный департамент считает и поныне, что до Первой мировой войны сфера безопасности дипломатической переписки посольств и миссий США с центром была «раем для дураков»^[58]. Красноречивый пример этого рая приводит Аллен Даллес в своей известной (хотя и весьма неинформативной) книге «Искусство разведки».

В 1913 году посланником США в Бухаресте был один «достойный уважения политический деятель со Среднего Запада»^[59]. Этот эвфемизм Даллеса нуждается в переводе на нормальный язык. В то время, да и во все послевоенные десятилетия, послами и посланниками США в незначительные страны часто назначались политики, лоббисты или бизнесмены, оказавшие финансовые услуги избранному с их помощью президенту США. Возможно, эти люди и впрямь были «уважаемыми», но как тexasские скотоводы или нью-йоркские баскетболисты они ничего не смыслили в дипломатической работе.

Так вот, этот «уважаемый» посланник привез с собой код для

шифрования дипломатической переписки (Даллес называет его «Розовым кодом»). В то время коды были весьма простыми и «книжными». То есть в шифровальной книге содержались слова (обычно бессмысленные), обозначающие слова реальные. Это был своего рода словарь, в котором, например, слово «период» означало «пивир» и т. д. Вся сложность кода заключалась в том, что для одного и того же «реального» слова было несколько кодовых. Но любой, кто получал несанкционированный доступ к «словарю», мог без труда читать любые американские депеши.

«Уважаемый» посланник должен был хранить «розовый код» у себя в сейфе, но ему было лень каждый раз открывать и закрывать сложный замок. Поэтому дипломат просто держал кодовую книгу у себя на постели под матрасом. Так продолжалось несколько месяцев, пока книга не исчезла. Даллес считает, что код попал к русским в Петроград. Посланник решил ничего не сообщать о пропаже. Когда у него накапливалось несколько подлежащих отправке депеш (а их в принципе было не много — Румыния была периферией мировой политической сцены), он приезжал в посольство США в Вене. Там «уважаемый посланник» как бы между прочим говорил своему коллеге о том, что прихватил с собой пару телеграмм, которые не успел зашифровать, без проблем получал заветную «розовую книгу», шифровал свои депеши и отбывал восвояси.

Возможно, пропажа кода не всплыла бы вообще, но с началом Первой мировой войны ездить из Бухареста в Вену стало невозможно. Посланник признался в своем прегрешении и... спокойно вернулся к политической деятельности в Америке.

Первая мировая война ознаменовала превращение США в великую державу. Расширилась сеть американских дипломатических представительств и возрос интерес иностранных разведок к содержанию депеш американских послов. К тому же выяснилось, что во время войны многие государства были готовы легко нарушить иммунитет иностранных дипломатов. В Берлине, например, требовали, чтобы все исходящие из Германии международные телеграммы были на немецком языке. Немцы на улицах Берлина плевали в лицо американским дипломатам и угрожали избить их. Американцам было предписано носить на лацкане флаг США, чтобы их не путали с англичанами.

Британские телеграфные компании отказывались принимать любые зашифрованные телеграммы. Российские власти отказывались пропускать дипломатическую почту посольства США в Петрограде непосредственно в США, и американцам приходилось направлять ее через Лондон.

Американские посольства за рубежом завалили госдепартамент

шифрованными депешами без даты и номера, причем использовались абсолютно разные «книжные коды» без указания в депеше, какой именно «цвет» кода надо было применять при расшифровке.

Немцы и австрийцы активно использовали в своих целях полный хаос с выдачей американских паспортов. До 1914 года граждане США могли въезжать в большинство европейских стран без паспортов. После начала войны паспорта потребовались, но их выдавали часто людям просто по просьбе, без всяких подтверждений личности или гражданства. Германские и австрийские шпионы и саботажники могли, таким образом, с нейтральной американской «ксивой» свободно ездить по всему миру. Только в декабре 1914 года госдепартамент стал требовать предъявления трех фотографий, свидетельства о рождении и старый паспорт (либо справку о приобретении гражданства США). В 1915 году перестали выдавать паспорта тем, кто хотел получить американское гражданство, но происходил из воюющей страны. Заметим, правда, что неразбериха с выдачей американских паспортов продолжалась вплоть до событий 11 сентября 2001 года^[60].

В связи с таким организационным хаосом госдепартамент принял решение наконец-то озаботиться проблемами безопасности. Госсекретарь Лансинг впервые ввел для прохода в здание государственного департамента пропускную систему. С посетителей начали требовать документы с фотографией. Визитеров стали провожать от входа до нужного им кабинета и обратно. Во время войны в госдепе была учреждена должность специальных агентов — сотрудников, профессионально обеспечивавших безопасность дипломатических представительств. Правда, в мирные 20-е годы численность этих агентов резко сократили.

Во время войны Лансинг учредил в госдепе и собственную «секретную службу» при офисе юридического советника ведомства. Эта весьма скромная структура должна была проверять касавшиеся госдепартамента сведения о шпионаже и иной противоправной деятельности, которые поступали от полиции, Бюро расследований и Секретной службы^[61]. Однако Бюро расследований, министерство юстиции и даже почта воспротивились учреждению новой «разведслужбы», и президент Вильсон так и не дал ей «зеленый свет».

Тогда Лансинг создал 4 апреля 1916 года «Секретное разведывательное бюро» (Secret Intelligence Bureau) и поручил ему сбор и анализ сведений «секретной природы». Фактически бюро было незаконным, и Лансинг «спрятал» его в юридической службе госдепартамента. Шеф бюро должен

был раз в день докладывать госсекретарю всю накопившуюся у него информацию. Сам шеф бюро получал сведения все от той же военной разведки, а также от союзников, в основном от англичан. Вместе с Секретной службой бюро занималось наблюдением за расположенным неподалеку от госдепартамента германским посольством (на основании секретного указа президента США от 14 мая 1915 года). С 1916 года Секретная служба стала еще и прослушивать телефонные разговоры немецких дипломатов и делилась сведениями с коллегами из госдепартамента.

В феврале 1917 года Лансинг назначил одного из агентов Секретной службы Джозефа Ная «специальным помощником госсекретаря», и в дипломатическом ведомстве США впервые появился свой главный разведчик. Чуть позднее Най стал «главным специальным агентом» госдепа.

Сначала специальные агенты госдепа охраняли членов военных миссий стран-союзников (в том числе и адмирала Колчака), которые приезжали в США. Причем охранников первоначально Най набирал в основном среди почтовых инспекторов, стороживших ранее ценные почтовые отправления. К тому же почта в то время в США имела собственные следственные полномочия — это ведомство могло самостоятельно расследовать случаи переправки по почте незаконных товаров. Помимо почтовиков в «специальные агенты» рвалось много «волонтеров», в основном юристов, тяготившихся скучной кабинетной работой, мечтавших о приключениях и готовых работать практически бесплатно (их называли однодолларовыми агентами).

Скоро Офис главного специального агента открыл отделение в Нью-Йорке (причем оно было больше, чем штаб-квартира в Вашингтоне), так как именно через Нью-Йорк прибывало тогда в Америку большинство иностранцев.

Офис специального агента придумал множество крайне полезных мер, которые, впрочем, были давно в ходу во всех остальных мало-мальски уважающих себя странах. В пакеты с дипломатической почтой стали класть описание содержимого, чтобы понять, не пропало ли чего по дороге. Вместо одной печати конверты с диппочтой стали запечатывать двумя. Все шифрованные телеграммы (чтобы отличить их от обычных) стали распечатывать на бумаге с желтым ободком справа.

В марте 1918 года госдепартамент сменил свой самый секретный «зеленый код» на «серый», который, однако, был таким же несложным. Уже через год в госдепартамент дошли сведения, что как минимум одно из

британских посольств имеет копию «серого кода». В то же время некоторым американским посольствам «серый» код почему-то забыли направить, и они продолжали пользоваться «зеленым». Другие дипмиссии США вообще шифровали свою секретную переписку кодами других цветов (например, «красным»), которые предназначались для не столь уж важных сообщений. Иногда шифровальщики госдепа просто не могли разобрать поступившую депешу, так как не знали, каким конкретно кодом она зашифрована. Пришлось просто от руки писать на телеграмме «цвет» соответствующего кода, что изрядно облегчало работу любому шпиону.

Первая мировая война впервые заставила госдепартамент нанять специальных курьеров для перевозки дипломатической корреспонденции. Первых кандидатов отобрали из числа дюжих морских пехотинцев, переодетых в гражданскую одежду и снабженных специальным паспортами. С тех пор морская пехота США охраняет все американские посольства за границей.

Но очень скоро ведомство Ная взяло на себя совсем уж никак не свойственные дипломатическому ведомству задачи. Например, начиная с 1918 года оно стало следить за «нелояльными» группами американской общественности, хотя «специальные агенты» госдепартамента не имели на это никаких законных полномочий. Особенно под плотным «колпаком» оказались индийцы и ирландцы — традиционные противники Англии, главного союзника США в Первой мировой войне. Например, люди Ная насобирали «доказательств» против тридцати индийцев, которым было предъявлено странное обвинение «организация революции против дружественной державы».

Конец войны опять привел к распространению в госдепе наплевательского отношения к безопасности, но руководство госдепартамента пыталось ему активно противодействовать. Иногда просто дурацкими методами, вызывавшими смех сотрудников. Например, было решено переносить все документы внутри госдепартамента в специальных закрывавшихся на замок ящиках.

Госдеп решил также создать совместный код с военным и морским ведомством, чтобы улучшить свой «серый код». В 20-е годы госдепартамент с помощью военно-морского ведомства менял своих коды через 2–3 года, и они теперь уже не имели «цветных» обозначений (А—1, В—1, С—1, Д—1). В шифровальные комнаты американских посольств стали пускать уже не всех дипломатов, а только тех, кто непосредственно работал с зашифрованными документами.

Как уже упоминалось выше, госдепартамент принял непосредственное

участие в создании «черной комнаты» Ярдли.

В 1921 году курьерская служба госдепартамента была упразднена, но уже в 1922 году ее опять возродили, так как обычной почте новых восточноевропейских государств в Вашингтоне не доверяли.

«Главный специальный агент» Най продолжал охранять госсекретаря и иностранные делегации, прибывавшие в США. Если в отношении иностранцев поступали угрозы, то люди Ная должны были обеспечить их фальшивыми документами на другие фамилии. Была у Ная и задача, связанная с царившими тогда в США неприкрытым расизмом и сегрегацией. «Специальным агентам» приходилось терпеливо объяснять белым гостям официальных мероприятий, что дипломатам-«неграм» из Либерии можно находиться в одном помещении с белыми. Собственно же «американским неграм» тогда это строго воспрещалось.

В 1920 году Ная на должности главного «разведчика» госдепартамента сменил Роберт Баннерман, который просидел на своем посту до 1940 года. Поначалу штат его службы сильно сократили, а самого Баннермана сделали уже помощником не госсекретаря, а помощником заместителя госсекретаря. Тем не менее полномочия Баннермана расширились, и он уже официально курировал связи госдепартамента со всеми другими американскими спецслужбами. С 1921 года офис Баннермана снова стали расширять, так как он вновь стал следить за подозрительными, на сей раз «радикалами». Спецагенты стали расследовать и внутренние преступления госдепартамента, например пропажу нескольких тысяч долларов из дипломатической почты.

Люди Баннермана проверяли также биографии тех, кто хотел поступить на дипломатическую службу. Офис сам искал себе полномочия. Например, спецагенты разоблачили нелегальный импорт британским посольством в Вашингтоне спиртных напитков после вступления в США в силу «сухого закона». Хотя иностранные посольства имели право ввозить спиртные напитки для официальных целей (например, дипломатических приемов), Баннерман организовал прослушку телефонов британского посольства и якобы выяснил, что выпить 83 ящика спиртного британские дипломаты хотели в «частном порядке»^[62]. Стоит признать, что у руководства госдепартамента в отличие от Баннермана хватило ума не преследовать британских дипломатов, и собранные неутомимым «главным специальным агентом» доказательства остались не востребованными.

Тогда Баннерман переключился на более злочное с точки зрения пиара дело, решив взять пример с Гувера. Офис главного специального агента стал расследовать попытки въехать в США по поддельным паспортам и

визам. Причем попытки эти, по версии Баннермана (за неимением германских шпионов), совершали конечно же «большевики» и прочие «красные». До 1931 года американцы вообще не выдавали никаких виз тем, кого подозревали в членстве в ВКП(б). Лишь только японское нападение на Китай вынудило госсекретаря Стимсона ослабить этот запрет — в Вашингтоне поняли, что реально остановить японскую агрессию может только «большевистская» Москва. А в 1933 году США наконец-то признали советскую власть и установили с СССР нормальные дипломатические отношения.

Пока же США упорствовали в своем признании давно свергнутого в России Временного правительства, люди Баннермана всю свою энергию тратили на слезку за советской компанией «Амторг». Как уже упоминалось, она была основана в 1924 году и занималась развитием советско-американской торговли. Однако Офис специального агента считал «Амторг» гнездом советского шпионажа и отслеживал все его закупки в США, такие как пшеница, трактора марки «Форд», различные цветные металлы. Следили и за теми американскими компаниями, которые осмеливались торговать с русскими, например за ведущим банком США «Чейз Нэшнл Бэнк».

Никаких шпионов ищeyки Баннермана конечно же не нашли, но лишней раз показали свою нужность для дела американской национальной безопасности.

В 1924 году Баннерман подмял под себя и курьерскую службу госдепартамента, которая была ему ближе как бывшему почтовому работнику. Он набрал много своих людей вместо морских пехотинцев, но экономический кризис 1929 года заставил опять провести массовые сокращения. С деньгами стало настолько туго, что МИД Франции предложил за свой счет транспортировать дипломатическую почту США из порта Гавр до американского посольства в Париже.

В 1929 году была сделана первая попытка создать в Америке единую и постоянно действующую разведывательную службу. Нью-йоркский бизнесмен Джон Гейд, работавший в годы Первой мировой войны военно-морским атташе в Копенгагене, предложил, чтобы «различные разведывательные службы правительства были составлены в точности как они есть на сегодняшний день, но чтобы как у спиц у них появилось колесо — Центральная разведывательная организация. В эту организацию должна сходиться информация из различных “спиц” — военно-морской разведки, военной разведки, Секретной службы, министерства юстиции и министерства торговли»^[63]. Гейд направил свое предложение в военную и

военно-морскую разведку, оно было обсуждено и... оставлено без последствий. Ведомственный патриотизм оказался сильнее здравого смысла.

Таким образом, США встретили Вторую мировую войну с зачаточными органами разведки и контрразведки, которые либо вообще ничем путным не занимались (разведка), либо (контрразведка) активно разоблачали в Америке придуманных «большевистских агентов».

Глава 2. Американская разведка в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.): УСС «дикого Билла»

После начала Второй мировой войны президент США Франклин Рузвельт по инициативе англичан решил создать единую разведывательную службу по образцу британской MI-6. Президент поручил герою Первой мировой войны полковнику Уильяму Доновану (по кличке «Дикий Билл») ^[64] составить меморандум с обзором угроз для национальной безопасности США и с предложениями по организации единой разведслужбы страны.

Хотя Донован был республиканцем и человеком откровенно правых взглядов, демократ Рузвельт ценил его внешнеполитический опыт (Донован много ездил по Европе и встречался с некоторыми лидерами Старого Света, например с Муссолини). Донован был, бесспорно, человеком харизматичным и умел вселять доверие подчиненным. Однако эти лидерские качества причудливо сочетались у него с ненавистью к любой организаторской или административной работе.

Обычно Донован ходил на работу в военной форме или в безупречно сидящем на нем костюме. В кабинете он появлялся, помахивая своим любимым кожаным чемоданчиком. Голубоглазый рослый ирландец поседел буквально в один день, когда его любимая и похожая на отца своим живым характером дочь Патрисия 8 апреля 1940 года погибла в автомобильной катастрофе. Сын Дэвид тяготел к матери и не видел своего будущего ни в качестве юриста на Уолл-стрит, ни как разведчика. В душе он был... фермером, чем и занялся после войны.

Жена «Дикого Билла» Рут происходила из одной из самых знатных (в Америке означает — богатых) семей Буффало, где еще до гражданской войны в США поселились и родители самого Донована. Отец Донована работал на железной дороге.

Во время Гражданской войны в России Донован некоторое время находился при штабе армии адмирала Колчака в должности офицера связи. С тех пор он люто ненавидел большевиков. В 1922 году Донован поступил в ведомство генерального прокурора, в 1924–1929 годах являлся его помощником. В 1929–1941 годах занимался частной юридической практикой в Нью-Йорке. Среди его клиентов был, в частности, Уинстон

Черчилль.

Никакого опыта разведывательной деятельности Донован не имел, но мысль подвизаться на этой стезе прочно завладела им задолго до Второй мировой войны. Он прочитал уйму самой различной литературы о секретных службах. Она была разного качества, и с тех пор здравые мысли о разведке сочетались у Донована с самыми, мягко говоря, «смелыми» теориями и домыслами.

Например, он считал центром античного шпионажа Дельфийский оракул в Древней Греции^[65]. Дельфы всегда поддерживали нейтралитет во внутригреческих конфликтах, и под видом обращения к оракулу туда стекались для тайных переговоров и обмена сведениями представители воюющих полисов. Именно прочитанный им материал о Дельфах заставил Донована позднее уделять наибольшее внимание резидентуре американской разведки в нейтральной Швейцарии.

Впечатлительный Донован даже своего отца-железнодорожника считал причастным к тайным операциям. Мол, именно через его родительский дом до гражданской войны в США беглые рабы-негры тайком перебирались из южных штатов в северные.

«Дикий Билл» увлекся разведывательно-диверсионными операциями (в ущерб чистой разведке как сбору информации тайными методами), прочитав воспоминания виргинца Джона Мосби («War Reminiscences»). Мосби командовал кавалерийским отрядом южан во время гражданской войны и умело действовал в тылу северян, уничтожая средства связи и склады с военным имуществом. Все в отряде восхищались своим командиром за ум и отвагу, и северянам так и не удалось напасть на след Мосби вплоть до поражения конфедерации в войне.

В 1940 году Донована командировали в Великобританию в качестве неофициального представителя секретаря по военно-морским делам Франклина Уильяма Нокса. На самом деле за командировкой стоял сам Рузвельт. Дело в том, что тогдашний американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди (отец будущего президента США) был ярким противником вступления США в войну против Германии, и Рузвельт решил послать на берега Темзы кого-нибудь со «свежим взглядом».

Англичане быстро раскусили впечатлительного Донована, который к тому же очень хотел стать «военным героем». Британцы предложили «Дикому Биллу» прекрасный рецепт для удовлетворения его тщеславия — Донован должен стать шефом первой полноценной американской спецслужбы, а британцы ему с удовольствием в этом помогут. Польщенный таким вниманием к своей персоне Донован слал Рузвельту из Лондона

настоятельные призывы как можно скорее и как можно действеннее помочь Британии в войне.

18 июня 1941 года Донована принял Рузвельт, и «Дикий Билл» предложил создать в США полноценную разведку надведомственного характера по образцу британской. Президент США был сторонником вступления страны в войну, но был вынужден учитывать общественное мнение США, очень прохладно к этому относившееся.

Донован потребовал от президента соблюдения трех условий функционирования будущей разведывательной службы США:

- Донован, как шеф разведки, докладывает только президенту;
- разведка имеет право получать в обход конгресса деньги из фонда президента;
- все федеральные ведомства США обязаны делиться с разведслужбой любой доступной им информацией.

11 июля 1941 года Рузвельт назначил Донована на специально созданную должность координатора по информации (Coordinator of Information). В октябре 1941 года Донован получил офис в Рокфеллеровском центре и стал набирать персонал из университетских профессоров, юристов крупных компаний и отпрысков из богатых семей, искавших приключений. Критерием отбора были личные связи Донована по университету, ордену мальтийских рыцарей («Дикий Билл» был его членом) и юридической практике в пользу крупных корпораций с Уолл-стрита. Именно из последней категории происходил Аллен Даллес, ставший правой рукой Донована. Заметим, что, как и Донован, Даллес был республиканцем и до войны яростно критиковал «новый курс» Рузвельта. Впрочем, с учетом того, что юрист Даллес всегда работал на крупные американские корпорации, это было неудивительно.

Вместе с тем, как это нередко бывает в Америке, политические разногласия не мешали личной дружбе Донована с Франклином Рузвельтом, с которым он познакомился еще в юридической школе Колумбийского университета.

До войны Донован часто ездил в Европу (редкость для большинства американцев того времени), как в качестве юриста крупных американских фирм, так и по заданию правительства США. Рузвельту, ярому филателисту, Донован привозил из-за границы редкие марки, например, немецкую с изображением Гимmlера.

«Дикий Билл» воочию наблюдал в Германии приход нацистов к власти и сделал вывод, что новая мировая война неизбежна. Исходя из этого, Донован создал для себя сеть контактов из граждан (или эмигрантов)

Германии и граничивших с ней стран, в основном из профессорско-преподавательских кругов. Эти люди постоянно информировали Донована о том, что происходит в Германии. Речь шла о сведениях открытого характера.

Интересно, что Донован предлагал использовать методы нацисткой пропаганды, как очень эффективные.

Когда Рузвельт назначил Донована координатором по информации, Билл реактивировал свои знакомства и внес этих людей без их ведома в списки своей организации как агентов. Это были знаменитые «300 спартанцев» Донована. Знаменитые тем, что с их помощью Донован и смог убедить Рузвельта, что у него уже есть в Европе готовая разведсеть. Этот аргумент и стал решающим при назначении «Дикого Билла» шефом американской разведки.

Большинство «спартанцев» были людьми гражданскими и ничего не знали о военном потенциале рейха. Зато на основе их сведений Донован составлял для президента секретные документы типа психологического портрета Гитлера. Такой подход был заведомо ущербным, так как Донован пытался представить политику нацистов как следствие всего лишь тех или иных сторон характера их вождя. На самом деле НСДАП никогда бы не пришла к власти без санкции капитанов немецкого бизнеса, но такую точку зрения Донован как юрист американского крупного бизнеса принять, естественно, не мог.

Все данные «300 спартанцев» Донована собирали о Европе в то время, когда США формально не участвовали во Второй мировой войне. Однако к лету 1941 года США уже активно помогали Великобритании поставками военных материалов, и Донован считал, что вступление Америки в войну против Германии — дело самого ближайшего будущего.

Летом 1941 года Донован фактически исполнял обязанности по поддержанию тайных связей между правительством США и британскими спецслужбами, о которых он был крайне высокого мнения. Когда его назначили главой американской разведки, то он обратился к своему английскому другу Яну Флемингу^[66] с просьбой посоветовать ему, какой должна быть организационная структура ведомства. Флеминг сам не любил, как и Донован, сидеть в кабинете и работать с документами. Поэтому его советы были весьма расплывчатыми. В целом он посоветовал принимать на работу только самых лучших и талантливых людей Америки, и Донован все время пытался следовать этому совету.

Однако война для США началась не в Европе, а в Перл-Харборе, и не против немцев, а против японцев. Если бы сам Гитлер во исполнение

союзнического долга по отношению к Японии не объявил войну США 8 декабря 1941 года, то в Вашингтоне, возможно, еще долго бы не вмешивались в конфликт на европейском континенте.

Для Донована (как и для всех американских разведывательных ведомств) удар японцев по главной базе Тихоокеанского флота США стал полной неожиданностью. Но «Дикому Биллу» удалось все свалить на просчеты военно-морской разведки, тем более, что его собственная структура была еще очень молодой и с нее сильно не спрашивали. Бюджет ведомства Донована (около сотни сотрудников) составлял в 1941 году жалкие 1,7 миллиона долларов. В мае 1942 года за границей работал всего-навсего 21 агент «Дикого Билла».

В июне 1942 года главными центрами активности Офиса координатора информации были главным образом нейтральные страны — Швеция, Швейцария, Португалия, Испания. Командующий американскими войсками на Тихом океане генерал Дуэглас Макартур запретил агентам Донована работу на своем театре военных действий. Никакой реальной агентуры на европейском континенте до середины 1943 года у разведки США не существовало.

12 июня 1942 года Офис координатора по информации был преобразован в Управление стратегических служб (УСС, Office of Strategic Services, OSS). На тот момент под командованием Донована служило 1630 человек.

Управление подчинялось высшему военному руководству США (Объединенный комитет начальников штабов, ОКНШ) и формально должно было лишь выполнять заказы военных по разведывательному обеспечению конкретных боевых операций. Донована вернули на действительную военную службу и присвоили ему звание генерал-майора.

Поначалу отбор персонала в американскую разведку был весьма хаотичным. Но вскоре (примерно в середине 1943 года) стали поступать сообщения, что оперативники за границей не могут быстро адаптироваться к постоянно менявшимся условиям работы, тем более во вражеском окружении. К тому же многие бойцы невидимого фронта не знали никаких иностранных языков и не имели и малейшего понятия о культуре и традициях страны своего пребывания.

Пришлось впервые в истории США создать в разведке службу психологической и психиатрической оценки потенциальных кандидатов и уже принятых на работу сотрудников. За основу взяли британский опыт, что вообще было характерно для всех сторон работы свежее испеченной американской разведки.

Через горнило службы психологической оценки прошли более 5000 кандидатов на работу в УСС^[67]. Но проблема состояла в том, что психологи не имели никакого понятия, к чему, собственно, надо было готовить кандидатов. Оперативники должны были составить для психологов описание будущей сферы деятельности тестируемого, но они и сами не знали, куда и для чего направят того или иного человека. Поэтому часто описание будущей работы состояло из одной фразы типа «аналитик новостной информации».

Ввиду этого психологи УСС в основном изучали «человека в целом», то есть его характер, сильные и слабые стороны повседневного поведения. В том, что касается профессионализма, все собеседование иногда заключалось всего в одном вопросе: «Как вы считаете, что вы будет делать в УСС?».

Главная проблема заключалась в том, что и сам Донован иногда не представлял себе, чем конкретно должны заниматься отобранные им люди. Часто сотрудники УСС просто путешествовали по миру за государственный счет, месяцами ожидая конкретных заданий.

Как и в настоящее время, американская разведка в годы войны особенно активно привлекала выпускников самых престижных университетов США — т. н. лиги ивового плюща. В то время в этих университетах (типа Гарварда) грызли гранит науки много детей американских дипломатов, долгое время живших за границей, учившихся ранее в иностранных школах или ВУЗах, знавших как минимум один иностранный язык помимо английского и, главное, имевших представление о традициях и образе повседневной жизни других стран.

Помимо отпрысков дипломатов в элитных (крайне дорогих) университетах учились сынки богачей, которых в то время также было принято обязательно отправлять в длительное путешествие в Европу. Часто богатых бизнесменов, вовремя оказавших президентам какую-либо услугу (в основном, конечно, финансовую), назначали послами. Типичным примером такой карьеры был отец Джона Кеннеди Джозеф, бывший бутлегер, которого Рузвельт сделал послом в Великобритании.

Иногда знакомство по университету было единственным критерием при приеме на работу в УСС. Например, первоначальный состав отдела секретной связи разведки (Compt) целиком состоял из выпускников Дартмутского университета. И даже позднее, когда туда стали брать выходцев из других колледжей, от них требовали выучить наизусть гимн Дартмутского университета «Eleazer Wheelock»^[68]. Кстати, сам Донован

проходил в секретной связи УСС под номером 109.

В целом найти человека с хорошим опытом пребывания за границей в Америке 40-х годов было очень непросто. Ведь даже в начале XXI века 70 % американцев не имели загранпаспортов.

Кроме иностранного опыта (ведь время было военное) для кандидата на службу в УСС был желательным какой-либо военный опыт, что в условиях отсутствия в Америке призывной армии было отнюдь не чем-то само собой разумеющимся. Для тех сотрудников УСС, которых забрасывали с диверсионными заданиями в тыл врага, военная подготовка длилась до 8 месяцев.

Проблему незнания большинством американцев иностранных языков решали за счет привлечения выходцев их иммигрантских семей, благо никаких проблем с этим не было. Сам Донован требовал, чтобы кандидаты были «агрессивными» и «авантюрными» людьми, даже если эти качества означали отсутствие дисциплины и холодного расчета. Шеф УСС пытался соединить несоединимое, приказывая подыскивать «расчетливо безрассудных» людей. Если кандидат был готов к работе за границей, не спрашивая, в чем конкретно она заключается, то для Донована этого было вполне достаточно.

Некоторым кандидатам «Дикий Билл» говорил примерно следующее: «Напишите мне меморандум о том, какую пользу Вы могли бы принести моей службе. Если я с ним соглашусь, то считайте, что Вы зачислены в штат»^[69].

УСС искало сотрудников с помощью обычных объявлений о том, что на государственную службу требуются люди со знанием иностранных языков для выполнения специальных заданий. Все это звучало привлекательно, почти как в шпионских боевиках Голливуда. Тех, кто проходил основное собеседование, направляли в Вашингтон для базовой военной подготовки. Если человек должен был работать за границей (а в тех условиях это была прежде всего Европа), то он выезжал в Англию, где его дополнительно тренировали британские командос.

«Дикий Билл», по его же собственным словам, искал доктора философии, способного победить в драке в баре. Такое странное для европейца сочетание интеллектуальных и физических качеств для Америки как раз было делом обыденным. В элитных университетах США всегда делали упор на занятия спортом, причем силовым и конкурентным, вроде американского футбола. Считалось, что ненависть и безразличие к страданиям конкурентов поможет воспитать достойные лидерские качества для занятия бизнесом.

В УСС на работу хотело попасть и несколько известных актеров и режиссеров из Голливуда, желавших на практике попробовать сыгранное на экране амплу героев и искателей приключений. Известнейший в то время киноактер Джон Уэйн написал в своем резюме, что умеет скакать на лошади, играть в кино и пользуется кличкой «Дьюк». Такой квалификации было недостаточно, и прославленного киногероя отвергли.

Зато с УСС сотрудничала немка по национальности и кинозвезда тех лет Марлен Дитрих. Кинодива в военной форме армии США объезжала фронты и давала концерты для союзных войск. В УСС (отдел пропаганды) она записывала на пластинки грустные лирические песни на немецком языке (в том числе шлягер номер один вермахта «Лили Марлен»). Их крутили по радио, чтобы у немецких солдат возрастала тяга к дому, родным и близким. На немецкий язык переводили и хиты американских композиторов, нарушая при этом их авторские права. За свою работу Дитрих получила правительственную награду США, но многие соотечественники и после войны ненавидели ее за то, что она носила американскую форму.

Но и Голливуд УСС все же пригодился. На базе киностудий в Лос-Анджелесе был развернут центр УСС, где агентов обучали скрытому фотографированию и киносъемке. На службу в разведку был принят известный режиссер того времени Джон Форд (настоящее имя Шон Алуазин О'Фрини).

Просился в разведку и самый знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг, который первым в одиночку перелетел Атлантический океан в 1927 году. Но Линдберг слишком явно выказывал свои симпатии нацистам в 30-е годы и выступал с призывами к американским евреям не втягивать США в войну против Германии. Поэтому Рузвельт дал команду Доновану «отшить» пилота^[70].

Были среди претендентов на работу в УСС и совсем странные личности. Например, на прием к Доновану попал известный математик и астролог, который просил всего-то 25 тысяч долларов и двух-трех помощников для того, чтобы выиграть войну. Он брался с помощью звезд установить точный час рождения Гитлера и с помощью этого вычислить, какие и когда надо принимать решения, чтобы победить Германию. «Прекрасно, — ответил Донован, — это как раз именно то, что должна делать моя служба. Но мне надо очень точно соблюдать протокол, иначе мы не можем существовать, действуя между военными и Белым домом. Поэтому, сэр, наденьте свою шляпу и пальто и отправляйтесь к министрам обороны и ВМС, чтобы они дали мне указание сделать это. Тогда мой офис

выполнит указание». Вдогонку уходящему посетителю «Дикий Билл» бросил: «Да, и пусть указания будут в письменном виде!»^[71]

Однако готовность Донована разговаривать и брать на работу самых разных людей приносила и хорошие плоды. Например, американской военно-воздушной базе на острове Вознесения сильно досаждали местные пернатые. Птицы попадали в пропеллеры американских самолетов, что приводило к авариям. Донован нанял орнитолога, который заманил птиц в другую часть острова, где они больше не представляли угрозы для аэродрома.

УСС искало не только утонченных и интеллектуальных разведчиков, но и командиров партизанских и диверсионных групп. Донован (как выяснилось ошибочно) полагал, что грязную работу лучше всего могут исполнить «грязные люди». Именно поэтому для подрывной работы в Италии УСС вербовало сотрудников среди американской мафии, которая в то время в большинстве состояла из итальянских иммигрантов. Вскрывать сейфы и замки оперативников УСС учили профессиональные «медвежатники».

Так как у Донована никакого плана разведывательных или подрывных действий против тех или иных стран никогда не было, то «полевым оперативникам» УСС за границей предоставлялась фактически ничем не ограниченная инициатива. «Дикий Билл» требовал лишь эффективных операций, достойных киноэкрана, по принципу: максимальный успех минимальными силами. С одной стороны в этом был свой плюс — сотрудники УСС не должны были согласовывать каждый свой шаг с Вашингтоном, что в условиях военного времени было само по себе затруднительно. С другой стороны, американские разведчики даже в одной и той же стране часто не имели понятия о действиях друг друга и иногда мешали друг другу или вербовали одних и тех же людей.

В том, что касается использования в работе женщин, УСС безнадежно отставало от советской разведки. В спецслужбах СССР еще до войны женщины (как советские, так и иностранные гражданки) могли быть даже резидентами и занимали высокие офицерские должности. Но США, как и Британия, прочно находились в плену гендерных предрассудков. Там считали, что женщинам по плечу лишь классические вспомогательные функции типа секретарши или машинистки.

Донован позднее так суммировал роль прекрасного пола в УСС: «Большинство женщин, работавших на первую организационно независимую... разведывательную службу Америки, провели свои военные годы за столами с картотеками в Вашингтоне, они были невидимыми

нитями... организации, простиравшимися до каждого поля битвы.

Это они на родине передавали тайные сообщения, кодировали и дешифровывали приказы, отвечали на телефонные звонки, посылали чеки и вели списки. Но и это были очень нужные задачи, без которых невозможно было обеспечить работу организации, насчитывавшей 21 000 человек гражданского и военного персонала. От их (женщин) результативности зависела безопасность организации.

Но некоторые женщины были и на важных административных постах, а иные из них обладали и региональным и лингвистическими знаниями, которые вносили большой вклад в разведку... Их специальные навыки были использованы в точной и кропотливой работе, такой как создание карт и криптография.

Только очень малый процент женщин работал за границей, а еще меньше были приданы операциям за линией вражеского фронта»^[72].

Следует отметить, что подготовку парашютистов прошли в УСС 3800 человек (включая агентов-иностранцев), и в том числе 38 женщин. Только 50 курсантов из общего числа отказалось продолжить подготовку, но представительниц прекрасного пола среди «отказников» не было. Дамы жаловались лишь на синяки, которые оставляли лямки от парашютов на их груди.

Сам Донован всегда старался быть по отношению к своим сотрудницам воплощением галантности и внимательности. Он часто выглядывал из кабинета и говорил своим помощницам: «Что бы я без вас делал?» Увидев в соседнем ресторане двух секретарш УСС за обедом, генерал подвез их обратно на работу на своем шикарном лимузине. Такие случаи мгновенно становились известны всему персоналу, что только укрепляло и без того высокий авторитет «Дикого Билла» среди своих подчиненных.

Что касается структуры УСС, то отвращение Донована к кабинетной работе сыграло здесь определенную положительную роль. Так как все время менялись задачи разведки, то и ее структура была очень гибкой, и «Дикий Билл» не боялся ее радикально перестраивать, что называется, «на ходу».

Конечно, для того, чтобы получать от конгресса США необходимое бюджетное финансирование, Донован, как положено, каждый год представлял законодателям организационную структуру УСС, которая в основном так и оставалась на бумаге. На самом деле Управление было конгломератом мелких подразделений и рабочих групп, каждая из которых занималась решением какой-нибудь конкретной задачи. Появлялась новая

задача — появлялось новое подразделение.

Причем названия этих подразделений (например, оперативная группа, «Отдел экономической войны» и т. д.) часто не отражали ни численного состава, ни размаха операций.

Поначалу в «конторе» Донована царил полный хаос. Один раз поступило сообщение, что по вашингтонской штаб-квартире разведки разгуливает какой-то неизвестный мужчина с пистолетом и спрашивает о «Диком Билле». Секретарша Донована Луиза Бушнелл быстро провела шефа в женский туалет, где он спрятался в самой дальней кабинке, сев на унитаз и высоко подняв ноги. Там Донован и провел 20 минут, пока непрошеного визитера (оказавшегося ненормальным) не скрутили и не вывели из здания. «Дикий Билл» умолял секретаршу никому не говорить о досадном инциденте, а Бушнелл потом с юмором вспоминала о тайной операции «Джонни на горшке».

По состоянию на 1944 год у Донована (директора УСС) было 2 заместителя. Один заместитель директора курировал «стратегические операции», то есть диверсионные и партизанские отряды и группы^[73]. Ему подчинялись следующие отделы или группы:

- специальных операций (Special Operations, диверсии, саботаж);
- психологических операций (Morale Operations, подрыв боевого духа противника);
- морских операций (Maritime Operations, например, высадка агентов с моря);
- специальных проектов (Special Projects);
- полевая экспериментальная группа (Field Experimental Unit);
- командование оперативных групп (Operational Group Command).

Второй заместитель Донована курировал «классическую разведку», и ему подчинялись следующие подразделения:

- секретная разведка (Secret Intelligence);
- X 2 (контрразведка);
- группа исследований и анализа (Research and Analysis);
- группа работы с иностранцами (Foreign Nationalities);
- группа цензуры и документации (Censorship and Documents).

Численный состав этих подразделений был разным и часто менялся, но слабой стороной всегда был анализ поступавшей информации. Сам «Дикий Билл» требовал не «бумажек», а конкретных действий. Поэтому упор делался на диверсии и подрывные акции. Не случайно, что в аналитическом отделе УСС работало всего 8 человек (хотя в этом подразделении была прекрасная библиотека). Донован считал, что

практически любой информацией в крайнем случае всегда можно разжиться у англичан.

Помимо основных подразделений в УСС существовали и обычные для любого ведомства вспомогательные и технические службы (секретариат, юридическая служба и т. д.).

Отдел секретной разведки занимался тем, что и принято понимать под «классической» разведкой, а именно сбором тайных сведений, главным образом через агентов за границей.

Отдел специальных операций был любимым детищем Донована, и его название говорило само за себя.

Командование оперативных групп готовило военных диверсантов (обычно парашютистов) со знанием иностранных языков.

Группа морских операций занималась борьбой с кораблями враждебных стран, например, путем размещения на них мин с помощью заграничной агентуры.

Группа иностранных национальностей выявляла шпионов, саботажников и прочие подрывные элементы среди этнических и религиозных меньшинств в США, а также среди коммунистов.

Первой крупной операцией людей «Дикого Билла» было похищение шифровального кода из посольства вишистской Франции в Вашингтоне.

В начале 1942 года союзники (Англия и США) приняли решение провести высадку в Северной Африке (операция «Факел»). Захватив Алжир и Марокко, силы вторжения должны были с запада войти в Тунис и отрезать от Германии Африканский корпус Роммеля, который в то время активно наседали на Египет. И Алжир, и Тунис, и Марокко подчинялись главе вишистского режима маршалу Петену, который во Второй мировой войне соблюдал нейтралитет. В обмен на это немцы не оккупировали южную Францию.

Французы в то время негативно относились к англичанам, после того как Лондон бросил Францию на произвол судьбы перед лицом немецкого вторжения летом 1940 года, а потом еще и попытался уничтожить французский флот, чтобы он не достался немцам. Поэтому англичане не исключали, что французы окажут войскам союзников в Северной Африке ожесточенное сопротивление. Именно эту крайне неприятную для «Факела» возможность и предстояло прояснить, похитив шифры французского посольства в Вашингтоне.

Всю операцию задумали англичане, а от американской разведки ее проведение поручили 48-летнему Эллери Хантингтону-младшему. Приставка «младший» явно указывала на принадлежность разведчика к

американской «знати». Хантингтон (как и Донован) служил в американских войсках в Европе в годы Первой мировой войны. Во время учебы в университете Колгейт он активно играл в футбол (естественно, американский) и блистал как футболист в общеамериканском масштабе в 1919–1921 гг.^[74] На футбольном поле Хантингтон в прямом смысле этого слова сталкивался с Эйзенхауэром, будущим главкомом союзных войск в Европе и президентом США. Хантингтон получил диплом юриста в Гарварде и вскоре стал (как и Донован) видным нью-йоркским юристом в области коммерческого права. С будущим шефом УСС он играл в сквош. Футбол, Гарвард и сквош были уже достаточными условиями для приема в УСС. Кроме того, Хантингтон говорил на французском, итальянском, испанском и немецком (плохо).

Благодаря знакомству с Донованом Хантингтона сразу сделали полковником и отправили проходить «курс молодого бойца» в военный лагерь в Вирджинии.

Саму операцию во французском посольстве должна была проверить агент британской разведки под псевдонимом «Синтия» (сам Хантингтон фигурировал под псевдонимом «Хантер», т. е. «Охотник»), которая с согласия англичан стала работать и на УСС. С помощью профессионального «медвежатника» из штата Джорджия (его имя никто из участников операции не знал) предполагалось взломать сейф в посольстве, выкрасть шифр, принести его в соседний отель, где люди из УСС должны были его быстро сфотографировать. После всего этого шифр надо был водворить на место.

На совещании с англичанами 10 марта 1942 года решили провести операцию в июне. «Синтия» с мая 1941 года имела интимные отношения с работником французского посольства Шарлем Эммануэлем Брусом, который и должен был обеспечить доступ к сейфу.

Сама «Синтия» (настоящее имя Эмми Элизабет Торп) родилась в 1910 году, ее мать училась в Сорбонне, мюнхенском и Колумбийском университетах. «Синтия» унаследовала от матери ум, образование она получила во Франции и лучших американских частных школах. С 1930 года была замужем за секретарем по экономическим вопросам британского посольства в США и объездила с мужем много стран. С 1940 года работала на британскую разведку. К 1942 году ее брак практически распался, и она хотела выйти замуж за Бруса после войны. При этом первоначально ее вывела на Бруса английская разведка, поставив задачу сблизиться либо с послом, либо его помощником (кем Брус и являлся). Брус был французским патриотом и противником режима Виши.

Заметим, что в целом операция по проникновению во французское посольство была незаконной, так как Рузвельт ранее директивой практически запретил УСС работу против нейтральных стран. Но в апреле 1942 года премьером вишистского правительства стал ярый коллаборационист Пьер Лаваль, и американцы не без оснований опасались, что Франция может открыто встать на сторону Германии в мировой войне.

«Синтия» и группа УСС с фотооборудованием сняли номера в отеле «Уордмен парк» рядом с посольством. Там же жил Брус со своей женой (богатой американкой, покоренной обаянием 50-летнего француза). Брус нарисовал план посольства, и выяснилось, что сейф находился в кабинете военно-морского атташе. Сами шифры представляли собой две объемистые книги.

Операция началась с регулярных прогулок Бруса с ночным сторожем посольства. Когда оба подружились, Брус сообщил о своей «проблеме». Мол, он встречается с любовницей, но в отель ее приглашать боится — жена может распознать измену. Поэтому было было здорово «задерживаться» вечером на работе и ласкать милую прямо в посольстве. Там есть удобный диван в одном из салонов для приема гостей. Сторож поначалу колебался, но получил щедрые «чаевые» и согласился пускать в посольство «даму сердца» Бруса. После каждого свидания влюбленные сердечно прощались с охранником и гладили его собаку.

19 июня 1942 года Брус и «Синтия» подъехали к посольству на автомобиле, на заднем сиденье которого был спрятан «медвежатник». Машину припарковали напротив посольства. Охраннику сказали, что у них сегодня годовщина знакомства, и предложили вместе отметить эту славную дату шампанским. Сторож согласился и принял вместе с волшебным напитком дозу нембутала, предоставленного англичанами. Сторож быстро уснул, после чего порядочную дозу нембутала налили и в миску его собаки.

Когда оба «сторожа» крепко спали, «Синтия» впустила в посольство «медвежатника». Тот неожиданно долго провозился с замком сейфа и открыл его только в районе четырех утра. Времени на то, чтобы сфотографировать коды и вернуть книги на место, уже не оставалось — скоро должны были прийти уборщицы. Пришлось списать шифр сейфового замка и быстро ретироваться под ворчание начавшего просыпаться пса.

УСС и британцы решили повторить попытку 21 июня. На этот раз «Синтии» поручалось самой открыть замок сейфа. Брус трусил и наотрез отказался во второй раз усыпить охранника. Пара под понимающую улыбку охранника успешно зашла в посольство, и «Синтия» стала колдовать над сейфом. Но она нервничала, и у нее ничего не получалось. В два часа ночи

было решено прервать операцию.

На сей раз Хантингтон достал сейф, похожий на тот, что стоял во французском посольстве, и «медвежатник» три часа учил «Синтию» его открывать. «Синтия» сдала экзамен, но настояла на том, чтобы при третьей попытке «медвежатник» находился где-нибудь неподалеку от посольства. Перед этим Брус сообщил охраннику, что его любовница хотела бы провести с ним в посольстве целую ночь. Тот не возражал. Но когда пара подошла к посольству, она увидела рядом с ним два припаркованных подозрительных автомобиля. Оказывается, сотрудники отеля сдали «Синтию» ФБР как «женщину легкого поведения». Гувер всегда выставял себя борцом за чистоту нравов и поручил своим людям следить за странной дамой.

Любовники для вида разделись и, как выяснилось, правильно сделали. К ним в комнату якобы случайно заглянул охранник, видимо любитель «клубнички». Бормоча извинения, он наконец удалился и Синтия проникла в комнату с сейфом. Там она открыла окно, и в него с улицы залез «медвежатник». На сей раз он управился быстро, и вскоре в соседнем отеле группа УСС активно фотографировала шифровальные книги. В 4.30 книги были возвращены на место. «Синтия» стерла отпечатки пальцев на сейфе, и пара под ручку вышла из посольства.

В течение 48 часов шифры были отосланы в Лондон.

«Синтия» вышла замуж за Бруса, и они счастливо жили на родине француза в его фамильном замке близ Перпиньяна до того, пока Эмми Элизабет Торп не умерла от рака 1 декабря 1963 года.

Что касается пропаганды, то Рузвельт после Перл-Харбора поручил Доновану только «черную пропаганду» (Morale Operations), то есть подрывную, источник которой нельзя было проследить. «Белой», официальной пропагандой занималась Служба иностранной информации (Foreign Information Service, FIS), которую возглавил Нельсон Рокфеллер.

Группа пропаганды УСС была основана в январе 1943 года и имела два подразделения: радиопропаганды и печатных средств. Требовалось распространять ложь и дезинформацию для подрыва боевого духа армий и населения вражеских государств. Выпускались поддельные иностранные газеты, листовки, распространялись ложные слухи. Однако люди Донована так и не смогли убедить ни конгресс, ни президента в результативности такой работы. Не хватало конкретных примеров.

В частности, оказалось, что выпускники Гарварда часто знают иностранный язык лишь по учебникам или по общению со своим кругом (богатыми людьми «высшего общества») за границей. Но они не могли,

например, выпустить «липовую» газету от имени обычных немецких солдат-дезертиров. Снобы из «лиги плюща» не знали, как говорят обычные немцы, не имели они понятия и о солдатском жаргоне вермахта.

Одна из сотрудниц отдела пропаганды УСС (знавшая японский язык) вспоминала: «После трех лет, проведенных в отделе пропаганды за утаиванием правды, намеренным искажением новостей и распространением слухов, мне было очень трудно написать правдивую статью для газеты...»^[75]

Листовки и радиопередачи для японских солдат отрабатывали на японских военнопленных, которых для этой цели специально привезли в Вашингтон. Вскоре выяснилось, что листовки написаны слишком «книжным» языком и сложными иероглифами, которые большинство солдат даже не понимало.

Тематику тоже пришлось изменить. Отказались от любых призывов к неповиновению и убийству офицеров, так как это шло вразрез с самурайскими представлениями о чести воина. Зато сотрудницы УСС японского происхождения надрывно читали по радио якобы захваченные письма солдатам из дома (на самом деле их фабриковали в УСС), в которых их призывали скорее возвращаться к родным очагам. Японцы считали эту программу «Голос народа» опасной и глушили ее как могли.

В апреле 1945 года была введена в эксплуатацию мощная радиостанция (50 тысяч ватт) на Пост-стрит в Сан-Франциско, работавшая против японцев. УСС содержало и «черное радио» на острове Сайпан.

Раз в неделю в штаб-квартире УСС проходил мозговой штурм сотрудников, неофициально именовавшийся «мельницей слухов». Там выдумывали ложные слухи, которые потом отсылали для распространения в резидентуры УСС на Цейлон, в Бирму, Китай, и позднее — в Таиланд.

Ложную информацию против немцев и итальянцев творчески выдумывала сотрудница УСС Кейт Халли (которую сослуживцы величали «Мата Халли»). Причем слухи эти были такими мастерски сработанными, что их иногда обратно домой под видом секретных сведений передавали агенты УСС в «поле» и американские дипломаты за рубежом.

Например, американский посланник в Берне (заметим, что с ноября 1942 года под «крышей» его ассистента работал Аллен Даллес) сообщал в госдепартамент, что Швейцария отвергла просьбу Муссолини о предоставлении ему политического убежища в случае вторжения союзников в Италию. Посланник настоятельно просил тщательно хранить секретность этой информации. На самом деле это был всего лишь слух от «Маты Халли», призванный подорвать веру итальянцев в победу стран

Оси.

Высокую оценку заслужил проект УСС «Музыкант» (совместно осуществлявшийся с английской разведкой из Лондона), в рамках которого работала, в частности, Марлен Дитрих.

В июле 1944 года союзники запустили «черное радио» на немецком языке — «Солдатский передатчик Запад» (Soldatensender West). По легенде, он вещал из горной местности в Западной Германии от имени дезертиров вермахта. Передатчик охотно слушали в германской армии, прежде всего потому, что помимо пораженческой пропаганды там крутили современную музыку и передавали анекдоты. УСС отвечало как раз за развлекательную часть программы. Специально для радиостанции оперативником отдела пропаганды УСС Лотаром Мерцлем (профессиональным композитором, немцем по национальности) были написаны немецкие тексты песен на музыку Гершвина, Керна, Роджерса, Харта, Берлина. «Солдатский передатчик» передавал эти песни в исполнении Марлен Дитрих, ее дочери Марии, Греты Келлер, Лотты Ленья, Греты Штойкгольд и других известных певиц того времени. Причем только Дитрих знала, что записывает песни для УСС.

Донован позднее написал Дитрих благодарственное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я глубоко благодарен лично Вам за Ваше великодушие, с которым Вы сделали для нас все эти записи»^[76]. Дитрих в ответ попросила Донована помочь в коммерческом издании этих пластинок, первоначально предназначавшихся только для использования в Германии в военное время. Донован (как опытный юрист) взялся за дело, смог урегулировать вопрос с авторскими правами, и в 1951 году военный альбом Дитрих был выпущен в США.

После войны Марлен Дитрих была награждена Медалью свободы — высшей наградой для гражданских лиц в США.

Еще одной известной операцией пропагандистского отдела УСС (хотя оценки ее успеха разнятся) была «Операция кислая капуста»^[77].

Когда в УСС узнали о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, римская резидентура американской разведки решила его немедленно обыграть. Было принято решение послать за линию немецкого фронта в Италии завербованных немецких военнопленных, снабженных различными фальшивыми приказами и воззваниями высших военачальников рейха. Смысл этих сфабрикованных УСС документов состоял в том, что покушение увенчалось успехом и вся власть в Германии перешла к военным. Эта операция должна была посеять в германской

армии панику и к тому же углубить возникшее после покушение недоверие Гитлера к своим генералам.

22 июля 1944 года сотрудники римской резидентуры УСС Барбара Лауэрс (чешка по происхождению) и Уильям Дьюэрт отбирали немецких военнопленных в лагере близ Неаполя, в то время как другие их коллеги обеспечивали подбор немецкого снаряжения, формы и документов. Среди пленных отобрали 16 человек, причем в основном тех, кто, судя по беседам, любил приключения или был заинтересован в денежном вознаграждении.

Через четыре дня после начала операции «Кислая капуста» (когда в рейхе уже давно была подавлена попытка неудавшегося военного переворота) снаряженных подготовленными УСС материалами пленных в два захода переправили через линию фронта на реке Арно. По легенде, эти одиночные немецкие солдаты отбились от своих частей и теперь к ним возвращались. Каждый нес по три тысячи заготовленных американской разведкой листовок от имени якобы вождей военного путча против Гитлера, а также от 2300 до 7000 итальянских лир для подкупа слишком любопытных патрулей.

Все шесть человек первой волны «Кислой капусты» благополучно вернулись и доложили, что все материалы были распространены (что, впрочем, никак нельзя было проверить). Один агент даже сообщил о местонахождении 18 замаскированных немецких танков «тигр» (союзники их очень боялись), и они были уничтожены авиацией.

В целом, хотя «Кислая капуста» считалась в УСС успехом (обратно ведь пришли все агенты-немцы, никто не стал возвращаться к своим) она не достигла главной цели — деморализации и по возможности сдачи в плен немецких солдат и офицеров на итальянском фронте.

Больше повезло УСС с чехами, служившими во вспомогательных частях вермахта в Северной Италии. После оккупации Гитлером Чехии в марте 1939 года там было сохранено мизерное марионеточное «правительственное войско»^[78]. В мае 1944 года немцы, несмотря на протест марионеточного правительства «протектората Богемии и Моравии», отослали большую часть этого «войска» (11 батальонов) в Северную Италию. Там чехи должны были нести в тылу караульную службу и выполнять различные вспомогательные функции.

УСС решило (тем более, что Лауэрс, как уже упоминалось, была чешкой) побудить солдат и офицеров «войска» перейти к итальянским партизанам. Тем более, было ясно, что чехи и так не испытывали к немцам никаких особых симпатий. В Ватикане с трудом удалось найти пищущую

машинку с чешскими буквами (некоторые из них отличаются от стандартного латинского алфавита), и Лауэрс составила текст листовки на чешском и словацком языках. В листовке, в частности, говорилось:

«Чехословацкие солдаты немецкой армии! В сентябре 1938 года в берлинском Дворце спорта Гитлер клялся перед всем миром, что ни один чехословак не будет служить в немецкой армии. А теперь нацисты используют наших солдат для обслуживания своей армии! На стороне союзников в немецком тылу борются в подполье вместе с итальянскими партизанами мужчины и женщины, покинувшие свою родину для того, чтобы в один прекрасный день вернуться в Чехословакию свободными людьми. Вас, мужчин, послали сюда для борьбы против этого подполья. Вы пришли на это поле битвы охранять немцев. Но судьба Германии уже предрешена. Гитлеровские армии разваливаются, они потерпели поражение в России, Италии и Франции, а сегодня отступают к своим собственным границам.

Воины! У вас есть только одно командование. Свергните это немецкое иго позора, переходите к партизанам. Делайте это немедленно. На вашу Родину ведет только одна дорога, дорога, которую некоторые ваши земляки выбрали еще четыре года тому назад....»^[79]

Листовки сбрасывали с самолетов в немецком тылу, их текст по радио также передавала Би-Би-Си. На сей раз действительно удалось спровоцировать чехов на дезертирство — подготовленные Лауэрс листовки были обнаружены в карманах примерно 500 солдат и офицеров «войска», перешедших линию фронта.

Всего в боях против итальянских партизан на стороне немцев погибло 10 чехов, 15 было ранено. Примерно 800 бойцов «войска» перешло к партизанам. Некоторые бежали в Швейцарию. Но самый массовый случай перехода чехов на сторону партизан произошел 26 июня 1944 года без всякой помощи УСС — тогда близ Турина к партизанам (большинство из которых в Италии, кстати, были коммунистами) явилось сразу 52 чеха под командованием надпоручика Леопольда Враны. 11 августа этот партизанский отряд уже вместе с чехами напал на немецкую колонну численностью около 1500 человек и разгромил ее (по данным партизан, было убито примерно 300 немцев).

Перешедших на сторону союзников чехов (580 солдат и сержантов и 15 офицеров) отправили во Францию, где они влились в состав Чехословацкой самостоятельной бронетанковой бригады, которая в глубоком тылу до 9 мая 1945 года осаждала немецкий гарнизон французского порта Дюнкерк.

6 апреля 1945 года Лауэрс наградили за «чешскую операцию» Бронзовой звездой. Разведчица вспоминала, что пока офицер долго и нудно перечислял ее заслуги, она, стоя перед строем в парадной форме, мечтала лишь об одном — скорее бы вся церемония кончилась. Ей страшно хотелось в туалет, и она живо представляла себе, что будет, если ее героическому терпению придет конец.

Контрразведка УСС (X 2) была призвана не столько бороться против иностранных разведок в США (этим занималось ФБР), сколько искать агентов среди сотрудников спецслужб противника, то есть «двойных агентов». Такая работа считается «высшим пилотажем» любой разведки.

Примером, как обычно, служили британцы, которые смогли после начала Второй мировой войны выявить несколько германских агентов в Великобритании и перевербовать их, после чего они продолжали работу на Берлин, но уже под контролем англичан. Правда, ключевым фактором успеха британцев на этом направлении была работа польских криптографов — они смогли расшифровать немецкий секретный код «Энигма» (операция «УЛЬТРА»), и англичане смогли читать переписку абвера со своими агентами в Великобритании.

Перевербованные британской контрразведкой MI-5^[80] агенты абвера сыграли довольно важную роль в дезинформации военного командования Германии относительно главного места высадки союзных войск во Франции в 1944 году (Operation Fortitude)^[81].

Собственно, англичане и потребовали от Донована (зная разгильдяйство последнего в работе с документами) создать единую службу в УСС, которая могла бы получать от англичан расшифровки немецких радиogramм в рамках проекта «УЛЬТРА». 1 марта 1943 года под давлением из Лондона Донован учредил контрразведку УСС (Counter Intelligence Division), которая через три месяца была переименована в X 2. Именно туда и поступали материалы «Энигмы». Оперативники X 2 проходили стажировку у британских коллег.

Собственно, и вся работа X 2 шла с британских островов, где англичане формировали из присланных на стажировку американцев специальные группы контрразведки, призванные вскоре сопровождать союзные войска после их высадки в Европе. Но эти группы были американо-британскими и англичане играли в них первую скрипку, считая американских друзей «недорослями» на ниве разведки.

Людам Донована не доверяли и дома. Только в сентябре 1943 года высший орган военного руководства США — Объединенный комитет

начальников штабов (ОКНШ) — разрешил УСС работу с двойными агентами, и то «в сотрудничестве» с британской секретной службой. Англичане дали «добро» только в феврале 1944 года. После этого в марте того же года отдел X 2 УСС создал Special Case Units (SCU, подразделения специальных вопросов), сотрудников которых начали тренировать британцы (MI-5). Англичане рассказывали, как «вести» двойного агента, проверять его надежность и психологическую устойчивость.

К моменту высадки союзных войск в Нормандии группа УСС по «двойникам» на Британских островах была скорее символической — три офицера и четверо призванных военнослужащих.

Главным делом SCU УСС стала операция «Драгоман».

Ее герой испанец Хуан Фрутос жил во французском порту Шербур и с 1935 года работал на абвер, сообщая немцам по радио о передвижениях французского флота. С 1943 года в Берлине уже не сомневались в предстоящей высадке союзников во Франции, и Фрутосу было приказано в этом случае остаться в Шербуре. В мае 1944 года абвер снабдил Фрутоса двумя радиопередатчиками. С 6 по 20 июня 1944 года Фрутос передал немцам 10 радиogramм о войсках союзников, высадившихся в Нормандии. После этого Фрутос сообщил, что работать стало опасно, и законсервировал передатчик.

УСС вышло на Фрутоса через «Энигму», а также завербовав в Португалии бывшего начальника Фрутоса в абвере Карла Айтеля (он же Конрад Эберле, Шарль Рене Гросс). Сам Айтель (уроженец Эльзаса) был завербован абвером в 1934 году, когда работал официантом на корабле «Бремен», курсировавшем между Германией и США. Айтелю тогда поручили добыть американскую техническую литературу и сообщить об увиденных им портах США с военной точки зрения. В 1943 году его направили в Лиссабон с заданием добыть данные о противолодочном оборудовании союзников. В ноябре 1943 года Айтель сам вышел там на оперативников УСС и предложил сдать трех агентов абвера в районе Брест-Шербур.

Подтвержденную «Энигмой» информацию Айтеля передали сотрудникам X 2, и они арестовали Фрутоса 8 июля 1944 года. Фрутос сразу во всем признался и согласился работать на американцев. Британцы предложили направить его для тщательной проверки в Англию, так как опасались, что немцам могут сообщить о перевербовке Фрутоса его любовница или остававшиеся на свободе два агента абвера в данном районе. Но американцы сочли, что Фрутосу и так можно верить.

25 июля 1944 года Фрутос (теперь уже агент УСС «Драгоман») снова

вышел на радиосвязь с абвером. Американцы даже фиктивно приняли его на работу переводчиком в центр армейской логистики, чтобы соседи Фрутоса поняли, чем он зарабатывает на жизнь. Для абвера новая работа Фрутоса должна была показаться весьма привлекательной.

В конце августа 1944 года Фрутоса навел другой агент абвера, Габас, которого УСС тщетно разыскивала несколько недель. Габаса арестовали, и он выдал еще одного агента в городке Гранвиль. Третий агент абвера бежал из Шербура (его арестовали в декабре 1944 года), и разоблачение «Драгомана» стало маловероятным.

Всю осень 1944 года Фрутос медленно наращивал поток радиোগрамм с дезинформацией. «Дезу» для немцев должен был разрабатывать «Комитет 212», состоявший из оперативников X 2 и офицеров штабов 21-й и 12-й армейских групп^[82] армии США. Однако в армии воспротивились использованию «Драгомана» для введения противника в заблуждение (видимо, людям Донована не доверяли). Поэтому Фрутос «гнал» в Германию откровенное вранье, и ему пришлось оправдываться перед немцами за явную чепуху, которой он пичкал абвер.

В декабре 1944 года немцы начали успешное контрнаступление против англо-американцев в Арденнах, и Фрутосу полетели настойчивые приказы сообщать о прибытии в Шербур американских подкреплений. Но единственным доказанным случаем успешной «дезы», переданной через Фрутоса 27 и 28 декабря 1944 года (да и то по настоянию англичан), были преувеличенные данные о противолодочных сетях союзников. Эти сведения должны были отпугнуть германские субмарины. Но немцам тогда было уже не до подводной войны, что признавали позднее и сами американцы, пытаясь выявить полезность работы «Драгомана».

Хотя Фрутос радировал абверу до марта 1945 года, никакой реальной пользы его радиоигра не принесла. Тем не менее операция «Драгоман» стала самой успешной работой УСС с двойными агентами за годы войны.

В 1942–1943 гг. УСС открыла офисы в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сиэтле и Гонолулу. Главной заграничной резидентурой на первых порах был Лондон, где американцы фактически работали под опекой англичан.

В Нью-Йорке (первым шефом тамошнего отделения УСС стал Аллен Даллес) занимались в основном так называемой «устной разведкой» (Oral Intelligence). В доме 630 на Пятой авеню был скромный офис на 25-м этаже с вывеской 3663. Там с января 1942 года люди Даллеса опрашивали иммигрантов из Европы, почти все из которых прибывали поначалу именно в Нью-Йорк. В этом же доме располагалась «Коммерческая корпорация

Соединенного Королевства» — «крыша» для представительства британской разведки в США (British Security Coordination, BSC). Даллес, как и Донован, был очень высокого мнения о работе британских коллег, которых в Нью-Йорке возглавлял опытный разведчик, канадец по происхождению сэр Уильям Стивенсон.

На северном берегу озера Онтарио в секретном лагере X площадью 250 акров англичане учили более 500 сотрудников УСС партизанской и диверсионной войне.

В отделении X 2 нью-йоркского офиса УСС работала известная впоследствии писательница Мэри Маннес. Свой писательский талант она приобретала, читая тайно вскрытые письма чужих людей.

Люди Даллеса искали в Нью-Йорке агентуру среди греков-иммигрантов для возможной заброски в Грецию с территории Турции и вышли на греческий ресторан «Спартакус Клуб». Выяснилось (хотя можно было догадаться и по названию), что там собираются в основном греческие коммунисты. Причем греки согласились снабжать оперативницу УСС Бerti Карп информацией, подчеркнув, что США являются союзником СССР.

Что касается опросов прибывавших из Европы иммигрантов, то многие из них шли на контакт неохотно, так как боялись, что люди из неизвестной организации могут быть агентами гестапо. В УСС разработали определенную методику бесед:

— Первый разговор не следовало вести с целью добычи информации. Главное было расположить к себе собеседника, выяснив, что его по жизни интересует. Ни в коем случае не рекомендовалось делать письменные пометки, так как это тревожило человека при первом контакте.

— Второй разговор следовало построить на лести, заверив собеседника, что его сведения представляют огромную важность. А для этого, мол, надо было эти самые сведения записывать, но так, чтобы визави смог прочесть, что пишется. Можно было даже предложить опрашиваемому поправить записанное. Разговор следовало вести наедине, чтобы подчеркнуть его доверительность.

Из бесед с иммигрантами были почерпнуты тысячи фактов, которые аналитики УСС пытались сложить в общую картину положения дел в Германии и в оккупированных нацистами странах.

Например, тот факт, что в Берлине, столице рейха, появились немецкие солдаты в трофейной чешской форме, интерпретировался как плохая работа немецкой текстильной промышленности.

Сообщения о том, что в рейхе на работе находится много итальянцев,

главным образом парикмахеров, официантов и портных, следовало использовать для вербовки среди них агентуры. Ведь, по полученным сведениям, итальянцы плохо относились к немцам, но имели при этом как союзники Германии относительно свободный режим передвижения по стране. К тому же сам характер их профессий и природный шарм итальянцев делал их идеальными агентами для работы в женской среде.

Что касается настроений немецких женщин, то, как выяснили сотрудники УСС, больше всего поддерживали Гитлера богатые дамы бальзаковского возраста, проводившие от безделья много времени в кафе и ресторанах. Именно там их разговоры и могли слушать официанты, в том числе и итальянцы.

Работали сотрудники «устной разведки» нью-йоркского офиса УСС буквально на износ, не считаясь с рабочим временем и выходными днями. Только в июне 1943 — июне 1944 года было опрошено 2003 немца, 977 итальянцев, 706 австрийцев, 164 бельгийца и 252 француза. Из бесед с немцами были получены сведения на 5069 ключевых и важных лиц рейха: предпринимателей, врачей, священников, журналистов и т. д. ^[83]

Изначально предполагалось, что УСС будет действовать только на время войны и только против стран нацистской коалиции.

Но и Донован и Даллес (который с ноября 1942 года был резидентом УСС в Европе с дислокацией в нейтральной Швейцарии, Берн) считали, что США должны иметь полностью независимую разведслужбу, подчиняющуюся только президенту. И целью этой новой спецслужбы должны быть отнюдь не только военная разведка и тайные операции в тылу врага.

Одной из лучших операций УСС считается, с легкой руки ее организатора Аллена Даллеса, операция «Восход» («Sunrise»), второе ее название — «Кроссворд» («Crossword»). В связи с этим имеет смысл подробно остановиться на деятельности Даллеса — будущего директора ЦРУ и главного американского разведчика всех времен по версии СМИ — в Швейцарии.

2 ноября 1942 года Аллен Даллес покинул Нью-Йорк на борту самолета-амфибии «каталина», взявшего курс на Лиссабон. С собой он вез шифровальные блокноты (у Даллеса было несколько кодов на случай, если один из них «взломают» немцы) и 1 миллион долларов в аккредитивах. Из Лиссабона Даллес перелетел в Барселону (и Испания и Португалия были нейтральными странами), а там пересел на поезд до Женевы. На последней французской станции перед швейцарской границей вишистский жандарм проверил документы Даллеса и передал его паспорт находившемуся рядом

сотруднику гестапо. Тот перенес все данные паспорта в свою записную книжку. Потом, по воспоминаниям Даллеса, жандарм объяснил ему, что поступило указание задерживать всех американцев и англичан и сообщать о них лично главе режима Виши маршалу Петену. В течение следующих 30 минут Даллес нервно прохаживался по платформе, и в голове его бродили тревожные мысли. Он уже подумывал о том, чтобы просто сбежать и найти в горах французских партизан. Но потом, когда поезд вот-вот должен был тронуться, к нему подбежал тот же жандарм и сказал, чтобы американец быстро вошел в вагон: «Наше сотрудничество с нацистами — лишь показуха!»^[84]

Конечно, Даллес задним числом наверняка приукрасил грозившую ему опасность. Несмотря на то что Германия была в состоянии войны с США с 11 декабря 1941 года, немцы уважали нейтралитет вишистской Франции, которая с Америкой не воевала. Немцы оккупировали южную Францию лишь в конце ноября 1942 года, когда англо-американцы высадились во французской Северной Африке.

Аллен Даллес прибыл в швейцарскую столицу Берн в качестве резидента УСС в ноябре 1942 года^[85], как раз когда союзники вторглись в Северную Африку, а немцы в ответ оккупировали юг Франции. В сферу деятельности резидентуры Даллеса входила вся захваченная немцами Европа, кроме Греции (ее курировала резидентура в Каире). После высадки союзников в Италии летом 1943 года в ведение тамошней резидентуры УСС перешли собственно Италия и Югославия.

Приезд Даллеса как «специального посланника президента Рузвельта» анонсировали основные швейцарские газеты. Только ленивый в нейтральной стране не знал, что приехал главный американский разведчик. В то время швейцарцы еще боялись Гитлера и аккуратно, в частности, возвращали в Германию на верную смерть сбежавших из нацистских концлагерей советских военнопленных. В то же время сбитых над территорией Германии и дотянувших до Швейцарии английских и американских пилотов немцам не выдавали. Но Берлин на этом особо и не настаивал: нейтральная Швейцария охотно поставляла немцам дефицитные товары и вооружение из тех же США в обмен на золото рейхсбанка. Берн ни капли не волновало, что это золото еще недавно было ювелирными украшениями и зубными коронками убитых нацистами узников лагерей уничтожения.

Швейцарская разведка вплоть до высадки союзников в Нормандии поддерживала официальные рабочие контакты с СД Шелленберга, причем

Шелленберг не раз бывал в Швейцарии «по делам».

Стремясь и далее поддерживать взаимовыгодные отношения с нацистами (те не особо торговались, покупая в Швейцарии дефицитное сырье и оружие), швейцарцы предупредили Даллеса, что не потерпят с его стороны деятельности, нарушавшей швейцарский нейтралитет. Швейцарская полиция установила за особняком Даллеса постоянную слежку, но в целом его работе не мешала. Ведь отношения с Америкой для Берна тоже были выгодными.

Даллес в качестве «помощника посланника США в Швейцарии» жил в Берне в удобной элегантной вилле на Херренгассе 23, имевшей удобный задний выход к берегу реки Ааре. Привыкший к комфорту Даллес нанял в свой особняк XV века слугу, горничную и повара. Выделенные Донованом огромные деньги делали такой шик возможным.

Даллес был рад тому, что о нем так обширно писали газеты. Он говорил, что нет смысла скрывать то, что скрывать нельзя. Напротив, он полагал, что, будучи согласно СМИ представителем самого Рузвельта, да еще и со «специальными полномочиями», он легко будет находить источники информации от всякого рода «инициативников».

УСС не выделило Даллесу никаких помощников. Дело в том, что «Дикий Билл», ценя Даллеса как приятного собеседника и человека своего круга, невысоко отзывался о способностях того как разведчика. Поэтому многого от «110» (так проходил Даллес в шифровках) не ждали. Еще более низкого мнения о способностях Даллеса был его британский коллега в Берне. Англичане полагали, что неумелый Даллес как слон в посудной лавке разрушит кропотливо создававшуюся ими годами сеть осведомителей.

Поначалу техническую работу для Даллеса (шифрование и дешифрование сообщений) выполняли американские граждане, случайно оказавшиеся на тот момент в Швейцарии. Прежде всего, речь шла об интернированных пилотах американских ВВС.

Поддержание постоянной связи с Вашингтоном из Швейцарии поначалу осуществлялось Даллесом через посылку зашифрованных телеграмм из американского посольства. После освобождения союзниками Корсики в октябре 1943 года Даллес стал отправлять материалы дипломатической почтой. Донесения микрофильмировались и передавались инженеру поезда Женева — Лион, который тайно перевозил их в специальном отсеке над паровозной топкой. Если бы немцы обнаружили тайное хранилище, то машинист мог бы незаметно открыть специальный люк и материалы исчезли бы в огне. В Лионе материалы

передавались курьеру, который на велосипеде переправлял их в Марсель. Там они попадали к капитану рыболовного суда, доставлявшему их на Корсику. Оттуда самолетом все это перевозилось в Алжир. Конечно, в данном случае Даллес сэкономил силы на шифровке и дешифровке, однако никаких срочных данных таким способом передавать было нельзя — в среднем весь это сложный путь занимал 10–12 дней.

Что касается оперативных сотрудников, то Даллес решил поискать их в близких ему кругах — среди богатых и хорошо образованных юристов, светских бездельников и предпринимателей с международными контактами. Например, представитель крупнейшей американской нефтяной компании того времени «Стандард Ойл» передавал ему информацию о положении дел с нефтепродуктами в Германии. Это было несложно, если учесть что «Стандард Ойл» в обход американских законов поставляла Германии так остро необходимый ей бензин и смазочные материалы. В целом 80 % швейцарской торговли осуществлялось с Германией и Италией. Но Даллеса это не волновало — бизнес есть бизнес.

Еще одним информатором стал представитель «Нэшнл Сити Бэнк», через которого Даллес также тайно закупал иностранную валюту (в обход уже швейцарских законов) для вербовки людей за границей. Банки Швейцарии охотно снабжали рейх дефицитными долларами в обмен на золото, о кровавом происхождении которого упоминалось выше.

Кроме того, Даллес установил контакты с представителями немецких церквей — протестантской и католической, — которые передавали ему данные о положении в клерикальных кругах рейха.

В целом Даллес всегда стремился искать сотрудников и источники сведений среди людей своего круга — богатых людей из лучших частных университетов со светскими знакомствами по всему миру.

Уже в ноябре 1942 года он познакомился с человеком, которому было суждено стать его правой рукой (хотя официально на службу в УСС его так и не взяли).

Еще в 1920 году в Берлине Даллес познакомился с профессором и депутатом рейхстага Герхартом Шульце-Геверницем. Тот в свою очередь познакомил американца со своим сыном Геро (1901 года рождения), изучавшим тогда финансы в университете Франкфурта-на-Майне. После окончания ВУЗа Геро благодаря богатству матери мог заниматься, чем хотел. В 20-е годы он перебрался в Америку, чтобы поспекулировать на бирже, и там получил американское гражданство. Ни в чем толком он не преуспел. То Геро хотел делать деньги на бразильских кофейных плантациях, то на золотых рудниках в Гондурасе. Но симпатичного,

высокого молодого Шульце-Геверница манила, прежде всего, светская жизнь, модные виды спорта и красивые женщины. Неудивительно, что он легко сошелся с Даллесом, у которого были в жизни те же приоритеты.

Сестра «антифашиста» Шульце-Геверница вышла замуж за сына немецкого магната Гуго Стиннеса, который одним из первых стал финансировать еще никому не известную нацистскую партию. Молодой Стиннес, правда, порвал с родителями, купил себе роскошную виллу в Швейцарии и уехал туда пережидать войну. Геро спокойно мотался из Германии в Швейцарию и обратно, собирая в Берлине среди таких же, как он, отпрысков богатых семей всякого рода слухи и сплетни.

Как и большинство представителей дворянства и богатого класса Германии, Шульце-Геверниц недолго любил Гитлера как выскочку низкого происхождения, который, став канцлером по милости германских капиталистов, «отбился от рук». Однако пока «фюрер» вел войну против большевиков на Востоке, салонных берлинских оппозиционеров это вполне устраивало. Они всего лишь хотели каким-то образом примирить Гитлера с Западом, чтобы еще больше развязать ему руки в войне против СССР.

Геро жаждал какой-нибудь авантюрой и необременительной деятельности, которая могла бы спасти его от безделья в Швейцарии. Неудивительно, что еще до приезда Даллеса он вышел на американского военного атташе в Берне генерала Легге. 7 декабря 1941 года, находясь в Берлине с американским паспортом, Геро узнал о предстоящем объявлении Германией войны США и смог привезти в Швейцарию текст готовящегося выступления Гитлера по данному вопросу. Но Легге считал Шульце-Геверница бестолковым бездельником и от плотного контакта с ним уклонился.

Положение коренным образом изменилось с прибытием Даллеса. Будучи таким же сибаритом и любителем порассуждать на самые разные темы, Даллес легко сошелся с Геверницем. Геро стал постоянно бывать у Даллеса в его особняке и часто оставался на ночь. Это дало повод венгерской разведке заподозрить Даллеса в гомосексуализме.

Геверниц получил в УСС номер 476, но на службу его так и не приняли. Холодный и расчетливый, несмотря на свою добродушную улыбку, Даллес, который не имел друзей и определял человека только в параметрах «полезный — бесполезный», использовал Геверница для контактов с теми людьми, с которыми сам он встречаться опасался. В этом смысле «неофициальный статус» Геро был как раз весьма кстати.

Правда, сам Геверниц все же должен был хотя бы как-нибудь представляться собеседникам, чтобы контакты с ним имели для них мало-

мальский интерес. Поэтому Даллес сам «назначил» своего приятеля «атташе» Управления экономической войны госдепартамента США. В госдепе были взбешены появлением в Берне какого-то самозваного «атташе» и начали расследование. Но Донован вовремя предупредил своих коллег о «конфиденциальной природе» работы Геверница, и от него отстали.

Уже после войны министерство финансов США сильно подозревало Даллеса в растрате денежных средств, так как немалые суммы из фондов УСС оказались в распоряжении Геверница. И куда он их потратил, было неизвестно.

Со временем на Даллеса работала примерно сотня агентов самого различного профессионального уровня, на связи у которых в свою очередь были сотни информаторов в оккупированной Европе.

Даллесу удалось добыть сведения о разработке Германией ядерного оружия (хотя и очень фрагментарные), испытаниях ракет V-1 и V-2. Был Даллес в курсе и подготовки немецкими военными покушения на Гитлера. Правда, он абсолютно неправильно предсказал направление германского наступления на советско-германском фронте летом 1943 года — мол, немцы ударят на Москву. Трудно отделаться от мысли, что Даллес пал жертвой немецкой дезинформации, ибо Гитлер после Сталинграда уже никогда не отдавал даже предварительных приказов о наступлении на центральном участке фронта. Немцы, видимо, хотели через Даллеса передать «дезу» в Кремль, и, если бы Сталин поверил в это и перебросил войска с Курской дуги, исход немецкой операции «Цитадель» мог бы быть совсем другим.

Даллес был известным бабником, и его досуг в Берне скрашивала 38-летняя замужняя сотрудница УСС Мэри Банкрофт. Но вскоре она надоела ему тем, что была слишком умной и часто философствовала в постели.

В мае 1943 года Даллес приказал ей встретиться с Хансом Гизевиусом, сотрудником абвера в Швейцарии.

Гизевиус был немецким националистом, в июне 1933 года вступил в НСДАП и стоял у истоков создания гестапо, где работал до 1935 года. С 1936 года Гизевиус примыкал в разным правым оппозиционным группам (группа Бека, группа Остера), которые вяло пытались свергнуть Гитлера, в основном на словах. Вообще, при исследовании немецкого некоммунистического Сопротивления создается впечатление, что до июля 1944 года ни гестапо, ни СД просто не принимали его всерьез. Ведь в «оппозиционной» деятельности участвовал сам глава абвера адмирал Канарис, который был в принципе не против нацизма как такового, он всего

лишь не хотел, чтобы Германия воевала против западных держав. Войну против СССР Канарис, как и вся правая оппозиция, всецело одобрял.

Именно Канарис взял в 1939 году Гизевиуса в абвер и в 1940-м направил его вице-консулом в Цюрих. В Швейцарии Гизевиус вышел на контакт с УСС и британской разведкой и активно писал книгу о своем героическом участии в немецком Сопротивлении. Он довольно часто ездил в Германию и привозил Даллесу сведения самого разного характера.

Британцы не верили Гизевиусу и считали его двойным агентом.

Немец увлекся Мэри Банкрофт и часто звал ее к себе домой. Та отказывалась, да и книгу Гизевиуса считала напыщенной и нудной. Когда она доложила об ухаживаниях Гизевиуса своему любовнику Даллесу, тот, к ее удивлению, ответил: «Ну и какого черта ты не поехала к нему? Это могло быть интересно!»^[86] Мэри и не догадывалась, что Даллес специально «подложил» ее Гизевиусу, так как она ему просто надоела.

Между тем в январе 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке и публично провозгласили, что никаких переговоров о мире с Германией никто вести не будет. Возможна лишь полная и безоговорочная капитуляция рейха. Сталин полностью присоединился к такой точке зрения. Буржуазно-националистическое немецкое Сопротивление (которое в Швейцарии представлял Гизевиус) считало такое решение Вашингтона и Лондона стратегической ошибкой. Мол, что толку свергать Гитлера, если все равно придется капитулировать перед русскими?

Даллес считал требование безоговорочной капитуляции «идеальным подарком» для нацистской пропаганды. Теперь, мол, у немецкого народа нет альтернативы верному служению Гитлеру. Кстати, в своей телеграмме Доновану от 31 января 1943 года Даллес не без сарказма отметил, что успехи русских на фронте произвели в Швейцарии гораздо более сильное впечатление, чем конференция в Касабланке.

Заметим, что ранее в своей телеграмме 5688 от 8 декабря 1942 года Даллес пришел к выводу, что никаких признаков возможного «коллапса» Германии не наблюдается, несмотря на «неудачи» (имелся в виду Сталинград) на восточном фронте^[87].

Даллес настойчиво предлагал дать немецкому народу «надежду» на то, что поражение в войне не будет для него слишком «суровым». Одновременно шеф УСС в Берне «мистер Бернс» (еще один псевдоним Даллеса) советовал «Виктору» (Доновану) объединить движение Сопротивления на Балканах, чтобы сделать его достаточно сильным для «противодействия неминуемым русским требованиям в этом регионе».

Настоящий смысл деятельности Даллеса в Берне отчетливо проступает в следующем пассаже телеграммы: «Главной причиной нерешительности антинацистских и антифашистских элементов, как в оккупированной так и не в оккупированной Европе, предоставить полную поддержку Объединенным нациям является их боязнь перед коммунизмом. Они чувствуют, что Америка слишком далеко, а Британия слишком слаба, чтобы помешать Советам использовать социальный хаос после войны в Европе и навязать Европе свой тип доминирования. Народы не видят много выгоды от того, чтобы сменить нацизм на коммунизм. Любое доказательство достижения взаимопонимания с Россией по данному вопросу, которое мы сможем предоставить, и любое проявление решительности Соединенных Штатов... чтобы добиться упорядоченного и свободного развития в Европе, очень сильно укрепит нас в ведении психологической войны»^[88].

В своей телеграмме 278 «Виктору» от 13 января 1943 года со ссылкой на близкого к Антонеску румынского «промышленника» Даллес был вынужден признать огромное значение советского зимнего наступления. Разгром вермахта и его союзников под Сталинградом, Воронежем и на Дону, к радости Даллеса, побудил «круги стран Оси» «активно искать контактов с нами». На него вышел источник 476 (он же 474)^[89], имевший связи с окружением бывшего министра экономики Германии Шахта. Шахт и ему подобные опять доводили до американцев мысль, что они готовы устранить Гитлера, если союзники не предъявят Германии слишком унижительных условий мира. В телеграмме Даллес пугал Донована явно бредовой теорией о том, что если Гитлеру не предоставить нормальных условий мира, то он «обратится к большевизму». Правда, осторожный Даллес в телеграмме выражал сомнение, существует ли в Германии вообще организованное движение Сопrotивления.

Немецкое националистическое Сопrotивление через Даллеса пыталось переубедить Рузвельта и Черчилля и заставить Запад снять требование о безоговорочной капитуляции Германии. Первым из Берлина прибыл дипломат старинного дворянского происхождения Адам фон Тротт цу Зольц. Он ранее познакомился с Донованом, и у них установились хорошие отношения. Ведь Адам был «свой» — богатый человек из хорошей семьи и стипендиат престижного университета Родса с прекрасными связями среди выпускников Оксфорда. Его отец был министром по делам культа Пруссии, а отец матери фон Тротта был прусским послом в Санкт-Петербурге. Бабушка по матери, американка,

происходила из семьи Джона Джея, одного из отцов-основателей США, назначенного Вашингтоном первым председателем Верховного суда США.

Фон Тротт был убежденным противником войны Германии с англосаксами и еще в июне 1939 года вел в Лондоне тайные переговоры со Стаффордом Криппсом, будущим послом Великобритании в Москве. Вернувшись в Берлин, фон Тротт составил докладную записку на имя Гитлера, предупреждая его, что нападение Германии на Польшу приведет к вступлению в войну Великобритании.

В декабре 1939 года, несмотря на начало войны, фон Тротт выехал в США, где работал научным сотрудником Института тихоокеанских отношений. ФБР, естественно, заподозрило немца в том, что он нацистский шпион, но по результатам плотной слежки пришло к выводу, что фон Тротт, напротив, хочет свергнуть Гитлера. Фон Тротту предлагали остаться в США, но он предпочел активную борьбу против нацизма у себя на родине. В 1940 году через Японию, Китай и СССР фон Тротт вернулся в Берлин и благодаря своим обширным семейным связям 1 июля 1940 года стал сотрудником Информационного отдела МИД Германии. Он отвечал за пропаганду и контрпропаганду на США, Великобританию и Дальний Восток. Фон Тротт продолжал свою оппозиционную деятельность, и для маскировки в июне 1940 года вступил в НСДАП (в МИД Германии членов партии было не так много).

С июня 1941 года фон Тротт отвечал только за Восточную Азию и за Индию, где немцы пытались организовать повстанческое движение местных националистов против англичан. В 1943 году за активную работу с председателем партии Индийский национальный конгресс (ИНК) Субхас Чандра Босом^[90] фон Тротта повысили до советника МИД.

По делам МИД фон Тротт ездил в Швецию, Швейцарию, Турцию и Нидерланды, где пытался наладить связи с англичанами от имени немецкого националистического Сопротивления. В Швейцарии он имел контакты с генеральным секретарем находившегося в процессе становления Экуменического совета церквей Вилемом Адольфом Виссером т'Хоофтом. Еще в мае 1942 года т'Хоофт передал в Англии Криппсу меморандум фон Тротта о возможных условиях мира западных союзников с Германией. Криппс довел бумагу до сведения Черчилля, и тот счел ее «обнадеживающей». Тем не менее ответа не последовало. Британский премьер строго проводил политику «абсолютного молчания» по отношению к любым попыткам германских оппозиционных кругов наладить связь с Западом. Англичане (и не без оснований) опасались, что в немецком некоммунистическом Сопротивлении есть агенты гестапо и СД.

В марте 1943 года офицеры штаба группы армий «Центр» подложили бомбу в самолет Гитлера, возвращавшегося из Смоленска в свою Ставку «Волчье логово». Но взрыватель замерз в полете и не сработал. Тем не менее группа офицеров, среди которых к осени 1943 года самое активное и фактически лидирующее положение занял полковник фон Штауффенберг, продолжала готовить покушение на «фюрера».

Интересно, что, как и фон Тротт, фон Штауффенберг активно работал с коллаборационистами. Именно он принадлежал к числу активных сторонников использования Власова для борьбы против СССР.

Показательно, что Даллес встретиться с фон Троттом отказался. Но один из информаторов УСС в академических кругах, профессор Раппард, в Женеве быстро свел фон Тротта с Геверницем. Тот передал Даллесу главное послание эмиссара из Германии — декларация о безоговорочной капитуляции является тяжелейшим ударом по немецкому некоммунистическому Сопротивлению и ее надо бы отменить.

Даллес, по всей видимости, сообщил Donovanу взгляды фон Тротта в своей телеграмме 314 от 14 января 1943 года. В ней говорилось, что немецкая оппозиция разочарована нежеланием западных держав установить с ней постоянный контакт и может прекратить свою деятельность. Если так будет продолжаться, то дойдет до «братания» между русским и немецким народами (но не правительствами). Оба народа много страдали и порвали с «буржуазным образом жизни». Они постепенно возвращаются к христианским традициям. «Немцы не ненавидят русских солдат, наоборот, они их уважают». Дальше Даллес транслировал уж совсем дикий прогноз, что и Германия и Россия стоят на пороге социальной революции. Они вот-вот свергнут свои режимы и объединятся для построения новой Европы. Интересно, что такую же мысль о заговоре как в Москве, так и в Берлине со стороны военных шеф СД Гейдрих пробросил Сталину через Прагу в 1936 году, что привело к массовым репрессиям в Красной армии.

Но и эту телеграмму «Виктору» Даллес подытожил своим мнением, что не видит в Германии серьезного оппозиционного движения. Воистину «мистер Бернс» был мастером перестраховки.

23 января 1943 года, опять-таки со ссылкой на военные успехи русских (теперь «мистер Бернс» уже именовал их «катастрофой немцев на восточном фронте»), Даллес предлагал Donovanу дать Германии некие «гарантии» на случай ее выхода из войны:

— будущее немцев будет в их руках и им дадут «почетный мир» и место «в международной семье народов»;

— само по себе членство в НСДАП не будет означать в послевоенной Германии обвинение человека и его преследование;

— процедура денацификации должна быть справедливой и прозрачной.

В целом Даллес считал, что настал подходящий момент для «разделения» нацистского руководства и немецкого народа^[91].

В июне 1944 год фон Тротт выехал в Стокгольм, где он встретился с молодым социалистом-эмигрантом Вилли Брандтом, проинформировал того о готовящемся перевороте в Германии и попросил будущего канцлера ФРГ «предоставить себя в распоряжение» нового германского правительства^[92].

Между тем главный контакт Даллеса среди немецкого Сопротивления, Гизевиус, в июле 1944 года уехал в Германию, чтобы принять участие в военном перевороте против Гитлера («план Валькирия»). При этом он уговаривал Даллеса высадить американские войска в Бремене и Гамбурге, так как командующий вермахтом на Западе фельдмаршал Роммель якобы тоже среди заговорщиков. Смыслом всего заговора было отнюдь не устранение Гитлера, а недопущение в Германию Красной армии и предотвращение захвата власти немецкими коммунистами после неминуемого поражения Германии в войне. Гизевиус хотел «открыть англо-американским войскам дорогу в Германию, прежде чем рухнет Восточный фронт».

После провала заговора Гизевиус скрывался в Берлине и в январе 1945 года с паспортом на имя Карла Дайхмана (служившего в ОКВ) смог выехать в Швейцарию. Документы Гизевиусу в Берлин смогло передать УСС. Швейцарцы не без содействия Даллеса предоставили ему политическое убежище. УСС «подработало» паспорт, и Гизевиус смог уехать в Испанию.

С помощью Геверница и Гизевиуса Даллес еще в 1943 году стал нащупывать пути возможного сепаратного мира западных союзников с Германией. Целью было сохранение крупного германского бизнеса, в свое время приведшего нацистов к власти и справедливо опасавшегося расплаты после неминуемого краха Третьего рейха.

В Берне Даллес еще в феврале 1943 года встретился с князем Гогенлоэ, выступавшим от имени германских промышленников и правых социал-демократов. Обсуждались вопросы возможных путей завершения войны и послевоенного устройства Германии и Европы в целом. Речь шла о том, что Германия может согласиться на мир, если западные державы не допустят

советской оккупации Германии. В заметках немецких участников этих встреч отмечалось, что «...американцы... знать не хотят о большевизме или панславизме в Центральной Европе и в противоположность англичанам ни в коем случае не хотят видеть русских на Дарданеллах и в нефтяных областях Румынии или Малой Азии».

По свидетельству бывшего сотрудника VI управления РСХА (СД-Заграница)^[93] Хайнца Фельфе (впоследствии сотрудника западногерманской разведки БНД и агента советской разведки), «тайная враждебность западных держав по отношению к Советскому Союзу не была, конечно, новостью».

Фельфе вспоминал, что СД удалось в 1943 году внедрить в ближайшее окружение Даллеса своего агента под псевдонимом «Габриэль». По сообщениям «Габриэля», Даллес был уверен, что следующая мировая война произойдет между США и СССР, а от того, как завершится война с Германией, будет зависеть, в каком состоянии выйдет из этой войны Советский Союз. Переговоры с любой сколько-нибудь серьезной оппозицией в Германии Даллес рассматривал, как средство установить в послегитлеровской Германии выгодный для США режим. Во всяком случае, сам факт таких переговоров, по мнению Даллеса в изложении «Габриэля», мог бы послужить для немецкой оппозиции стимулом к активным действиям. Договоренность же между союзниками не вступать в переговоры с немцами Даллес считал скорее мерой психологического давления на германское руководство.

Следует отметить, что госдепартамент США с самого начал крайне нервно и подозрительно относился к контактам Даллеса с немецким Сопротивлением^[94]. В госдепе совершенно верно предполагали, что немцы, устранив Гитлера, попытаются добиться отмены принципа безоговорочной капитуляции и даже сохранить некоторые завоевания Третьего рейха (например, Австрию). Любое согласие на такой вариант подорвало бы отношения США с союзниками, прежде всего, с Москвой. Донован получил из госдепартамента строгое требование немедленно сообщать обо всех контактах сотрудников УСС с врагом.

Этот демарш госдепа был более чем своевременным. Помимо Гизевиуса в 1943 году у Даллеса побывали уже агенты абвера Теодор Штрюнк и Эдуард Вэтьен, упоминавшийся выше дипломат фон Тротт, промышленник Эдуард Шульте. Кроме того, Даллес и Геверниц поддерживали контакты с немецкими эмигрантами в Швейцарии, утверждавшими, что у них есть связь с оппозицией на родине. Речь идет о

видных деятелях СДПГ Отто Брауне и Вильгельме Хегнере^[95], а также о бывшем канцлере периода Веймарской республики Йозефе Вирте^[96].

Военная разведка (не забудем, что УСС формально работало на Объединенный комитет начальников штабов) имела к Даллесу претензии иного рода. Военные считали, что Даллес просто зря «ест хлеб» и вся его информация с точки зрения победы над Германией гроша ломаного не стоит.

29 апреля 1943 года Donovan прислал «мистеру Бернсу» весьма нелестную оценку его трудов со стороны американских военных: «Меня попросили сообщить Вам, что “все новости из Берна в эти дни снижаются в их полезности военным министерством на 100 %”. Мне говорят, что Швейцария — идеальное место для дезинформации и подставных агентов, тенденциозной информации и попыток мирных переговоров... Как нам предписывает долг, мы переправляем Вам эту информацию. Однако мы подтверждаем свое удовлетворение тем, что через Вас нам поступают сведения из Швейцарии, и мы полностью верим в Вашу способность отличать хорошие разведданные от плохих»^[97].

Армейское командование в Вашингтоне было абсолютно право насчет крайне незначительной ценности сведений Даллеса с точки зрения военных планов Германии. Но тут «мистеру Бернсу» несказанно повезло. На него вышел человек, которого на Западе считают самым ценным агентом союзников в Германии за все годы войны.

Фритц Кольбе родился в 1900 году в Берлине и не принадлежал к столь любимым Даллесом «сливкам общества» — его отец был обычным ремесленником (он делал седла), да к тому же еще и членом социал-демократической партии. Материальное положение родителей не позволило Кольбе окончить гимназию, и он позднее сдал на аттестат зрелости экстерном, работая на железной дороге.

С точки зрения мировоззрения определяющее влияние на Кольбе оказало молодежное движение «Wandervögel» («Перелетные птицы»). Его члены (в основном молодые люди среднего достатка) выступали против авторитарной системы ценностей того времени. Протестовали «перелетные птицы» и против засилья материальных ценностей в ущерб моральным. Правда, выход из положения движение видело не в политической борьбе, а в обращении к природе, для чего организовывало различного рода вылазки в лес и горы (отсюда название). «Птицы» увлекались народными традициями, славной германской историей и видели в далеком прошлом (времена Нибелунгов) потерянный «золотой век» германской нации.

Кольбе в 1917–1918 годах служил телеграфистом в кайзеровской армии, и Первая мировая война произвела на него ужасное впечатление, как бессмысленное самопожертвование романтической молодежи, преисполненной как раз героическими идеалами германской истории.

После поражения Германии «перелетные птицы» опять обратились к природе и спорту, проклиная в то же время Веймарскую республику как «негерманское государство», навязанное победителями. В этом они ничем не отличались от НСДАП. Не случайно, что целые организации «птиц» со временем перешли к нацистам. Но как раз группа Кольбе оказалась антинацистской и не раз сталкивалась с местной организацией СА в борьбе за влияние на молодежь. Для Кольбе нацисты были лжецами без настоящего патриотического мировоззрения.

Будущий легендарный разведчик всего добивался сам и смог в 1925 году поступить на работу в МИД Германии, поначалу на техническую должность. В 1925–1936 годах он работал в Мадриде. В 1933 году Кольбе дорос до низовой должности консульского секретаря—ведь в отличие от фон Тротта у него не было ни дворянских корней, ни связей с «денежными мешками» вроде Тиссена. Но именно потому, что Кольбе происходил из низов и привык много работать, чтобы добиваться результата, он был в отличие от болтунов из офицерско-чиновничьей немецкой оппозиции человеком дела.

Приход нацистов к власти заставил Кольбе, как и многих его коллег, соблюдать внешнюю лояльность, чтобы остаться на госслужбе. Для НСДАП этого было вполне достаточно. Тем не менее Кольбе отказался вступить в НСДАП, хотя это сделали все его коллеги по консульству. В 1935 году с ним провели длительную беседу относительно его мировоззрения, но Кольбе притворился дурачком, и его оставили в покое как «безнадежный случай».

Когда после мятежа Франко Германия прервала отношения с Испанской республикой, немецкое посольство, покидая Испанию через Барселону, забыло характеристику Кольбе. Ее напечатали республиканские газеты. В документе отмечался «хороший характер» Кольбе, но из-за контактов с «марксистами и евреями» его сочли недостойным для членства в НСДАП.

После Мадрида Кольбе два месяца отработал в посольстве в Варшаве, но вынужден был вернуться в Берлин из-за проблем со здоровьем его жены. В 1936 году супруга умерла, оставив мужу сына.

В 1937–1939 годах Кольбе, уже в дипломатической должности вице-консула, работал в немецком консульстве в Кейптауне, но после начала

войны был вынужден вернуться в Германию, так как Южная Африка также объявила войну рейху. Его вторая жена (гражданка Швейцарии) осталась в Южной Африке пережить военную бурю в Европе. Кольбе уже добивался развода с ней. Сына он тоже оставил в Южной Африке на попечение человека, который вел его хозяйство.

На всякий случай Кольбе прихватил с собой помимо немецкого чешский и «нансеновский»^[98] паспорта, а также пистолет — он не исключал, что может «исчезнуть» по дороге в Германию.

Приехав в Берлин, Кольбе вновь отказался вступить в НСДАП, и это закрыло ему дорогу в германское консульство в Ставангере (Норвегия). Тем не менее Кольбе ценили в МИД как хорошего исполнителя и «трудоголика» и летом 1941 года он попал в секретариат посла по особым поручениям Карла Риттера^[99], отвечавшего за связь между МИД и Верховным командованием вермахта.

Таким образом, чиновник небольшого ранга получил прямой доступ к секретным военным документам. Риттер получал бумаги для Риббентропа от начальника оперативного управления Генерального штаба вермахта генерала Йодля и его заместителя генерал-майора Варлимонта. Заметим, что сам Риттер в присутствии Кольбе неодобрительно отзывался о Гитлере. Впрочем, такое фрондерское брюзжание без всяких конкретных действий было характерно не только для МИД^[100], но даже и для высших военных кругов Германии.

В обязанности Кольбе входило просматривать все входящие телеграммы от подразделений МИД Германии по всему миру и отбирать для Риттера самые важные. Каждый день на рабочий стол прилежного чиновника ложилось от 18 до 120 телеграмм. Кроме того, он отбирал для Риттера наиболее важные записи бесед сотрудников МИД с иностранными дипломатами в Берлине. И наконец, он просматривал иностранную прессу и отбирал для Риттера наиболее важные статьи.

Еще важнее было то, что именно Кольбе отвечал за уничтожение секретных и совершенно секретных материалов в офисе Риттера.

Сам Кольбе считал «комедией», что, несмотря на его неоднократный отказ вступить в НСДАП, ему доверили самые секретные материалы МИД. Мало того, Кольбе довольно свободно обсуждал со многими коллегами в МИД, как быстрее вывести Германию из войны. Он насчитал в родном министерстве примерно 80 сторонников оппозиции. Одной из «оппозиционерок» была сподвижница Кольбе по «перелетным птицам» Мария фон Хаймердингер, работавшая в курьерской службе МИД.

Итак, Кольбе был против Гитлера по принципиальным политическим соображениям. Типичный одиночка, он постоянным разговорам о сопротивлении предпочитал прямое действие. Готовый к риску, Кольбе этот риск, тем не менее, старался спланировать заранее.

Бывшие друзья Кольбе по «перелетным птицам» были настроены против нацизма, но считали открытое сопротивление самоубийством. Они собирались по выходным, якобы для занятий спортом, и писали печатными буквами антинацистские листовки. Потом во время «спортивных прогулок» листовки оставляли в магазинах, на почте или в банке — там, где их могли прочитать много людей. Кольбе и его друзья были людьми осмотрительными — листовки оставляли в перчатках (чтобы не дать в руки полиции отпечатки пальцев) и каждый раз в разных районах Берлина. И все же нескольких «птиц» вычислили и отправили в концлагерь.

Кольбе хотел бежать из Германии, например, тайно перейти швейцарскую границу. Он посоветовался с прелатом Георгом Шрайбером, видным деятелем распущенной нацистами католической партии Центра в Баварии. Шрайбер порекомендовал Кольбе оставаться в Германии и продолжать борьбу. Прелат формально освободил Кольбе от уз присяги Гитлеру, что для католика Кольбе было важным делом.

Кольбе приобрел в МИДе репутацию «чудака», и ему прощали откровенные высказывания. Например, в присутствии члена НСДАП он назвал Муссолини «свиньей». Но именно такая открытость Кольбе и успокаивала нацистов в германском МИД — враг ведь не станет афишировать свою позицию.

Еще во второй половине 1941 года, перед объявлением Германией войны США, Кольбе сделал попытку выйти на американцев в Берлине через католические круги. Но тут японцы напали на Перл-Харбор, и посольству США пришлось покинуть Германию. Кольбе решил проситься на работу за границу.

Весной 1942 года Кольбе рассудил, что надо как-то выехать в Швейцарию и выйти на контакт с западными державами там. Швейцарию он знал, и у него там были друзья. Сначала он просто попросил начальство отпустить его в короткий отпуск в Швейцарию или Италию (вторую страну он указал для отвода глаз) покататься на лыжах. В просьбе было предсказуемо отказано — во время войны отдыхать не время.

В то время Кольбе был помолвлен с секретаршей известного берлинского хирурга профессора Фердинанда Зауэрбруха. Тот поначалу слыл активным нацистом и делал операции Геббельсу и самому Гитлеру. Но после разгрома немцев под Москвой Зауэрбрух стал оппозиционером,

так как уже не верил в победу Германии. Профессор часто ездил в Швейцарию для участия в различных медицинских конгрессах. Среди коллег в Швейцарии Зауэрбрух приобрел устойчивую репутацию критика нацистского режима.

Осенью 1942 года Зауэрбрух принял на работу молодого эльзасца Адольфа Юнга, и Кольбе убедил его помочь движению Сопротивления в его родной Франции. В офисе Юнга Кольбе хранил вынесенные из МИД секретные документы. Юнг иногда ездил в Страсбург и там через друзей передавал сведения Кольбе французскому движению Сопротивления. Через Юнга Кольбе смог предупредить несколько французов о планах их ареста гестапо (имена подлежащих аресту французов иногда сообщал в МИД посол Германии при вишистском режиме Отто Абетц).

После разгрома немцев под Сталинградом Кольбе стал отмечать, что его шеф Риттер прекратил высказывать нацистские взгляды и всерьез задумался о том, что его ждет после проигранной войны (как оказалось, эти думы мучали Риттера не зря).

Весной 1943 года Кольбе опять обратился с просьбой дать ему короткий отпуск в Швейцарии. На сей раз он мотивировал ходатайство тем, что хочет наконец развестись со старой женой-швейцаркой, а для этого ему надо найти швейцарского адвоката. Ему ответили, что развод подождет. Тогда Кольбе предложил себя на роль курьера, перевозившего в Швейцарию дипломатическую почту. Ему опять отказали — этим делом есть кому заниматься^[101].

Поразительно, но такая настойчивость Кольбе не вызвала никакого подозрения.

Сначала настойчивый Кольбе решил выйти на англичан. Из телеграмм немецкого посольства в Стокгольме он узнал, что в Великобритании работает немецкий шпион, передающий в шведскую столицу прогнозы погоды на Британских островах (это было важно для определения времени возможных налетов англо-американской авиации на Германию) и данные о производстве самолетов в Англии. Кольбе передал эту информацию Юнгу, тот — своим друзьям в Эльзасе, а те через Париж вышли на английскую разведку. Британцы поначалу отнеслись к полученным сведениям настороженно, но сам характер информации убедил их, что здесь нет подвоха. Они смогли выйти на след немецкого агента и арестовать его.

Лето 1943 года ознаменовалось серьезными поражениями Германии, как военными, так и политическими. Впервые провалилось летнее наступление вермахта (Курская дуга), причем не помогли и новейшие (действительно отличные) танки «звериной» серии. В июле был смещен со

своей должности верный союзник Гитлера Муссолини, и выход Италии из войны стал вопросом самого ближайшего времени.

В это время Кольбе смог установить контакт с группой полковника фон Штауффенберга. Штауффенберг пережил разгром немецких войск в Северной Африке, был тяжело ранен 7 апреля 1943 года и находился на лечении в Мюнхене под общим присмотром профессора Зауэрбруха. Именно в госпитале фон Штауффенберг принял решение добиться свержения Гитлера, чтобы закончить войну на более или менее приемлемых условиях. Однако пока вся некоммунистическая немецкая оппозиция лишь строила прожекты на будущее и не прибегала к активным действиям.

Кольбе в реальность свержения Гитлера не верил. Равно как и не верил он в то, что любому немецкому правительству удастся посорить западных союзников с Россией (именно на это рассчитывали Штауффенберг и его сторонники). Самый быстрый путь к окончанию войны Кольбе видел только в скорейшем военном поражении Германии. А для этого он горел желанием снабжать союзников секретной информацией.

В августе 1943 года Кольбе обратился к своей бывшей соратнице по «перелетным птицам» Марии фон Хаймердингер, заместителю руководителя отдела курьерской связи МИД. Он сказал, что ему срочно надо выехать в Швейцарию по делам бизнеса своих друзей, и попросил направить его туда с курьерской миссией. На сей раз начальство не возражало, и 15 августа 1943 года Кольбе выехал из Берлина в Берн. Пачка совершенно секретных документов была привязана к ноге, но гестапо и не подумало обыскивать собственного дипломатического курьера.

Прибыв в Берн, Кольбе поселился в отеле «Терминус» на вокзальной площади и позвонил из телефонной будки Эрнсту Кохенталеру. Кохенталер был немецким евреем, бизнесменом и с 20-х годов жил в Мадриде, где с ним и познакомился Кольбе. Среди деловых интересов Кохенталера в 30-е годы был импорт советской нефти в Испанию. После победы Франко в гражданской войне его арестовали за «связи с русскими». Затем, выйдя из франкистской тюрьмы, Кохенталер уехал в Швейцарию, где женился на гражданке этой страны. Этот человек всегда ненавидел нацизм и с готовностью откликнулся на просьбу своего давнего друга Кольбе помочь наладить контакт с западными союзниками. Кольбе дал ему пару секретных документов, и Кохенталер отправился к англичанам.

17 августа 1943 года в британское посольство в Берне вошел немец и попросил о встрече с военным атташе. Резидент британской разведки в Швейцарии полковник Клод Данси был человеком очень осторожным и

за любым посетителем из рейха видел агента гестапо, абвера или СД. Поэтому он дал указание всем сотрудникам разведки относиться к любому немцу с максимальным недоверием. Так и произошло. На предложение неизвестного посетителя организовать встречу с очень ценным источником сведений британский военный атташе полковник Картрайт без обиняков ответил: «Я вам не верю, и если даже вы говорите правду, то вы хам».

В этот же день Картрайт встретил Даллеса на одном из светских раутов и предупредил, что таинственный гость может заявиться и в его «контору». Так и произошло — немец пришел в американское посольство на следующее утро. Там он вытащил из кармана три страницы машинописного текста — основное содержание совершенно секретных документов МИД Германии. Источник этих сведений находится в Берне и готов сам выйти на контакт с американской разведкой. О госте немедленно доложили Даллесу, который предположил три варианта развития событий:

— речь идет о немецком агенте, который надеется, что УСС немедленно передаст полный текст его сообщения в Вашингтон, и это позволит немцам «взломать» американский шифр;

— возможна провокация швейцарцев, чтобы добиться выдворения резидента УСС из страны;

— счастливый случай, когда появился ценнейший агент-инициативник.

Даллес решил, что надо попытать счастья, и встретился с таинственным немцем в тот же день вечером. Два немца были представлены «мистеру Дугласу», после чего они разложили на кофейном столике пачки бумаг со свастикой (всего 186 документов). Это был ответ на вопрос Даллеса, не являются ли они провокаторами. Кольбе описал свое положение в МИД и подчеркнул, что он одинаково ненавидит нацизм и большевизм. Немцы подчеркнули, что деньги им не нужны, — они лишь просят, чтобы после войны их не подвергали никаким политическим преследованиям.

«Дуглас» и Кольбе проговорили до трех часов ночи. Немец обещал приехать с очередной курьерской миссией и с очередной порцией совершенно секретных документов через два месяца.

Когда Даллес стал изучать документы, он был на седьмом небе от так неожиданно свалившейся на него удачи. Среди привезенных Кольбе материалов были записи бесед Риббентропа, точные места встреч в океане немецких и японских подлодок, сведения о немецкой агентуре в Мозамбике и многое другое^[102]. Кольбе подсказал также точное место расположения завода «Телефункен», который делал приборы по обнаружению

подлетающих самолетов на дальнем расстоянии. На карте Кольбе показал также примерное расположение Ставки Гитлера в Восточной Пруссии. Немец сообщил точное число немецких дивизий в Италии и Греции.

Кольбе предложил Даллесу высадить американских парашютистов прямо в центре Германии, рядом с концентрационными лагерями и лагерями иностранных рабочих. Тем самым можно поднять мощное восстание прямо в сердце рейха.

Теперь Даллес окончательно поверил визитеру, назвал себя и предложил в следующий раз встретиться уже в своем особняке после объявления комендантского часа. Новому агенту американской разведки был присвоен псевдоним «Джордж Вуд» (он же «Георг Винтер»).

Для связи Даллес нашел Кольбе «швейцарскую подругу» Эмми. Если шеф резидентуры УСС в Берне очень захотел бы видеть Кольбе, то Эмми послала бы ему открытку: «Соскучилась. Жду». Была разработана и целая система выражения пожеланий американской стороны в плане нужной информации. Например, если от Кольбе требовались сведения по Японии, то Эмми в открытке просила возлюбленного привезти ей японские игрушки^[103].

Правда, после возвращения в Берлин Кольбе пришлось объясняться в службе безопасности МИД, почему он отсутствовал в своем отеле целую ночь. Его история о том, что он очень соскучился по женскому обществу, видимо, встретила полное понимание — по крайней мере никакой слежки за собой «Вуд» не чувствовал. Предусмотрительный Кольбе запасся еще и справкой от швейцарского врача — мол, после бурной ночи он на всякий случай прошел обследование у венеролога.

В декабре 1943 года (во время своего третьего визита в Швейцарию) Кольбе сообщил Даллесу, что в британском посольстве в Анкаре работает агент германской разведки «Цицерон». Англичане смогли быстро нейтрализовать его деятельность.

В марте 1944 года Кольбе получил открытку от Эмми: «Дорогой друг! Ты, наверное, помнишь моего маленького сына. У него скоро день рождения, и я хотела бы купить ему эти прекрасные маленькие японские игрушки, которых раньше было полно в здешних магазинах, но теперь они пропали. Может быть, они еще остались в Берлине?» Кольбе все понял и через пару недель на Пасху привез в Берн массу информации об отношениях Германии и Японии. Среди материалов была даже микропленка с боевым расписанием японского императорского флота.

Всего до мая 1945 года «Вуд» пять раз приезжал в Берн и привез Даллесу примерно 1600 секретных документов. Иногда документы были

очень свежими — один был датирован за четыре дня до того, как Даллес держал его в своих руках. Агента берегли — Даллес присвоил ему сразу два номера — 674 и 805, которые регулярно менялись, чтобы сбить с толку возможных немецких дешифровщиков.

Правда, в Вашингтоне очень долго не доверяли материалам «Вуда» и даже подозревали в нем двойного агента. Например, 25 января 1944 года Даллес получил из штаб-квартиры УСС следующую телеграмму: «Мы считаем очень важным немедленно довести до Вас информацию о том, что почти весь последний материал (речь шла о сведениях, доставленных Кольбе в декабре 1943 года. — *Примечание автора*) противоречит сведениям, полученным нами из других различных источников, а частично он уже сильно устарел... Информация из других нейтральных стран дает основания предполагать... что вражеская разведка отдала приказ активно работать против нашей разведывательной деятельности. Эта возможность, кажется, стыкуется с неожиданным снижением качества Вашей информации, которой был присвоен самый низкий рейтинг по сравнению с другими источниками...»^[104]

Бывший британский коллега Даллеса в Берне Данси (переведенный с повышением в Лондон) без обиняков считал незадачливого американца жертвой прямой дезинформации немцев. Американское военное руководство и англичане едва не отдали приказ Даллесу прекратить контакты с Кольбе, но Лондон убедил в ценности материалов «Вуда» молодой сотрудник офиса Данси Ким Филби, уже тогда работавший на советскую разведку. Филби послал часть полученной от Кольбе германской дипломатической переписки эксперту по дешифровке британских ВМС Александру Деннисону, и тот пришел в полный восторг: материалы Кольбе полностью совпадали с некоторыми дешифрованными на тот момент англичанами немецкими телеграммами.

Таким образом, Филби «реабилитировал» Даллеса, а заодно и обеспечил Москву ценными сведениями из Берлина.

В Вашингтоне, однако, все равно считали, что немцы через Кольбе подсовывают «дезу», хотя и разбавляют ее ради большей правдоподобности правдивыми сведениями.

В январе 1944 года Даллес впервые проинформировал Вашингтон о том, что в Германии оформилась оппозиционная группа (Даллес присвоил ей наименование «Взломщики»), которая готова свергнуть Гитлера. Примечательно, что свои контакты с группой (через Гизевиуса) Даллес скрывал даже от англичан. В Лондоне по-прежнему полагали, что никакого серьезного оппозиционного движения в Германии нет.

Интересно, что Даллес приукрашивал в своих донесениях в Вашингтон истинное лицо правой германской оппозиции Гитлеру. Это якобы «...хорошо образованные и либеральные люди... у них нет правых политических тенденций и они уверены в том, что будущее правительство (Германии) должно быть поистине левым»^[105]. Между тем главные связные Даллеса с «взломщиками» Гизевиус и еще один сотрудник абвера Эдуард фон Вэтьен никакими либералами, а уж тем более «левыми», никак не являлись. Гитлера пытались устранить немецкие националисты авторитарного толка с тем, чтобы помириться с Западом и с удвоенной силой навалиться на «большевиков».

Сам Даллес прекрасно понимал, что его сепаратные контакты с немцами никак не могли бы понравиться Москве, да и принципу полной и безоговорочной капитуляции Германии они явно противоречили. Однако резидент УСС в Берне в своей шифровке от 15 февраля 1944 года прямо апеллировал к Рузвельту, сообщая о конфликте между вермахтом и СС, который может вызвать военный переворот в Германии.

В апреле 1944 года Гизевиус и фон Вэтьен^[106] передали Даллесу послание руководителей заговора — бывшего обер-бургомистра Лейпцига Карла-Фридриха Герделера и генерал-полковника Людвиг Бека (до 1938 года — начальника Генерального штаба вермахта).

Примечательно, что убежденный прусский националист Герделер приветствовал приход НСДАП к власти, но в партию вступать не стал, посчитав это ниже своего достоинства (типичная точка зрения немецкого дворянства и высшего класса того периода). В 1934–1935 годах Герделер занимал пост имперского комиссара по контролю над ценами. В 1936 году он подал в отставку с поста обер-бургомистра Лейпцига, но получал хорошую пенсию и без проблем ездил за границу. Во время своего пребывания в США в 1938 году он составил своего рода политическое завещание, в котором этот «либерал» резко критиковал «новый курс» Рузвельта и выступал за создание «оси Берлин — Вашингтон — Лондон». Уже после начала Второй мировой войны Герделер считал, что мир должен дать Германии границы 1914 года на востоке (то есть часть Польши), колонии, золото и доступ к сырью.

Следует подчеркнуть, что хотя гестапо прекрасно знало о регулярных встречах Герделера с единомышленниками-националистами из «высшего общества», оно их не трогало именно потому, что не считало их реальными оппозиционерами.

Получив через Гизевиуса послание от Герделера и Бека, Даллес

присвоил им псевдонимы «Лестер» и «Таки» и сообщил в Вашингтон 7 апреля 1944 года: «Оппозиционная группа во главе с “Таки” и “Лестером” говорит, что в данный критический момент они хотят и готовы начать акцию по отстранению нацистов от власти и ликвидировать фюрера. Их группа — единственная, имеющая личный доступ к Гитлеру и другим нацистским лидерам, и у них достаточно оружия, чтобы добиться своих целей»^[107].

От Запада «взломщики» требовали гарантий прямых переговоров с германским правительством, которое возникнет после устранения Гитлера. Герделер и Бек и не скрывали, что хотят получить от англичан и американцев свободу рук для продолжения войны против СССР. Даллес передал все это в Вашингтон, прекрасно сознавая, что это явный отход от принципа полной и безоговорочной капитуляции и предательство в отношении советского союзника: «Главным мотивом их акции является ярое желание не допустить, чтобы Центральная Европа идеологически и фактически перешла под контроль России. Они убеждены, что в этом случае христианская культура и демократия, и все, что с этим связано, исчезнут в Европе и что нынешняя диктатура нацистов будет заменена новой диктатурой»^[108].

Даллес передал в Вашингтон имена лидеров заговора, сообщив, что они готовы открыть западный фронт и дать возможность британским и американским войскам оккупировать Германию. Донован довел до сведения Рузвельта в начале 1944 года, что «...участники заговора объединены предпочтением западной, а не восточной ориентации Германии. В целом они характеризуются их эмиссарами как хорошо образованные и влиятельные, но не как люди с правыми взглядами; такая характеристика делает их предрасположенными к восприятию англосаксонских взглядов. Группа в целом, видимо, поддерживает свои зарубежные контакты через организацию Канариса (абвер)»^[109].

В Вашингтоне, однако, так и не дали добро на официальные контакты Даллеса со «взломщиками».

В начале июля 1944 года в Швейцарию прибыл курьер абвера капитан Теодор Штрюнк (знакомый Гизевиуса), сообщивший о планах фон Штауффенберга ликвидировать Гитлера в ближайшее время. Даллес передал об этом по радиотелефону в Вашингтон, хотя и без указания подробностей. Штауффенберг хотел убить Гитлера сначала 11-го, затем 16 июля. Однако в первый раз на совещании не было Гимmlера, а во второй — Гитлера, Гимmlера и Геринга.

Между тем Даллес сообщил Доновану 12 июля, что в Германии могут произойти неожиданные события и что Гизевиус возвращается «на север» для участия в них. Даллес почти требовал от Вашингтона показать немецкой оппозиции готовность сесть с ней за стол переговоров в случае успеха заговора. Причем самостоятельно ли, или со ссылкой на заговорщиков Даллес переправил в Вашингтон явную дезинформацию. Мол, если не устранить Гитлера, то контрпереворот произведет Гиммлер, склонный немедленно договориться с Москвой.

Что касается заговора, сообщал Рузвельту Донован со ссылкой на Даллеса: «Такая акция зависит от заверений со стороны Британии и Соединенных Штатов, что если нацисты будут свергнуты, переговоры начнутся только с западными державами, но ни при каких условиях не с СССР. Подчеркивается явный консерватизм руководителей группы (заговорщиков), равно как и их готовность сотрудничать с любыми элементами, кроме коммунистов. Группа подчеркивает свою решимость не допустить перехода Центральной Европы под советское доминирование»^[110].

Рузвельт, однако, занял на первый взгляд довольно странную позицию в отношении возможного покушения на Гитлера — он считал, что убивать глав государств (даже таких) «недостойно». Поэтому никакие органы США в заговоре участвовать не должны: «Если мы начнем убивать глав государств, то только Богу известно, где мы окажемся»^[111].

Но на самом деле Рузвельт не поддавался давлению Донована и Даллеса, прежде всего потому, что не хотел портить отношения с Москвой. Президент США прекрасно понимал, что будет означать поддержка американцами антисоветского переворота в Берлине. К тому же англичане совершенно правильно окрестили заговорщиков как так называемую оппозицию, состоящую из прусских милитаристов.

Понимая позицию Рузвельта, Донован и Даллес в начале июля 1944 года завалили президента дезинформацией о якобы шедших или планировавшихся сепаратных переговорах между Москвой и Берлином. Мол, немецкие и советские дипломаты ведут тайные переговоры в Стокгольме. Советский посол в Токио Малик едет в Москву и везет предложения японцев помириться с Германией и направить Красную армию против западных держав. К чести Рузвельта, он не поверил этим «сведениям», и Антигитлеровская коалиция была сохранена.

Пока Даллес плел в Берне паутину тайных переговоров с немецкими консерваторами и милитаристами, все внимание УСС и лично Донована

было подчинено обеспечению благоприятных условий для предстоявшей высадки союзников в Нормандии. Успех был крайне нужен «Дикому Биллу», так как к тому времени УСС не могло похвастаться особыми заслугами, а военные вообще считали эту организацию излишней.

Начиная с 1943 года вместе с англичанами УСС организовало заброску во Францию с парашютом, с подводных лодок и катеров более 375 агентов-американцев и примерно 600 французов. Группы успешно приступили к работе. Они должны были собирать информацию о передвижениях немцев, а также по кодовому сигналу непосредственно перед высадкой союзников парализовать транспортное сообщение на севере Франции. Только в последний месяц перед началом операции «Оверлорд» с парашютом во Францию спрыгнули 52 агента, семь из которых получили при приземлении серьезные ранения.

Англичане и американцы активно сбрасывали контейнеры с оружием и боеприпасами для французских партизан. Только УСС сбросило более 20 тысяч тонн грузов. Всего к моменту высадки союзников во Франции там активно работало как минимум 90 разведывательно-диверсионных групп, в каждую из которых входил оперативник УСС, сотрудник британской разведки и представитель французского движения Сопротивления.

Все это смотрелось неплохо, однако «Дикого Билла» явно не устраивал тот факт, что в целом за операции во Франции отвечали англичане, а американцы были в общем «на подхвате». Доновану же хотелось героизма и подвигов, которые можно было бы конвертировать в сохранение УСС на послевоенный период и придание разведке наконец полностью самостоятельного статуса в американском бюрократическом аппарате.

Донован решил, что ему просто необходимо высадиться во Франции вместе с передовыми частями. Практической пользы от этого не было никакой, но с точки зрения пиара могло бы и пригодиться. Сойдя на берег, Донован и его лондонский резидент Дэвид Брюс попали под огонь из немецкого пулеметного гнезда и залегли. «Дикий Билл» картинно объявил, что в плен попасть они не могут, поэтому Брюсу надо приготовить две ампулы с ядом. Но у того яда не оказалось. Тогда Донован стал искать свои ампулы и выяснил, что забыл их в лондонском отеле. «Дэвид, — приказал Донован Брюсу, — если мы выберемся отсюда живыми, пожалуйста, передайте портье в отеле, чтобы он не разрешал никому трогать медикаменты в ванной моего номера»^[112]. В отсутствие яда «Дикий Билл» распорядился, что в «случае чего» он убьет Брюса, а потом застрелится сам.

Но никакой реальной опасности не было, и уже 14 июня 1944 года

Донован докладывал в Вашингтоне Рузвельту о своих впечатлениях. Шеф УСС был вынужден признать, что союзники смогли создать в Нормандии плацдарм лишь потому, что вермахт как таковой был к тому времени уже сильно ослаблен как психологически, так и материально. И ослаблен на советско-германском фронте. У Германии, подчеркнул Донован, практически уже не было полноценных ВВС. Роль же групп УСС во Франции была крайне незначительной (хотя об этом Донован предпочел умолчать). Просто вермахту было нечего перебрасывать в Нормандию — все более или менее боеспособные дивизии Гитлера находились тогда на Украине и в Белоруссии. По самой же Франции немцы передвигались в общем беспрепятственно.

Тем не менее Донована не покидали мечты о военных лаврах героя. Он решил быть среди тех, кто освободит Париж. Правда, целых два месяца союзники никак не могли выйти за пределы нормандского плацдарма, и только разгром группы армий «Центр» в Белоруссии — крупнейшее военное поражение Германии за годы войны — дал им возможность оперативного маневра.

В августе 1944 года Донован встретился в Неаполе с Тито, который был недоволен посылкой миссии УСС к четникам Михайловича, сотрудничавшего с немцами. Во время переговоров на вилле знакомой Донована миссис Уильямс в комнату ворвалась любимая эльзасская овчарка Тито и хвостом смахнула на пол ценный кофейный сервиз. После войны миссис Уильямс выставила УСС счет за утраченную посуду и подала на разведку в суд. Кроме того, она утверждала, что оперативники «Дикого Билла» уничтожили все запасы в ее винном погребе.

15 августа 1944 года Донован был уже на американском корабле, который участвовал в высадке союзников в южной Франции (операция «Драгун»). Высадка была произведена между Тулоном и Каннами.

Операция «Драгун» является крупнейшей в истории морской десантной операцией в Средиземноморье. К моменту завершения операции в южной Франции высадились американские и французские войска численностью в 21 дивизию. После прорыва 6-й группы армий союзников с Лазурного Берега Франции и наступления 12-й и 21-й групп армий из Нормандии общая обстановка на западном фронте для вермахта складывалась неудачно, и немецкая группа армий «G» (1-я и 19-я армии) стала отступать. Остались на месте только гарнизоны в Тулоне и Марселе. 28 августа 1944 года французский 2-й корпус при поддержке партизан и кораблей американского флота освободил Тулон и Марсель. Американцы тем временем, продвигаясь на север по долине реки Роны, достигли

городов Гренобль, Валанс и Монтелимар и успешно отразили атаку немецкой 11-й танковой дивизии. Всего американцы потеряли на юге Франции убитыми чуть больше двух тысяч человек.

В целом немцы серьезного сопротивления не оказывали и поспешно отходили к своей границе. Донован потребовал для себя джип, усадил в него Хемингуэя (пиар прежде всего) и решил прорваться на Париж. Хемингуэй тоже жаждал эффектных подвигов и попросил у одного из оперативников УСС автомат «мадсен» с двумя магазинами. После этого «Дикий Билл» с «Хемом» помчались к Парижу, изредка обстреливая заплутавших немцев из автомата.

В столице Франции они решили «освободить» самый фешенебельный отель города «Ритц», который любили еще с довоенных времен. Когда группа «героев» ворвалась в лобби (немцев, понятно там уже и след простыл), они наткнулись на самого хозяина — Шарля Ритца. В ответ на его вопрос, чем он может служить высоким гостям, Хемингуэй попросил 73 сухих мартини. Мартини, правда, не нашлось, но выдающуюся победу отметили прекрасным шампанским (за счет УСС). Подвыпив, Хемингуэй ворвался на крышу отеля и дал оттуда несколько автоматных очередей.

Все эти художества, несмотря на свою явную театральность и полную военную бесполезность, принесли «Дикому Биллу» искомое звание генерал-майора.

Между тем «номер 109» (Донован) вызвал на личную встречу «номер 110» (Даллеса). Они столкнулись недалеко от только что покинутого немцами Лиона. Донована сопровождал молодой оперативник лондонской резидентуры УСС Уильям Кейси, на которого Даллес тогда не обратил особого внимания. А зря. Если самому Даллесу было суждено возглавлять ЦРУ в 1953–1961 годах, то Кейси стоял во главе управления с 1981 по 1987 год. Конечно, ни о чем таком собеседники в августе 1944 года и не подозревали. Равно как и не знали они о том, что и Кейси и Даллесу придется покинуть ЦРУ из-за позорных скандалов и провалов (соответственно, скандал «Иран-контрас» и фиаско высадки на Кубу в бухте Свиней).

Донован и Даллес отправились в Лондон, где их едва не накрыли в ресторане первые немецкие ракеты — «оружие возмездия» Гитлера. Из Лондона Донован взял с собой Даллеса в Вашингтон, где «сто десятому», к его неудовольствию, пришлось встретиться с женой. Кловер Даллес очень хотела, наконец, приехать к мужу в Берн, ведь теперь Швейцария уже не была в окружении держав Оси. Но Даллес и слышать ничего об этом не хотел (мол, это все очень опасно), тем более, что у него уже завязался

роман с итальянской графиней (правда, весьма сомнительного происхождения).

Даллес рвался обратно в Берн еще и потому, что вот-вот должна была начаться «горячая фаза» президентской кампании 1944 года. Конкурентом Рузвельта от республиканской партии был губернатор штата Нью-Йорк Томас Дьюи. Главным же внешнеполитическим советником Дьюи являлся не кто иной, как брат Даллеса Джон Фостер. Аллен опасался, что как только об этом будет объявлено, его могут и «попросить» с государственной службы.

Когда в октябре 1944 года Аллен Даллес опять оказался в Берне, ему там очень не понравилось. В швейцарскую столицу были направлены оперативники УСС, и «сто десятому» уже было не так вольготно, как ранее. Приходилось заниматься черновой административной работой и постоянно отвечать на какие-нибудь указания Центра. Причем Даллес считал, что большинство этих указаний просто-напросто невыполнимы.

При этом делать ему особо было нечего. Франция была освобождена, а в Германии после разгрома заговора 20 июля 1944 года никаких контактов у УСС не осталось.

Но как раз за это и ухватились «Дикий Билл» и восходящая звезда УСС Уильям Кейси. Они решили «проникнуть в Германию», то есть наводнить рейх по французскому образцу группами УСС. Эти группы парализуют Германию саботажем, и она, как перезрелый плод, упадет прямо к ногам союзников.

Англичане сразу же отказались от этой затеи. Они прекрасно понимали, что Германия — это не Франция, и там никто не встретит англо-американских агентов с распростертыми объятиями. К тому же британцы не понимали смысла операции — по их мнению, мощь Германии и так подорвана на поле боя, поэтому ее поражение — дело считанных месяцев. Зачем при этом зря рисковать людьми и материалами?

Когда англичане наотрез отказались «проникать в Германию», «Дикий Билл» был просто на седьмом небе от счастья. Наконец-то все лавры достанутся УСС. А в успехе операции Донован и ее духовный отец Кейси не сомневались ни на минуту. В их представлении гестапо и СД уже развалились, а немецкое население сплошь и рядом ненавидело нацистов.

Даллес, который знал немцев гораздо лучше Донована, не разделял оптимизма своего босса и сделал все, чтобы отвертеться от почетного задания. «Сто десятый» (как и англичане) верно полагал, что нет никакой нужды забрасывать в Германию «чужаков», которым понадобится масса времени, чтобы наладить необходимые для сбора мало-мальски ценной

информации контакты. Лучше уж вербовать источники на месте (типа Кольбе), тем более, что к концу войны таких «инициативников» явно прибавится.

Но «дикому Биллу» была нужна не столько информация, сколько громкая отчетность типа «Германия пронизана диверсионными группами УСС от Берлина до Мюнхена». Чем эти группы будут заниматься конкретно, не играло собой роли. Как и то, что в отличие от не совсем трезвых и совсем безопасных геройств Донована, людей отправят на почти верную смерть.

Весной 1944 года англичане (Управление специальных операций, Special Operations Executive, SOE) еще обсуждали с американцами проникновение в Германию. Даже наименование будущей операции уже придумали — «Кент». Британцы хотели вызвать в Германии внутренний хаос и по возможности даже восстание. Но после провала заговора 20 июля 1944 года они окончательно разуверились в немецкой консервативной оппозиции.

Одно время и американская и английская разведка хотели «активировать» потенциал немецких военнопленных, но Верховное военное командование обеих держав категорически запретило любые действия в данном направлении.

В сентябре 1944 года Донован решил поручить «проникновение» в Германию управлению специальных операций УСС^[113]. Он убеждал Рузвельта, что сможет накрыть всю Германию «агрессивной» сетью диверсантов и саботажников. До этого, мол, УСС только тренировало и обучало диверсантов из рядов движения Сопротивления, но теперь оно само покажет, на что способно.

Продумать операцию поручили главе центрально-европейского отдела Управления специальных операций УСС, бывшему теологу Стюарту Херману, который считал Гитлера антихристом.

Оставалось найти подходящих немцев для заброски в Германию. Еще до освобождения Франции Даллес через своего бывшего сослуживца по госдепартаменту Ноэля Филда (человека левых убеждений) установил контакты с коммунистической организацией немецких эмигрантов — Комитетом Свободная Германия на Западе (Comite de l'Allemagne Libre pour l'Oest, CALPO). Филд поддерживал контакты с членом КАЛПО, немецким коммунистом Вилли Крайкемайером, и иногда посылал для нужд организации деньги из фондов УСС и христианских благотворительных организаций^[114]. О том, что деньги идут от американской разведки, знали

глава КАЛПО Отто Нибергалль и секретарь комитета Хаузер.

После освобождения Франции КАЛПО безуспешно добивался от оккупационных властей официального признания и возможности работать в лагерях для немецких военнопленных. Но с точки зрения штаба Эйзенхауэра коммунистам доверять никак не следовало. Однако отдел анализа УСС рекомендовал использовать потенциал КАЛПО против рейха. Ведь немецкие коммунисты были активными и принципиальными противниками Гитлера.

К тому же в УСС завидовали активной работе советской стороны с немецкими эмигрантами и военнопленными. Ведь КАЛПО был создан как филиал Национального комитета «Свободная Германия». А сам этот комитет возник 12 июля 1943 года в зале городского совета подмосковного Красногорска. Президентом Национального комитета был избран немецкий поэт-эмигрант Эрих Вайнерт. В руководство комитета входило 38 человек, в том числе лидеры КПГ Антон Аккерман, Вильгельм Флорин, Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт, а также немецкие офицеры из военнопленных, в том числе граф Генрих фон Айнзидель (потомок Бисмарка)^[115]. Комитет должен был соединить коммунистов-антифашистов с представителями немецкого национализма, порвавшими с Гитлером. С середины августа 1943 года Национальный комитет «Свободная Германия» обосновался в Доме отдыха железнодорожников в Лунёве. В Москве работа Национального комитета сосредоточилась в городском комитете в здании в Филипповском переулке, официально именовавшемся «Институт № 99».

КАЛПО был учрежден в ноябре 1943 года во Франции (работал также в Бельгии) и при поддержке компартии страны занимался пропагандой среди немецких оккупационных войск. Одно время через одного солдата вермахта КАЛПО смог наладить контакты с коммунистической группой Сопротивления в Лейпциге и Берлине. Численность КАЛПО оценивалась в 2 тысячи человек.

Немецкие коммунисты были готовы по каналам УСС пробираться в Германию, чтобы там бороться против нацизма.

Между тем к «проникновению в Германию» подключилась и еще одна структура УСС, до середины 1944 года влачившая жалкое существование и находившаяся под негласным наблюдением ФБР. Речь идет о созданном в 1942 году Рабочем отделе (Labor Division) УСС. Этот отдел возглавлял видный юрист Артур Голдберг, сын еврейских эмигрантов из Украины^[116]. До войны он прославился как активный адвокат на службе Конгресса производственных профсоюзов (КПП) США, левой и довольно боевой в то

время рабочей организации. Некоторые отраслевые профсоюзы КПП в 30-е годы возглавлялись коммунистами.

В УСС Голдберг должен был собирать информацию из профсоюзных и социал-демократических кругов в Европе (его отдел подчинялся Управлению информации). В основном вокруг Голдберга собирались социал-демократы с довольно явно выраженными антикоммунистическими настроениями. И тем не менее многие в УСС считали Рабочий отдел чуть ли не гнездом коммунистов и относились к нему с недоверием. Про ФБР и его шефа Гувера нечего и говорить.

Когда Кейси поручили «проникнуть в Германию», он вдруг понял, что у него для этого ничего нет — ни людей, ни явок в рейхе, ни контактов. Вот тогда-то он и вспомнил про Голдберга. Идею поддержал Даллес, который вообще был готов работать с кем угодно, если этот человек был «полезным».

Когда «мистер 110» еще руководил подразделением УСС в Нью-Йорке, он, как мы помним, отвечал в том числе и за опросы прибывавших из Европы эмигрантов. Среди тех, кто предложил американской разведке свои услуги, были и видные немецкие социал-демократы, например Альберт Гржезински^[117].

Но самое большое впечатление на склонного к авантюризму и великим проектам Даллеса произвел Карл Франк (он же Пауль Хаген, Вилли Мюллер). Хаген был австрийцем, изучал в 20-е годы модную тогда психологию и даже состоял в компартии. Правда, по его собственным словам, он уже в 1930 году переметнулся к социал-демократам. Когда Хаген эмигрировал в США, за ним установило наблюдение ФБР. Дело в том, что люди Гувера выяснили: Хаген отбывал в Германии небольшой срок за похищение видного социал-демократа, которому он таким образом хотел воспрепятствовать выступить по радио в поддержку военного бюджета.

Даллесу понравилось в австрийце «богатство идей», пусть и на первый взгляд бредовых. В апреле 1942 года Хаген в меморандуме на имя Даллеса изложил план работы УСС с подпольным движением в Германии. Даллесу импонировало главным образом то, что в период максимальных военных успехов Германии Хаген анализировал внутренние слабости нацистского режима и советовал, как подорвать его изнутри. Контакты следовало наладить, прежде всего, с рабочим движением, которое до 1933 года было главным противником нацистов. Именно Хаген первым предложил забрасывать в Германию агентов с парашютом, что в 1944 году так понравилось стремившемуся к любым «героическим» действиям Donovanу.

Позднее Хаген подготовил меморандум уже для Голдберга, в котором предлагал через заброску агентуры УСС разжечь в Германии восстание 6 миллионов иностранных рабочих. Мол, их надо только снабдить оружием, а немецкие социал-демократы им помогут. Магическая цифра 6 миллионов, конечно, производила на авантюристов в УСС должное впечатление.

Однако в то же время верхушка УСС не верила Хагену, который считался слишком левым. Ходили слухи, что он с помощью УСС хочет устроить в Германии социалистическую революцию^[118]. Тем более, что формально политическая группа Хагена «Начать заново!» состояла из левых немецких социал-демократов, презиравших капитулянтскую политику СДПГ образца 1933 года. В группе много говорили о марксизме и социализме, хотя все время подчеркивали и свой антикоммунизм.

В любом случае именно после первого меморандума Хагена и появился Рабочий отдел Голдберга. Сам этот отдел в начале 1943 года учредил филиал в Лондоне, где в эмиграции жило много немецких социал-демократов и профсоюзных деятелей. Голдберг рассказывал им, что он, прежде всего, рабочий активист, а уж потом представитель американского правительства. Вторую мировую войну он называл «войной народов» и отводил в этой войне рабочему классу ключевую роль.

В октябре 1943 года Рабочий отдел подготовил первую программу заброски агентуры в Германию — операция «Фауст». Агенты УСС (в том числе и из КАЛПО) должны были в рамках этой операции пробираться в Германию, устанавливать там контакты с антинацистским подпольем и передавать союзникам важную информацию военного и стратегического характера.

Однако Верховное военное командование союзников заинтересовалось «Фаустом» лишь после разгрома немцев во Франции. 16 августа 1944 года план операции был представлен на утверждение Эйзенхауэру, и через три дня ему дали «добро». В то же время был подтвержден запрет на работу с немецкими военнопленными и коммунистами из КАЛПО. Правда, УСС обошло этот запрет в последнем случае — члены КАЛПО проходили в делопроизводстве как бойцы французского Сопротивления.

Даллес к тому времени уже охладел к идеям Хагена и Голдберга. После контактов с Кольбе, Гизевиусом и другими чинами абвера он понимал, что народ Германии пока еще предан Гитлеру и восстание там вряд ли возможно. Тем более, Даллес был очень удручен той легкостью, с которой СС и гестапо разгромило заговор 20 июля 1944 года. А ведь в нем участвовали высшие офицеры вермахта.

Первоначально «ФАУСТ» начал воплощаться в форме незамысловатой

операции «Брэддок». В рамках этого проекта планировалось сбрасывать над Германией в местах предположительного скопления иностранных рабочих простые зажигательные устройства и инструкции по их применению. Остальное, мол, рабочие (считалось, что в основном готовы к решительным действиям поляки и французы) сделают сами. Перед этим начали операцию «Троянский конь» — с самолетов сбрасывались листовки и пропагандистские материалы для иностранных рабочих. Последних призывали к саботажу и замедленным темпам работы. К иностранным рабочим обратился сам Эйзенхауэр.

25 сентября 1944 года в районе Франкфурта-на-Майне было сброшено 250 000 зажигательных капсул.

Однако, хотя гестапо немного и напряглось, никакого восстания, или даже массовых актов саботажа, отмечено не было. В конце 1944 года УСС было вынуждено признать полный провал операции «Брэддок».

В 1928 году от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) откололась группа, принявшая название Международный социалистический боевой союз. Формально члены союза выступали за социализм, но мотивировали его необходимость не марксистской экономической теорией неизбежного краха капитализма, а этическими, квазирелигиозными воззрениями. На определенном этапе к союзу примыкал Альберт Эйнштейн. Отличительной чертой членов союза был отказ от курения, алкоголя и потребления мяса. В работе союза участвовали известные немецкие интеллектуалы — Эрих Кестнер, Кэте Кольвиц, Генрих Манн, Арнольд Цвейг.

В силу своего интеллектуального снобизма и странных норм повседневной жизни союз никогда не был массовой организацией. Но после 1933 года группа активно работала в Сопротивлении, причем в отличие от консервативных друзей Даллеса отличалась склонностью к конкретным действиям. Например, перед одной из поездок Гитлера по стране члены союза разрисовали антинацистскими лозунгами мосты, через которые должен был проезжать кортеж. Геббельсу пришлось резко сократить снятый об этой поездке фильм, чтобы «вредные» лозунги не попали в кадр.

В эмиграции члены союза жили в основном в Лондоне, где на них и вышли сотрудники Рабочего отдела УСС. Американскую разведку привлекала в членах союза решимость бороться с нацистами любыми методами. Именно поэтому среди них и были отобраны первые агенты-парашютисты для «проникновения в Германию».

Первый агент УСС (операция Downend) Юпп Каппиус («Джек Смит»)

был сброшен с английского самолета над Германией (район Папенбурга) 2 сентября 1944 года.

Каппиус, бывший инженер-строитель, был в Международном социалистическом боевом союзе фигурой известной и когда-то отвечал в нем за молодежь. После прихода Гитлера к власти он занимался подпольной работой, его искало гестапо, и в 1937 году вместе с женой Каппиус через Австрию перебрался в Англию. УСС начало готовить его для заброски в Германию еще в марте 1944 года. Причем саму тренировку (работа со взрывчаткой, оружием, методы конспирации) взяла на себя британская разведка.

УСС так оценивало Каппиуса: «Обладает интеллектом выше среднего, рассуждает четко, расчетливо и быстро. Думает ясно и логически и соответствующим образом выражает свои мысли. Вполне способен навязать другим свою волю, располагает фантазией и инициативой... Производит впечатление психической и моральной силы, надежен. Серьезен, обладает спокойным юмором и способен как лидер вызывать доверие. Прилежен, много работает и окончил курс (подготовки УСС. — *Примечание автора*) с отличием...»^[119]

Каппиус успешно приземлился, но его неожиданно сморил сон (хотя он спал и во время полета из Лондона). Выспавшись, агент УСС двинулся по обычной дороге, приветствуя прохожих. В городке Зегель он без проблем купил билет до своего родного Бохума, но в поезде едва не «засыпался», предъявив кондуктору билет со словами «Do you want this?» К счастью для Каппиуса, кондуктор не обратил внимания на англоязычного пассажира.

В Бохуме Каппиус жил у одной пары, знавшей его еще по совместной работе в Международном социалистическом боевом союзе. На улицу он выходил ненадолго только вечером. Когда хозяев не было дома, агент ходил по квартире в носках, не открывал воду в кране и не смывал воду в туалете. Понятно, что ни о какой активной подпольной работе при таком режиме нелегального проживания не могло быть и речи.

Главное, что потрясло Каппиуса в Германии — это нормальная жизнь большинства населения, несмотря на войну. Даже питались немцы (особенно рабочие) лучше, чем в Англии. Например, Каппиус был поражен, что на карточки давали настоящее сливочное масло, а не маргарин. Конечно, в массе немцы уже не верили в победу, но и к активной борьбе против нацизма были не готовы. Они просто работали и ждали, что произойдет.

С помощью легально приехавшей из Швейцарии жены Энне (она

использовала «крышу» медсестры Красного Креста) Каппиус организовал в Руре сеть информаторов с опорой на бывших деятелей профсоюзов. Ячейки группы, по данным Каппиуса, простирались от Берлина до Ульма и Гамбурга. Всего в группу входило примерно 15 человек, лично знавших Каппиуса. У них на связи были другие люди. Примечательно, что Каппиус отказывался от сотрудничества с коммунистическими группами Сопротивления, якобы потому, что в них работали агенты гестапо.

Проблема была в том, что Каппиус никак не мог регулярно передавать собранные сведения в Лондон. Ему удалось сделать это только два раза с помощью жены, которой изначально и отводилась роль курьера. Рацию британцы сбрасывать в район Бохума побоялись.

Каппиус был готов к развертыванию настоящей вооруженной борьбы, хотя и непонятно, кто бы в ней участвовал. Его люди смогли похитить с оборонных заводов 250 винтовок, а завербованный начальник полиции городка Виттен обещал в случае чего передать Сопротивлению и свой арсенал. По плану Каппиуса, его люди должны были взять власть в Бохуме и окрестностях в тот момент, когда немцы отступят, а союзники еще не займут город.

Хотя Каппиус запросил через курьеров оружие (100 автоматов, 50 пистолетов, 50 ручных гранат) и взрывчатку для организации саботажа на железных дорогах и оборонных предприятиях, в этом ему было отказано. Англичане посчитали, что выбранное Каппиусом место выброски груза слишком близко от зенитной батареи с прожекторами. Бедный Каппиус целыми днями прослушивал всякую белиберду по BBC (типа «У Марии удалили гланды», «Розы зацветут весной» и т. д.), напрасно ожидая нужного ему сообщения «У бабушки трое детей» (это означало бы согласие на сброс оружия в указанном Каппиусом месте).

В январе 1945 года Энне Каппиус привезла от мужа донесение на 13 страницах мелким почерком. В частности, Каппиус сообщал, что электростанция под Кельном, обеспечивавшая две трети производства электроэнергии в Руре, не пострадала от бомбежек. После этого авиация союзников сравняла электростанцию с землей.

В целом группа Каппиуса могла поставить себе в заслугу то, что при освобождении Западной Германии ей удалось предотвратить уничтожение некоторых предприятий и складов с продовольствием. Однако к тому времени (апрель 1945 года) немцы и сами игнорировали на Западе приказы Гитлера о «выжженной земле». Причем заслугу в том, что этот приказ толком не выполнялся, приписывал себе после войны министр вооружения нацистской Германии Альберт Шпеер.

Каппиус и его жена успешно пережили войну, чего нельзя было сказать о другом члене Международного социалистического боевого союза молодой женщине Хильде Майзель. В начале 1945 года ее перебросили из Швейцарии в Австрию, где она должна была наладить такую же информационную сеть, как Каппиус в Руре. При возвращении в Швейцарию прямо на границе эсэсовский патруль прострелил ей обе ноги. Не желая попадать в руки к нацистам, Майзель проглотила ампулу с цианистым калием.

Через два месяца после Каппиуса в Голландии был сброшен второй агент Рабочего отдела УСС Антон Бернард Шрадер («Бобби», операция TUL). Он должен был наладить безопасный канал перехода агентов из Голландии (где население в целом сочувствовало Сопротивлению) в Германию. В отличие от Каппиуса «Бобби» снабдили новейшим разработанным УСС радиопередатчиком «Джоан/Элеанор»^[120]. С помощью этого устройства можно было поддерживать контакт с самолетом союзников, барражировавшим на высоте до 10 километров (вне досягаемости немецких зениток). Так как сигнал шел практически вертикально, его не могли запеленговать немецкие наземные службы. С помощью прибора можно было говорить открыто, не пользуясь шифром или азбукой Морзе. На самолете был смонтирован магнитофон, записывавший все, что передавал агент. Таким образом, за 20-минутный сеанс связи можно было передать примерно столько же информации, сколько за несколько дней работы на обычном радиопередатчике.

Наконец, «Джоан/Элеанор» был очень компактным: размеры прибора у агента были 20 см в длину, 7 см в ширину и 2,4 см — в толщину. В то время основные радиопередатчики были такого размера, что едва помещались в чемодан (поэтому их и называли «чемоданное радио»). Любой человек с чемоданом в рейхе вызывал повышенное внимание патрулей. Новый же прибор УСС мог быть спрятан среди вещей в небольшой сумке. Вес принимающей аппаратуры в самолете достигал 18 килограммов.

В качестве самолета связи УСС использовало британский скоростной истребитель «москито». С целью снижения веса машины (а значит, для увеличения радиуса действия) оттуда убрали все вооружение и даже прибор «свой — чужой».

Пару недель «Бобби» действительно информировал УСС о передвижениях немецких войск, но потом его схватило гестапо, и он стал работать под контролем. Ему, правда, удалось предупредить об этом, но своей главной задачи — организации массовой переброски агентов с

территории Голландии в Германию — «Бобби» так и не выполнил.

Еще больше не повезло участникам операции «Рубенс», которых выбросили 30 января 1945 года под Штутгартom. Передатчик разбился при приземлении, а обоих агентов схватили немцы.

С января 1945 года УСС активизировало сотрудничество с КАЛПО. Коммунисты передали американской разведке списки своих явок в Германии в обмен на деньги, радиопередатчики и оружие для своих агентов (8 групп в районе Трира — Саарбрюкена — Кобленца). Кроме того, с помощью УСС коммунисты добивались освобождения своих сторонников из американских лагерей для военнопленных. К середине апреля 1945 года подготовку для разведывательно-диверсионной деятельности прошли по линии УСС 22 члена КАЛПО.

Правда, между Кейси (он отвечал в Лондоне за специальные операции против Германии) и Голдбергом (Рабочий отдел) возник спор относительно целесообразности работы с коммунистами^[121]. Госдепартамент и ФБР также были против того, чтобы «вооружать красных». Вопрос передали на решение Донована. Хотя «Дикий Билл» был республиканцем и юристом ведущих корпораций с Уолл-стрита он встал на сторону Голдберга. УСС срочно нужны были успехи в Германии — акты саботажа, террора, убийства высших руководителей НСДАП. А на этот смертельный риск были готовы идти только коммунисты. Других кадров для специальных операций в Лондоне Кейси предъявить так и не смог. 22 февраля 1945 года Доноvan отдал Кейси формальный приказ использовать в работе немцев из движения «Свободная Германия», то есть коммунистов. Сам Кейси, в свою очередь, 1 марта 1945 года приказал начать заброску коммунистов и социал-демократов в Германию.

2 марта 1945 года в рамках операции «Молот» («Hammer») в 50 километрах северо-западнее Берлина с парашютом были сброшены два немецких левых социал-демократа Пауль Линднер^[122] и Антон («Тони») Ру. Это была самая глубокая и наиболее близкая к столице рейха заброска, произведенная силами УСС. Оба разведчика были простыми рабочими, близкими друзьями и работали ранее в подполье в Германии. Группу снабдили передатчиком «Джоан/Элеанор» и документами, удостоверявшими освобождение от воинской службы как ценных рабочих оборонного завода.

Закопав оружие и передатчик, Ру и Линднер на поезде приехали в Берлин. Поезда ходили переполненные и затемненные, так что на них никто не обратил внимания. На согласованную с УСС конспиративную

квартиру вечером они идти не решились и воспользовались чрезвычайным вариантом — просто зашли к родителям Линднера, которых он не видел с 1935 года. Сначала отец Линднера (опасавшийся провокаций гестапо) допрашивал подозрительного посетителя через дверь, но, убедившись, что на некоторые вопросы мог ответить только сын, впустил разведчиков в квартиру.

После этого целую неделю Линднер и Ру осваивались в Берлине. Они решили не использовать документы УСС и предпочли остаться на нелегальном положении. Их главной задачей был сбор информации и передача ее по радио в Лондон. Установив контакт с сестрой Ру, агенты 8 марта откопали передатчик и оружие. УСС снабдило их запасом кофе и сигарет, которые можно было легко обменять на продукты (и тем самым обойти карточную систему, которая предполагала регистрацию). Каждый день разведчики слушали кодированные сообщения ВВС, чтобы понять, когда для приема их радиogramм в район Берлина вылетит самолет.

Информацию «миссия Молот» собирала через знакомых, например, от отдого из учителей Линднера. По Берлину агенты старались ходить вместе с отцом Линднера, у которого были безукоризненные документы. Первый радиоконтакт с самолетом союзников был установлен 26 марта. Была передана информация о передвижениях германских войск, падающем моральном духе населения. Была высказана рекомендация разбомбить главную берлинскую электростанцию в Клингенберге и городскую железную дорогу (S-Bahn), которая доселе работала бесперебойно. Были также переданы координаты двух оборонных заводов. Агенты просили сбросить им оружие и взрывчатку для организации диверсий^[123].

Кейси оценил информацию «Молота» как крайне важную.

Однако непредвиденный случай едва не стоил агентам жизни. Во время эмиграции Линднера его сестра вышла замуж за некоего Ханса Готвальда, и шурин (солдат вермахта) неожиданно пришел домой — ему дали краткосрочный отпуск (плюс Железный крест) за уничтоженный советский танк. Дома солдат увидел Линднера (первый раз в жизни), о котором ему было известно, что он антифашист и живет в эмиграции. Началась интенсивная перепалка, но Линднеру и Ру удалось убедить Готвальда, что дни нацизма сочтены и ему лучше дезертировать. Линднер изготовил для Готвальда поддельный документ о продлении отпуска, который не вызывал сомнений у проверяющих.

Агенты вышли на некоторые явки, которые им предоставил комитет «Свободная Германия» во Франции, и получали там необходимую информацию. Вся она была передана во время второго сеанса связи

8 апреля 1945 года.

В начале апреля агенты получили информацию о месте сброса им продовольствия под Берлином. Прибыв на место (поле), они передали установленный сигнал, но самолет почему-то не отреагировал. Линднеру и Ру пришлось заночевать прямо в поле, и утром их обнаружил патруль дивизии «Герман Геринг». Линднер предъявил членский билет НСДАП и удостоверение рабочего оборонного завода. Но начальник патруля захотел проверить вещи Ру, среди которых был передатчик. Тогда Линднер высокомерно заявил, что его попутчик — «тупой чех»^[124] (оба агента со времен эмиграции говорили по-чешски) и он ему ничего переводить не будет. Между тем Ру постепенно извлекал из сумки грязные носки, якобы не понимая, что от него нужно «господину офицеру». Начальнику патруля все это надоело, и он отпустил бестолковых рабочих.

Когда советская артиллерия стала обстреливать Берлин, группа «Молот» получила 22 апреля странное задание. Один из ее участников должен был перейти фронт и установить контакт с Красной армией, второй должен был дожидаться прихода в Берлин американцев^[125]. Однако вырваться из Берлина не было никакой возможности, и группа «Молот» дождалась прихода в берлинский район Нойкельн советских войск. Там Линднер, Ру, Готвальд и отец Линдера с помощью полученного от УСС оружия помогли советским солдатам в бою за мост Баумшюленбрюке, который немцы хотели взорвать. Группа «Молот» обезвредила взрывчатку на мосту и получила за это благодарность советского командования.

Рут и Линднер сами явились к советским властям (некоему капитану Мартову) и представились агентами УСС. Но им не поверили и держали под стражей несколько недель. Только 16 июня 1945 года в районе Лейпцига их передали американцам.

Таким образом, всего с 1 сентября 1944 по 1 марта 1945 года УСС направило в Германию четыре разведывательных группы — «Downend», «Tul», «Rubens», «Hammer». Но уже с 18 марта в Германию забрасывали до четырех групп в день. Те из них, которые носили названия коктейлей, должны были собирать информацию военного и политического характера («Martini» — район Аугсбурга, «Daiquiri» — Ашаффенбург, «Eggnog» — Ханау, «Cuba libre» — Геттинген, «Pink lady» — Эрфурт, «Hot punch» — Пассау).

Те группы, которые назывались по имени рабочих инструментов, состояли из коммунистов и социал-демократов и должны были установить связь с левым подпольем в Германии («Hammer», «Chisel» — Эссен,

«Pickaxe» — Ландсхут, «Buzzsaw» — Лейпциг, «Mallet» — Берлин).

Одновременно глава Рабочего отдела в Берне Герхард ван Аркель смог переправить несколько агентов через швейцарско-немецкую границу. Он хвалился тем, что завербовал даже начальника гестапо пограничного немецкого городка Фельдкирх. Да и, кроме того, у него, мол, есть много «окон» на границе.

На практике все оказалось не так радужно. После успешного начала немецкого наступления против англо-американцев в Арденнах (16 декабря 1944 года) боевой дух немцев (как военных, так и гражданского населения) окреп, и многие стали думать, что еще не все потеряно.

31 декабря 1944 года агент УСС 37-летний Вилли Друкер успешно перешел швейцарскую границу. Друкер был полицейским в Дортмунде, но был уволен в 1933 году после того, как отказался вступить в НСДАП. В 1935 году он эмигрировал во Францию. УСС характеризовало его следующим образом: «У него средний уровень интеллекта, он медленно усваивает новые идеи, но как только он понимает их, можно быть уверенным в том, что он осуществит их на практике. У него нет особого воображения или изобретательности, но он предусмотрителен, хитер и решителен. Он кажется надежным и лояльным и обладает чувством собственного достоинства. Прямая и обходительная личность. Он был прилежен, работал напряженно, хороший средний уровень (подготовки на курсах УСС. — *Примечание автора*)»^[126].

Друкер должен был выйти на связь с Каппиусом, который уже подготовил для него надежное жилье в Дортмунде. Его миссию назвали RAGWEED («АМБРОЗИЯ»).

Друкер удачно добрался до Фельдкирха и встретился с тамошним шефом гестапо Кринером, якобы завербованным УСС. Тот должен был подготовить ему командировочное удостоверение гестапо до Дортмунда. Но Кринер за обедом вдруг стал рассуждать на тему, что война отнюдь еще не проиграна, и очень интересовался контактами Друкера в Германии. Хотя Кринер пообещал выдать документы на следующий день, Друкер решил не рисковать и в тот же день уехал на поезде во Фридрихсхафен. Он специально познакомился на вокзале с симпатичной женщиной и уговорил ее стать его попутчицей, считая, что таким образом будет привлекать меньше внимания. Но когда пара ожидала на вокзале Фридрихсхафена поезд в Рурскую область, к Друкеру подошли трое мужчин и со словами «Мы тебя ждали» защелкнули на его запястьях наручники. Женщина упала в обморок.

Помимо заброски агентов с парашютом и через Швейцарию УСС

наладило так называемые «туристические миссии» через линию фронта в Эльзасе. Вопреки запрету военного командования для «туризма» использовались немецкие военнопленные. Их снабжали документами, формой и проводили через линию фронта. В немецком тылу они собирали информацию и возвращались обратно. Но проблема была в том, что командиры армии США на местах наотрез отказывались ради каких-то там «краут»^[127] снимать минные поля. И от американских мин погибло до половины агентов. К тому же американцы стреляли в темноте по всему, что движется (немцы сэкономили боеприпасы), и никакие увещевания УСС не могли удержать их от этого.

Поэтому УСС пришлось забрасывать «туристическую» агентуру через линию фронта на парашютах (80—100 километров за фронтом). А оттуда агенты уже добирались обратно до фронта пешком, собирая по пути информацию.

В целом Уильям Кейси, который курировал заброску агентуры в Германию, признавал, что единственным успехом «проникновения в Германию» в 1944 году было то, что большинство агентов выжило: «Те немногие агенты, которые были заброшены в Германию в 1944 году без связи, не только выжили, но и хорошо устроились»^[128]. Те, кто попал в Германию в 1945 году, по мнению Кейси, вообще «неплохо обосновались, свободно передвигались, находили друзей и помощников... Они находили рабочие места... жилище». Так как бомбежки союзников, с точки зрения Кейси, нарушили нормальное течение городской жизни в Германии еще в 1943 году, то агенты без проблем передвигались среди толп беженцев и разбомбленных переселенцев, «несмотря на гестапо. Вывод, что Германию надо было пронизать агентурной сетью гораздо раньше, кажется неотвратимым»^[129].

Донован признавал особые заслуги именно немецких рабочих как наиболее ценных и решительных агентов, направленных в Германию. В своем выступлении в честь Дня труда^[130] 1945 года шеф УСС признавал героизм «немецких и австрийских рабочих, которые без военной формы и без громкой славы внесли большой вклад в победу союзников»^[131].

Тем не менее, несмотря на бесспорный героизм разведчиков УСС, «проникновение в Германию» не принесло союзникам никаких особых результатов. Тем более, что из 21-й группы, заброшенной в Германию с передатчиками, на связь вышла только одна. Все остальные вопреки мнению Кейси были либо обречены на бездействие, либо обнаружены гестапо.

К тому же «Дикий Билл» ждал от агентуры в рейхе в основном не информации, а «агрессивного саботажа» и диверсий. Именно поэтому «проникновение в Германию» и было поручено начальнику резидентуры Управления специальных операций в Лондоне Кейси. Но ничего подобного так и не произошло. Немцы в рейхе были готовы делиться сведениями (да агенты могли многое увидеть и собственными глазами), но к вооруженной борьбе против нацизма были не готовы. Вопреки расчетам союзников массированные бомбардировки немецких городов вызвали среди населения не отчаяние и стремление скорее покончить с войной, а апатию и чувство безысходности по принципу «будь что будет» и «от судьбы не уйдешь».

Тем не менее до самого конца войны «Дикий Билл» все же никак не мог отказаться от мысли повернуть в Германии «нечто эдакое».

УСС планировало использовать немецких коммунистов для своей самой смелой операции на территории рейха, получившей кодовое наименование «Железный крест».

В феврале — марте 1945 года в основном через Даллеса в УСС стали приходить сведения о том, что Гитлер приказал устроить на территории западной Австрии и южной Германии так называемый Альпийский редут. Якобы туда свозят продовольствие и боеприпасы, а затем придут и сами нацистские главари. В Альпах они будут способны сопротивляться по меньшей мере год. А за это время будет организовано мощное партизанское движение по всей Германии. Все это обещало союзникам большие потери.

Управление анализа УСС пришло к выводу, что Альпийская крепость — это реальность, там якобы даже можно наладить производство оружия и боеприпасов. СД к марту 1945 года расшифровало код американского посольства в Берне и читало сообщения Даллеса. Настоящий психоз вокруг несуществовавшего Альпийского редута был немцам на руку, ибо отвлекал мощные силы союзников от направления на Берлин в сторону южных Альп, не имевших для исхода войны никакого значения.

В конце марта 1945 года командующий союзными войсками в Европе Эйзенхауэр принял судьбоносное решение отказаться от прямого удара из Рура на Берлин и двинуть американские танковые дивизии на юг, в Баварию, чтобы не допустить создания Альпийского редута. Командующий британско-канадскими войсками Монтгомери резко протестовал — англичане всегда считали «редут» фикцией. Однако Эйзенхауэр настоял на своем, после чего его всю жизнь упрекали в том, что он позволил русским первыми взять Берлин.

Тем не менее, убедив самих себя в реальности «редута», оперативники УСС решили взорвать его изнутри. Для этого планировалось высадить

прямо в долине реки Инн (между Куфштайном и Иннсбруком) целую роту подготовленных амеиканской разведкой немцев. Донован немедленно загорелся — именно такой мощной операции в тылу врага и не хватало УСС для создания героического имиджа «крутых парней».

Немцев оперативник УСС Аарон Бэнк начал подбирать в Тулузе среди немецких коммунистов, большинство из которых участвовали в гражданской войне в Испании, оттуда попали во Францию и там также активно боролись в рядах французского Сопротивления. Вообще южную Францию освободили отнюдь не американцы, и тем более не сотрудники «Дикого Билла», а отряды партизан «маки», состоявшие в подавляющем большинстве из коммунистов (французов, испанцев, немцев и бежавших из лагерей советских военнопленных).

К концу 1944 года Бэнк отобрал 175 человек, самому молодому из которых было 20, а самому старому — 45 лет. В конце подготовки (март 1945 года) в рядах «Железного креста» было 100 бойцов. С ротой должны были высаживаться всего трое американцев, один из которых был радистом. На вооружении коммунистического спецназа были американские и немецкие винтовки, пулеметы, базуки и немецкие «панцерфаусты». В предместье Парижа Сен-Жермен бойцов учили обращаться с немецкой и американской взрывчаткой (большей популярностью пользовалась первая).

Правда, парашютная подготовка так и не вышла за пределы начальной фазы — бойцы прыгали из дверей стоявшего на земле самолета.

Донован был в восторге и поставил «Железному кресту» главную задачу — захватить живьем Геринга, Геббельса и самого Гитлера. Шеф УСС несколько не сомневался, что нацистские лидеры обоснуются в «альпийском редуте». После этого приказа Донована коммунистов стали учить брать штурмом укрепленные здания, нейтрализовывать охрану и отходить вместе с задержанными пленниками.

В конце апреля 1945 года первая группа роты была готова к выброске и собралась в районе Дижона. С ней должны были высаживаться сам Бэнк и радист-американец. На всякий случай они решили прыгать в американской форме — в противном случае их согласно приказу Гитлера расстреляли бы на месте. После передовой группы повзводно должна была выпрыгнуть вся рота. Место высадки находилось всего в 90 километрах от альпийской резиденции Гитлера в Оберзальцберге.

Однако еще 6 апреля американский агент донес со ссылкой на откровения подвыпившего немецкого офицера, который еще две недели тому назад находился в имперской канцелярии в Берлине: «Адольф находится в рейхсканцелярии... Адольф устал от жизни... Новый вариант

его Ставки в Ордруфе, Тюрингия. Это не Оберзальцберг. Источник информации — австрийский штабной офицер, покинувший Ставку 21 марта». В Ордруфе силами СС действительно строилась подземная штаб-квартира для фюрера, но Гитлер по принципиальным соображениям отказался покинуть столицу.

Высадка «Железного креста» шесть раз переносилась из-за плохой погоды. Наконец раздался звонок от начальника группы специальных операций в Лондоне полковника Джерри Миллера: «Я знаю, что ваши люди из “Железного креста” много поработали и что им не терпится начать операцию, но мы считаем, что Германия и так разгромлена. Зачем же сейчас нам рисковать жизнями этих людей? Я думаю, что нам лучше вообще отказаться от этой затеи»^[132].

Но самом деле УСС заботили отнюдь не жизни немецких коммунистов. Наоборот, руководство разведки пришло к выводу о политической нецелесообразности иметь в южной Германии сотню до зубов вооруженных и прекрасно подготовленных коммунистов. Ведь они могли взять власть в свои руки на довольно большой территории, и оккупационным властям пришлось бы с этим считаться.

Немецких коммунистов опять перевели на положение военнопленных, но обещали выпустить их первыми после окончания войны.

После провала покушения на Гитлера и исчезновения Гизевиуса с осени 1944 года резидентура Даллеса приступила к практическому поиску старших офицеров вермахта на Западном фронте, которые согласились бы на локальную капитуляцию подчиненных им сил в обмен на личную безопасность. Для этого были подробно допрошены пленные немецкие генералы, а для налаживания контактов предлагалось инсценировать побег из плена нескольких младших офицеров и переправить их за линию фронта. Руководство УСС не одобрило эту инициативу Даллеса, считая это чистой воды авантюризмом.

К концу войны попытки немцев вступить в контакт с Западом еще более активизировались, и теперь за ними стояли высшие чины СС, включая рейхсфюрера СС Гимmlера. В ноябре 1944 года Даллес, находясь в Швейцарии, получил от начальника СД в Италии группенфюрера Харстера предложение начать сепаратные переговоры об условиях прекращения военных действий в Западной Европе и даже возможном объединении сил для продолжения войны против СССР. Посредниками при этом были крупные итальянские промышленники Маринетти и Оливетти.

Вильгельм Харстер работал в политической полиции Штутгарта еще с 1931 года, а после прихода нацистов к власти получил повышение и стал

заместителем начальника политической полиции земли Вюрттемберг. В 1933 году он вступил в СС и НСДАП. С 1937 года работал в гестапо в Берлине, после оккупации Польши возглавил СД и политическую полицию в Кракове. В 1940–1943 годах руководил СД и политической полицией Нидерландов и нес прямую ответственность за депортацию и уничтожение около 100 тысяч голландских евреев.

С сентября 1943 года Харстер возглавил репрессивный аппарат СД и СС в Италии с резиденцией в Вероне. Несмотря на то, что руки у этого человека были по локоть в крови, Даллес не видел ничего зазорного в переговорах с ним^[133].

Германский консул в Лугано Александр фон Нейрат, сын Константина фон Нейрата^[134], встречался с Геверницем и предлагал свои услуги: молодой фон Нейрат был лично знаком со многими военачальниками вермахта, включая главнокомандующего войсками на Западе фон Рундштедта, командующего в Италии фельдмаршала Кессельринга и командующего войсками СС и полиции в Италии обегруппенфюрера СС Вольфа, и был готов был передать им условия капитуляции.

9 февраля 1945 года на основе сообщения Даллеса Донован проинформировал президента США Рузвельта о начале сепаратных переговоров с немцами: «...Фон Нейрат заявил, что на встрече у него не сложилось впечатление, что планируется немедленный вывод германских сил из Италии. Согласно фон Нейрату даже высокопоставленные германские официальные лица армии в Италии несколько удивлены тем, что основная масса немецких подкреплений на Восточный фронт идет с запада, а не с юга. Нейрат думает, что объяснением этому факто является то обстоятельство, что германская армия в Италии содержится в основном в полном порядке для того, чтобы в случае необходимости защитить южный фланг немецкой «внутренней крепости», опирающийся на баварские и австрийские Альпы...»^[135]

Из сообщения Донована Рузвельту можно понять, что на встрече обсуждалась возможная переброска немецких войск из Италии на восточный фронт. Это было прямым предательством со стороны США в отношении своего советского союзника.

Таким образом, через фон Нейрата Даллес вышел на обергруппенфюрера СС Карла Вольфа, который с июля 1943 года занимал пост высшего руководителя СС и полиции в Италии. Вольф был доверенным лицом Гиммлера, личный штаб которого он возглавлял с ноября 1935 года. Вольф был толковым «менеджером» нацистской машины

истребления. При уничтожении Варшавского гетто он «устроил» дополнительные поезда для транспортировки евреев в лагеря смерти. Был он в курсе и бесчеловечных экспериментов над советскими пленными в концлагере Дахау^[136].

С июля 1944 года Вольф сосредоточил в своих руках примерно 100 тысяч человек (различные части вермахта, СС, итальянских фашистов) для борьбы против итальянских партизан, но не сильно в этом преуспел. В начале 1945 года Вольф понял, что главное для хорошего «менеджера» — вовремя оказаться на стороне победителей.

Операция Даллеса «Восход солнца» началась 24 февраля 1945 года, когда итальянский предприниматель и камергер папы римского барон Луиджи Парилли через швейцарского профессора Макса Гюсмана и швейцарского разведчика Макса Вайбеля вышел на контакт с Геверницем. Парилли приехал в Швейцарию конвертировать в швейцарские франки марки сотрудников штаба Кессельринга. Донован сообщил 24 февраля Рузвельту: «...маршал Кессельринг и Рудольф Ран (германский посол при режиме Муссолини в Северной Италии) готовы капитулировать и даже сражаться против Гитлера, если союзники это соответствующим образом оценят...» Кессельринг намекал, что если союзники не договорятся с ним, то он отступит в Альпы и будет сражаться до последнего. «Но пока Кессельринг находится в Италии, он чувствует, что у него есть сила и желание использовать эту силу, чтобы капитулировать в обмен на уступки»^[137]. Уступки эти эмиссар Кессельринга пока не уточнил.

Переход границы немецкими эмиссарами в Швейцарию и обратно обеспечивал Макс Вайбель. Вайбель с 1939 года руководил отделением швейцарской разведки в Люцерне. В 1940 году он создал тайную организацию Офицерский союз для борьбы против немецкого вторжения, если Швейцария капитулирует. Вайбеля арестовали, но быстро выпустили и повысили до майора. После этого Вайбель возглавил отделение армейской разведки Швейцарии (Nachrichtendienstliche Sektion 1, NS-1) и поручил своим сотрудникам передавать СССР сведения, касавшиеся Германии.

Именно Вайбель позднее взялся обеспечить встречу Вольфа с Даллесом с целью подготовить капитуляцию немецких войск в Италии. Одновременно он поддерживал контакты и с итальянскими партизанами.

25 февраля 1945 года Вайбель рассказал Даллесу о прибытии в швейцарию двух эмиссаров из Италии — итальянского барона Луиджи Парилли и школьного учителя польского происхождения Макса Гюсмана.

Поначалу Даллес отнесся к сведениям Вайбеля с недоверием, но решил не расстраивать швейцарского контрразведчика и отправил на контакт с Парилли Геверница. Последний провел встречу 25 февраля в одном из отелей Люцерны.

Парилли сообщил Геверницу, что некоторые офицеры СС в Италии готовы сотрудничать с американцами, чтобы не допустить кровопролития и разрушений итальянского культурного и промышленного потенциала. Он подчеркнул, что именно люди СС, а не вермахта, проявляют в этом заинтересованность и готовы на самые серьезные шаги. Прозвучали имена офицера разведывательного отдела штаба СС в Генуе гауптштурмфюрера СС Гвидо Циммера, штандартенфюрера Ойгена Дольмана и, косвенно, Вольфа. На Геверница многословный и велеречивый Парилли не произвел впечатления серьезного переговорщика. Даллес тоже поначалу расценил этот сигнал как очередной пробный шар со стороны верхушки СС, и не более. Посовещавшись, Геверниц и Даллес решили, что смогут иметь дело если уж не с самим командующим германскими войсками в Италии фельдмаршалом Кессельрингом, то с Вольфом или Дольманом.

Дольман был главным специалистом СС по Италии, его лично знал Гитлер. Он окончил с отличием Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана, жил в Италии с 1927 года, изучая итальянское искусство и историю, и завел здесь обширные знакомства в аристократических, интеллектуальных, церковных и политических кругах

В 1934 году Дольман вступил в нацистскую партию, а с 1935 года был руководителем пресс-службы НСДАП в Италии. В 1937 году ему пришлось заменять переводчика на встрече Гимmlера и руководителя итальянской полиции Боккини в Остии. С этого времени его стали приглашать в качестве переводчика на итало-германские встречи высокого уровня. Дольман вступил в СС и быстро продвинулся по служебной лестнице. В декабре 1937 года Дольман сопровождал Гимmlера в поездке в Ливию, в 1938 году присутствовал на пресловутой Мюнхенской конференции, в 1939 году — на подписании «Стаального пакта»^[138], в 1942-м участвовал в поездке Гитлера и Муссолини на Восточный фронт. В июле 1944 года он был официальным переводчиком на встрече Гитлера и Муссолини в резиденции фюрера «Вольфшанце». Фактически Дольман исполнял обязанности офицера связи при Муссолини.

Сам дуче был не в курсе сепаратных контактов немцев с Даллесом.

Еще в начале февраля 1945 года Вольф, возможно, без санкции Гимmlера, побывал на приеме у Гитлера. В присутствии министра иностранных дел Риббентропа и группенфюрера СС Фегеляйна (адъютант

Гитлера) Вольф высказал мысль, что настало время искать возможность консолидироваться с Англией и Америкой против большевиков. Ответ Гитлера был довольно неопределенным, но в целом его можно было истолковать как одобрение и разрешение действовать. Таким образом, Вольф, затеявая свою игру, отчасти оградил себя от обвинений в измене. Как выяснилось позже, Риббентроп к тому времени и сам пытался выйти на американцев — через Швецию. Активно искал контактов с Западом по поручению Гимmlера и шеф СД Шелленберг.

Парилли вызывал доверие американцев тем, что до войны был представителем американской компании в Италии. Связь итальянца с СС была странной — Парилли (имея нетрадиционную сексуальную ориентацию) влюбился в молодого офицера СС Гвидо Циммера и последовал за своим возлюбленным в Милан.

Между тем Донован на основании шифровок Даллеса продолжал держать Рузвельта в курсе сепаратных контактов с немцами. 26 февраля президенту сообщили, что фон Нейрат по звонку Кессельринга провел тайную встречу с генерал-лейтенантом фон Вестфалем (начальником штаба фельдмаршала фон Рунштедта) и генерал-полковником Бласковитцем^[139], командующим группой армий «Г» (располагалась в Эльзасе)^[140]. Немецкие генералы явно были готовы продать «фюрера» в обмен на собственную шкуру: «Все трое откровенно обсуждали возможность открытия западного фронта союзникам. Но Вестфаль и Бласковиц поставили под сомнение ценность для них такого шага, если их всего лишь будут считать военными преступниками...» Генералы через фон Нейрата явно набивали себе цену: мол, капитулировать очень сложно, учитывая наличие преданных Гитлеру частей СС. К тому же в их войсках много выходцев из Восточной Пруссии, которые якобы готовы биться до конца, чтобы отомстить Советам за их уже оккупированную родину. Вестфаль говорил, что войска даже иногда отказываются выполнять приказы на отступление.

Из сообщения фон Нейрата Даллес и Донован сделали вывод, что можно добиться капитуляции немецких войск не только в Италии, но и на Западном фронте. Немцы готовы обсудить этот вопрос с представителями армии США. Но «предпосылкой такого обсуждения должны быть адекватные гарантии безопасности и личные заверения (генералам), что они не будут включены в список военных преступников и им будет предоставлено некое оправдание их акции, такое, например, как возможность помочь... в предотвращении ненужного разрушения Германии»^[141].

Фон Нейрат, прибыв Швейцарию и сообщив о своей беседе с генералами Даллесу, вызвался проинформировать о встрече с Бласковицем и фон Вестфалем Кессельринга. В депеше Рузвельту Донован приводит здесь особое мнение Даллеса: «Представитель УСС комментирует, что даже если фон Нейрат сможет получить доступ к Кессельрингу, не возбуждая подозрений со стороны СС и СД, он (фон Нейрат) должен делать это с величайшей осторожностью. Представитель УСС сомневается, что фон Нейрат разболтает все это, так как на кону, по-видимому, стоит его собственная жизнь... Представитель описывает фон Нейрата как не слишком умного, но разумного и солидного человека... Если фон Вестфаль предпримет поездку в Италию, то он, вероятно, сможет провести там лишь очень короткое время не вызывая подозрений, так как Кессельринг уже стал предметом газетных слухов, которые могут привести к его ликвидации Гиммлером».

О готовности Кессельринга капитулировать сообщили 24 февраля 1945 года некоторые британские газеты (например, «Лондон Дейли Диспатч»). Заметим, что, начав сепаратные переговоры с немцами, американцы обманывали не только Москву, но и Лондон.

Далее в сообщении Рузвельту Донован приводит следующее мнение Даллеса: «Представитель УСС заявляет, что в то время как он не в состоянии предсказать свои шансы уговорить фон Вестфалья и Кессельринга одновременно открыть фронты в Италии и на Западе, он считает, что эти шансы достаточны для тщательного обдумывания этой идеи». Причем Даллес прекрасно понимал, что продолжение контактов означает измену принципу полной и безговорочной капитуляции Германии, согласованному всеми союзниками по Антигитлеровской коалиции. Поэтому он через Донована пытался убедить Рузвельта, что с политической точки зрения все нормально. «Он (т. е. Даллес. — *Примечание автора*) считает, что не будет политического торга или отхода от принципа безоговорочной капитуляции, если переговоры пройдут между американскими и упомянутыми выше германскими офицерами». Далее Донован приводил мнение штаба союзных войск на Средиземном море (Казерта, Италия), что переговоры с эмиссаром Кессельринга «возможны».

Весьма примечательно, что УСС почему-то не проинформировало о своих контактах с фон Нейратом англо-американское командование на Западном фронте, который был для союзников гораздо более важным, чем итальянский^[142]. Видимо, Даллес и Донован полагали, что капитуляция немцев в Италии может быть выдана за частичную, в то время как сдача вермахта на Западе уже никак не может быть согласована без

представителей советского командования. Русских же решили не привлекать, так как было понятно, что они потребуют капитуляции всех сил вермахта на всех фронтах. К тому же СССР был не готов (и Даллес это прекрасно понимал) освободить немецких генералов от ответственности за совершенные ими военные преступления.

Между тем 28 февраля 1945 года на совещании Вольфа и его приближенных было решено послать в Швейцарию на предварительную встречу Дольмана. На совещании присутствовал начальник СД в Италии группенфюрер Харстер. Как выяснилось впоследствии, он тут же доложил о происходящем своему прямому начальнику, главе РСХА Кальтенбруннеру.

В первых числах марта 1945 года Парилли вернулся в Швейцарию уже с Дольманом и Циммером. 3 марта в одном из ресторанов Лугано Вайбель устроил встречу немцев с доверенным сотрудником Даллеса Полом Блюмом.

Блюм руководил отделением X 2 в Швейцарии. До этого он возглавлял контрразведку УСС в Лиссабоне. Блюм родился в Японии в семье американки и француза. Окончил Йельский университет и занимался внешнеторговыми операциями. Прекрасно говорил по-французски и собирал предметы восточного искусства.

Из беседы с Дольманом (она продолжалась 20 минут) Блюм сделал вывод, что он действительно представляет Вольфа (хотя впрямую Дольман этого не сказал). Американцы потребовали, чтобы Дольман и Вольф в подтверждение своих намерений и реальной власти освободили двух арестованных участников итальянского подполья — Ферруччо Парри и Антонио Усмани.

Через несколько дней (8 марта), к удивлению Даллеса, Циммер доставил обоих на итало-швейцарскую границу, а Вайбель спрятал их в частной клинике в Лугано. Переход границы во всех случаях обеспечивал Вайбель.

После этого Даллес пошел на прямой контакт с Вольфом. Утром 8 марта 1945 года Вольф прибыл в Швейцарию, в Лугано, в сопровождении Дольмана, Циммера и своего адъютанта штурмбаннфюрера СС Ойгена Веннера. Оттуда немцы отправились поездом в Цюрих с большими предосторожностями, так как в Швейцарии было довольно много людей, которые знали в лицо и Вольфа, и Дольмана. Немцев сопровождал Вайбель. По прибытии Вольф передал для Даллеса своего рода «верительные грамоты» — справку о себе и длинный список своих действий за последний год, которые должны были свидетельствовать о его

приверженности идее скорейшего завершения войны.

Перед встречей с Вольфом Даллес решил обезопасить себя, и 8 марта через Donovan был поставлен в известность Рузвельт: «Обегруппенфюрер и генерал войск СС Карл Вольф, командующий силами СС и полиции в Италии, а также представитель германского высшего командования, предположительно из штаба генерала Кессельринга, прибыли в Лугано, Швейцария утром 8 марта. Они якобы готовы дать окончательные заверения относительно прекращения германского сопротивления в Северной Италии. Представитель УСС в Берне полагает, что если Вольф действительно сотрудничает с Кессельрингом, то два генерала могут организовать безоговорочную капитуляцию (в Италии. — *Примечание автора*). Для успешной капитуляции нужна абсолютная секретность, и представитель УСС готов обеспечить при полной секретности приезд в Швейцарию в гражданской одежде уполномоченных представителей Главного союзного командования на Средиземном море.

Неясно, является ли этот шаг (т. е. приезд Вольфа. — *Примечание автора*) отдельным от переговоров фон Нейрата... но представитель УСС считает, что они могут слиться воедино в том, что касается ситуации в Северной Италии. Вольфа сопровождает штандартенфюрер Дольман, который ранее утверждал, что представляет Кессельринга, Рана, Вольфа и Харстера. Дольман и его помощник Циммерн (на самом деле — Циммер. — *Примечание автора*) установили не прямой контакт с представителем УСС 2 марта и обещали вернуться 8 марта с полномочиями и окончательными предложениями. Ранее Дольману сделали предложение, чтобы он привез с собой важного итальянского партизанского лидера как доказательство доброй воли и готовности действовать. Дольман, по сообщениям, привез с собой Ферруччио Парри^[143], лидера Объединенного северного командования итальянских патриотов».

В 10 часов вечера 8 марта Даллес и Вольф впервые встретились на конспиративной квартире УСС в Цюрихе (беседа продолжалась примерно час).

Вольф сразу же заявил, что считает военное поражение Германии неизбежным, готов предоставить в распоряжение американцев все подчиненные ему силы СС, оказать влияние на Кессельринга, как командующего войсками вермахта в Италии, и обеспечить приезд Кессельринга или его заместителя в Швейцарию. Вольф подчеркнул, что действует совершенно независимо от Гимmlера и Гитлера и втайне от них. Даллес, в свою очередь, заявил, что речь может идти только о полной капитуляции всей немецкой группировки в Италии и что эти переговоры

никоим образом не означают нарушения обязательств союзников перед СССР, как членом антигитлеровской коалиции. По утверждению Даллеса, он очень опасался, что миссия Вольфа может оказаться провокацией с целью поссорить Сталина с англо-американцами. При этом перспективу без боя овладеть Северной Италией Даллес считал чрезвычайно важной не только в военном отношении. Такая быстрая победа позволила бы американцам опередить Красную армию на юго-востоке Европы и, таким образом, расширить здесь зону своего послевоенного влияния.

По итогам переговоров с Вольфом Даллес через Donovan сообщил Рузвельту, что Кессельринг еще не готов к капитуляции, но Вольф попытается его убедить и будет оставаться в контакте с УСС^[144]. Понимая, что такое СС, Даллес пытался обелить Вольфа, чтобы оправдать свои встречи с ним: «Вольф — незаурядная личность^[145], и доказательства (какие? — *Примечание автора*) свидетельствуют о том, что он представляет умеренные элементы войск СС. В нем есть доля романтики. Он, вероятно, самая динамичная личность в Северной Италии и, после Кессельринга, самая мощная.

Вольф заявил, что пришло время, когда некоторые немцы, облеченные властью, должны вывести Германию из войны для того, чтобы прекратить бесполезное уничтожение людей и материала. Он говорит, что желает действовать и думает, что может убедить Кессельринга сотрудничать и что они вдвоем контролируют ситуацию в Северной Италии. Что касается СС, Вольф говорит, что он контролирует еще и Западную Австрию... Вольф утверждает, что совместная его акция с Кессельрингом поставит Гитлера и Гимmlера в безвыходное положение, и они не смогут предпринять контрмеры, типа тех, которые были предприняты во время кризиса 20 июля (1944 года. — *Примечание автора*). К тому же Вольф чувствует, что его совместная акция с Кессельрингом может иметь жизненно важные последствия для всей германской армии, прежде всего, на Западном фронте, так как многие генералы только и ждут, чтобы кто-нибудь начал. Вольф не высказывал просьб относительно своей личной безопасности или привилегированного отношения к нему с точки зрения статуса военного преступника.

Вольф предполагает следующий порядок своих действий:

(1) Он встретится с Кессельрингом в конце недели 10 марта, для того, чтобы получить от него окончательное согласие принять участие в акции. Вольф говорит, что у него максимально тесные личные отношения с Кессельрингом на протяжении многих лет, и дал понять, что главной

проблемой Кессельринга является примирить такую акцию с его присягой... Тем не менее Вольф верит, что его можно перетянуть на вою сторону, дав понять всю бессмысленность дальнейшей борьбы...

(2) С Кессельрингом Вольф составит призыв, который они подпишут... В призыве будет содержаться констатация бесполезности продолжения борьбы и ответственность подписантов перед немецким народом за ее прекращение. В воззвании будет содержаться призыв к военачальникам, в частности, и к немецкому народу в целом освободиться от контроля со стороны Гимmlера — Гитлера и будет сформулировано прекращение военных действий в Северной Италии.

(3) Вольф подготовит передачу этого воззвания... по радио...

(4) Если Кессельринга удастся убедить, Вольф думает, что он и Кессельринг тайно придут в Швейцарию в течение недели, чтобы встретиться с представителями военного командования союзников и скоординировать чисто военные шаги по капитуляции с воззванием...»^[146]

Вольф, по сообщению Даллеса, утверждал, что «Гимmlер ничего не знает о его нынешней активности. Он (Вольф) видел Гимmlера и Гитлера в начале февраля и в общих чертах обрисовал им безнадежность положения в Северной Италии, но не получил от них окончательных указаний. Представитель УСС не взял на себя никаких обязательств, лишь выслушав речь Вольфа и заявив, без возражений со стороны Вольфа, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции».

Донован рекомендовал Рузвельту направить в Швейцарию на переговоры с немцами представителей Союзного командования на Средиземном море.

После встречи с Даллесом Вольф оставил Геверницу краткий план своих действий в обеспечение будущей капитуляции и 9 марта вернулся в Италию. Здесь он получил вызов от начальника РСХА Кальтенбруннера — тому после доноса Харстера явно не понравилось, что Вольф ездил в Швейцарию без его ведома. Вольф уклонился от встречи, сославшись на неотложные дела. Чтобы иметь оправдание перед Гимmlером и Кальтенбруннером по поводу контактов с противником, Вольф задним числом придумал легенду: он собирался похлопотать перед американцами об освобождении из плена оберштурмбаннфюрера СС Макса Вюнше, любимца Гитлера^[147]. Этим он мог бы объяснить и внезапное освобождение Парри и Усмани. Вольфа ждала и другая новость: Кессельринг 8 марта выехал в Берлин в Ставку Гитлера по срочному вызову.

Даллес и Геверниц после бессонной ночи вернулись утром 9 марта в бернский офис УСС и составили доклад в штаб союзного командования в Казерте (Италия). Даллес предложил подготовить нескольких офицеров достаточно высокого уровня к переговорам с Кессельрингом. В этот же день появилось название операции — «Восход солнца», символизирующее надежду на крупный успех.

12 марта британский фельдмаршал Александер, Верховный главнокомандующий союзными войсками на Средиземном море, информировал советскую сторону о прибытии представителей германского командующего войсками в Италии для обсуждения условий капитуляции. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов высказался за участие СССР в этих переговорах, однако дипломатические ведомства США и Великобритании ответили жестким отказом. Даллес объяснил позднее, что участие советского представителя было бы сложно обеспечить чисто технически: выдать его за американца или англичанина было бы очень трудно, а придумать какую-нибудь правдоподобную легенду для приезда в Швейцарию советского генерала или старшего офицера — вообще почти невозможно. Ведь СССР и Швейцария на тот момент не имели дипломатических отношений.

Но это были отговорки. На самом деле Рузвельт и Черчилль, обсудив начавшиеся переговоры в Швейцарии, пришли к выводу, что русским нечего там делать. Ведь речь идет о возможной капитуляции немцев на отдельном участке Западного фронта, где советских войск нет. Мол, в Швейцарии осуществляются всего лишь предварительные контакты, а для подписания капитуляции немцев доставят в Казерту и там на церемонии подписания советские офицеры вполне могут присутствовать.

Получив подобное объяснение, Молотов уже через 24 часа (17 марта) прислал протест и потребовал, чтобы контакты с немцами в Швейцарии были прерваны. В этот же день Парилли сообщил, что Вольф вернется в Швейцарию через два дня и привезет подробный план капитуляции.

Тем временем в Швейцарию инкогнито прибыли представители союзного командования — заместитель начальника штаба войск союзников в Казерте американский генерал Лемнитцер и начальник разведки при штабе Александера генерал Эйри. Они въехали в страну по документам двух американских сержантов (сержанты «Никольсон» и «Макнили»), служащих УСС, поскольку благовидных предлогов для прибытия таких высокопоставленных военных в нейтральную страну не нашлось.

Переговоры с немцами решено было продолжить в Асконе, в уединенном имении зятя Геверница на берегу озера Лаго-Маджоре, в

нескольких километрах от итальянской границы. Туда на всякий случай стянули довольно большую группу сотрудников УСС, они прибывали из Берна порознь, по два-три человека. У вашингтонского руководства появились было опасения, что немцы могут организовать нападение на это место с воды или с воздуха — они ведь похитили Муссолини в 1943 году и пытались похитить Эйзенхауэра в 1945 году. Даллесу пришлось убеждать руководство, что противник ради похищения одного-двух генералов не станет отягощать свое и без того тяжелое положение прямым нарушением нейтралитета Швейцарии. В любом случае УСС обеспечило надежную охрану поместья, а швейцарцы постоянно патрулировали акваторию озера.

Опасения Донована были не столь уж и беспочвенными, если вспомнить, что Шелленберг организовал похищение двух британских разведчиков с территории нейтральных Нидерландов в ноябре 1939 года.

Со времени первого визита Вольфа произошло важное событие: Кессельринг получил новое назначение и уехал из Италии на Западный фронт, сменить фон Рундштедта на посту командующего. За этим Кессельринга и вызывали в Берлин. Место Кессельринга 15 марта 1945 года занял генерал-полковник Генрих фон Фитингхоф^[148], за которого Вольф не мог ручаться в той же степени, как за Кессельринга, хотя и был с ним в хороших отношениях. Фитингхоф был аполитичным генералом старой прусской закалки, безоговорочно преданным долгу и присяге. Вольф никогда не посвящал его в свои намерения и вообще не заговаривал с ним о капитуляции.

13 марта 1945 года Донован сообщил Рузвельту о том, что Кессельринга отозвали в Ставку Гитлера, но Вольф ждет его обратно через три дня, хотя возможно, что «он не вернется вовсе». Поэтому встреча с представителями союзного военного командования откладывается (оба генерала из Казерты уже прибыли в Лион 13 марта). Даллес сообщал со ссылкой на Вольфа, что тот получил от Кальтенбруннера указание избегать контактов с союзниками, так как это мешает планам самого Кальтенбруннера. Шеф РСХА сам искал контактов с Западом через Харстера и фон Нейрата. Причем, по данным американцев, у Харстера и Кальтенбруннера была санкция Гимmlера. В конце февраля 1945 года через некоего «австрийского промышленника» поступила информация, что Кальтенбруннер ищет контактов с союзниками в Швейцарии. Якобы шеф РСХА утверждал, что они с Гимmlером полны решимости уничтожить «нацистских злодеев»^[149].

Гимmlер пытался выйти на контакт с американцами и через

Шелленберга. 16 марта 1945 года Donovan сообщил Рузвельту со ссылкой на Даллеса, что готовится встреча Гиммлера с уходящим в отставку президентом Красного Креста швейцарцем Карлом Буркхардтом^[150] Даллес полагал, что Кальтенбруннер «приторморзил» Вольфа именно с учетом возможной встречи Буркхардт — Гиммлер.

Таким образом, и Гиммлер, и Шелленберг, и Кальтенбруннер, и Вольф в принципе действовали сообща. Трудно предположить, что все это происходило в тайне от Гитлера. «Фюрер» был вполне готов перебросить войска с Западного фронта на восточный, чтобы не дать Красной армии взять Берлин.

Утром 19 марта 1945 года в Швейцарию снова приехал Вольф в сопровождении Веннера и Циммера. Гюсман, Геверниц и Вайбель встретили их и доставили в Аскону с еще большими предосторожностями, чем раньше. Предполагалось, что Кальтенбруннер пристально следит за перемещениями Вольфа. Дольман остался в штабе Вольфа контролировать обстановку.

Встреча на этот раз проходила в три этапа. В первой половине дня 19 марта с Вольфом беседовали Даллес и Геверниц. После обеда к ним присоединились Лемнитцер и Эйри. Даллес представил генералов Вольфу как своих военных советников, не называя имен и чинов. Перед отъездом Даллес еще раз кратко побеседовал с Вольфом.

Английский и американский генералы никак не хотели пожимать руку Вольфу, и Геверниц придумал следующий ход. Вольф входил в комнату, разделенную столиком, вокруг которого сложно было протиснуться. На обратной стороне столика располагались генералы союзников. Геверниц полагал, что тем самым рукопожатие отпадет само собой. Однако Вольф все же обошел столик, протянул руку Эйри и тому пришлось пожать ее^[151].

На второй встрече рассматривались возможные варианты действий в создавшейся обстановке: Вольф либо прямо обращается к Фитингхофу и пытается убедить его капитулировать, либо действует через Кессельринга, либо рассчитывает только на свои силы. Последний вариант был явно самым слабым. Вольфу в Италии непосредственно подчинялись около 50 тыс. человек, из них — только около 10 тыс. боевого состава почти без тяжелого вооружения. Эти войска занимали некоторые важные позиции, но были рассредоточены, к тому же состояли большей частью из национальных (то есть немемецких) частей СС.

Остановились на втором варианте. Вольф просил отложить на несколько дней планируемое наступление союзников в Италии, чтобы

успеть съездить к Кессельрингу и поговорить с ним. Дело осложнялось тем, что Кессельринг из Берлина убыл сразу к месту нового назначения, даже не заехав в Италию попрощаться с Муссолини и со своим штабом. Также Вольф сообщил Даллесу, что Кальтенбруннер тоже ищет контактов с союзниками и «не потерпит соперничества». В течение пяти — семи дней Вольф обещал добиться, чтобы Кессельринг повлиял на Фитингхофа. Вольф обязался в пределах своих полномочий ограничить антипартизанские и карательные мероприятия в Северной Италии, постараться не допустить реализации тактики выжженной земли в Италии и сохранить жизнь политзаключенным.

Донован продолжал держать в курсе тайных переговоров с немцами Рузвельта. В меморандуме на имя президента от 21 марта 1945 года глава УСС, в частности, сообщал, что: «Вольф выглядел решительным, и те, кто имел плотный контакт с Вольфом с того времени, когда он впервые появился десять дней тому назад, склонны верить в его искренность добиться немедленной немецкой капитуляции (в Италии)». Однако отзыв Кессельринга коренным образом поменял его конкретные планы. Ему либо придется иметь дело с фон Фитингхофом (если союзники дают ему менее недели), либо поехать к Кессельрингу на западный фронт. При этом сам Вольф так и не смог увидеться с Кессельрингом после своей первой встречи с Даллесом.

Если фон Фитингхоф откажется капитулировать, то Вольфу, отмечал Донован, придется действовать в одиночку, а сил у него мало и они очень разношерстные: 15 тысяч немцев, 20 тысяч коллаборационистов из СССР («в основном донских и кубанских казаков и тюрков»), 10 тысяч сербов, 10 тысяч словенцев, 5 тысяч чехов, Индийский легион и 100 тысяч итальянцев (последние были практически небоеспособны). «Вольф честно признал, что негерманские силы под его командованием не очень надежны...» Что касается самого фон Фитингхофа, то Вольф считал, что без поддержки других генералов тот побоится капитулировать.

Поэтому Вольф предложил срочно выехать на машине к Кессельрингу, убедить того капитулировать и в течение недели вернуться в Швейцарию с военными представителями штаба фельдмаршала.

Вечером 19 марта сам Вольф вернулся обратно в Италию.

Между тем в сепаратные переговоры западных союзников с немцами опять вмешалась Москва. Сталин опасался, что немцы, капитулировав в Италии, перебросят 1 миллион освободившихся солдат и офицеров на Восточный фронт. То, что «бернский инцидент» мог бы вбить клин между союзниками и тем самым послужить немцам, признавал и начальник

военного штаба Рузвельта адмирал Уильям Леги: «Открытый разрыв между Россией и ее англосаксонскими союзниками был бы тем единственным чудом, которое могло бы предотвратить быстрый коллапс германских армий»^[152].

22 марта 1945 года британскому послу в СССР была передана резкая нота по поводу сепаратных переговоров с Германией. Последовала оживленная переписка между Сталиным и Рузвельтом.

Сталин прямо обвинил союзников в сговоре с противником за спиной СССР. Рузвельт 24 марта отвечал в том смысле, что ничего особенного не произошло, речь шла только о чисто военном вопросе — капитуляции немецкой группировки в Италии, а Сталин дезинформирован своими дипломатами и разведкой.

Ответ Сталина 3 апреля был холодным и обстоятельным. Сталин перечислил все случаи, в которых, по его мнению, США и Англия затягивали решение важных для обороны СССР вопросов, при том что Советский Союз всегда делал все возможное, чтобы содействовать военным усилиям союзников, иногда даже в ущерб своим планам.

Советский лидер, в частности, писал президенту США: «Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей советского командования для участия в переговорах с немцами.

Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от

русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами...»^[153]

4 апреля уже серьезно больной Рузвельт (он тайно находился на лечении на курорте Хот Спрингс в Джорджии) сообщил Сталину: «Я не могу отделаться от чувства горького разочарования относительно Ваших информаторов, кто бы они ни были...» Черчилль между тем подзадоривал Рузвельта ни в коем случае не уступать русским, иначе те, мол, будут навязывать свою волю союзникам и в будущем.

В итоге незадолго до своей смерти Рузвельт отправил Сталину короткое послание примирительного толка (оно было получено в Москве 13 апреля, уже после смерти президента США 12 апреля 1945 года), в котором назвал бернский инцидент «отошедшим в прошлое» и «не принесшим никакой пользы».

Между тем 29 марта 1945 года Donovan сообщал Рузвельту, что от Вольфа пока нет никаких известий. По мнению Даллеса, Гитлер принял окончательное решение защищать Северную Италию. Но уже 1 апреля «Дикий Билл» писал в Белый дом, что Вольф «нашелся», и прислал в Швейцарию своего помощника Циммера. Вольф встретился с Кессельрингом, но тот отказался капитулировать на Западном фронте, потому, что он там «окружен чужаками». А вот фон Фитингхоф пусть капитулирует в Италии. Вольф вернулся от Кессельринга и попытался увидеться с фон Фитингхофом, но тот инспектировал фронт.

Между тем Вольфа вызвали в Берлин, и Гиммлер потребовал объяснений относительно контактов с союзниками. Вольф якобы ответил, что выполняет секретную директиву Гитлера о налаживании контактов с Западом... «Гиммлер приказал Вольфу подождать несколько дней, так как он хотел все обдумать»^[154]. Характерно, что ссылка Вольфа на некий секретный приказ Гитлера не вызвала у Гиммлера никаких сомнений. Но затем Гиммлер срочно выехал в Венгрию и приказал Вольфу получать указания от Кальтенбруннера. А тот, в свою очередь, приказал Вольфу прекратить контакты в Швейцарии и уехать из Италии.

Гиммлер в тот момент через Шелленберга сам активно искал контакты с Западом, и Вольф ему только мешал. 20 апреля 1945 года (в день рождения Гитлера, на котором рейхсфюрер присутствовал) Гиммлер провел

двухчасовую встречу в поместье своего доктора Керстена (недалеко от концлагеря Равенсбрюк) со шведским представителем Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром. Гиммлер предложил спасти 2700 узников концлагерей и переправить их в Швейцарию. Мазур угостил главного архитектора холокоста печеньем, сахаром и кофе, привезенными из Швеции (в Германии все это было дефицитом). Гиммлер утверждал, что никогда не был против «западных евреев», мол, лишь только восточные евреи (из Польши и СССР) являются деструктивным элементом. Глава СС предложил освободить 1000 женщин-евреек из Равенсбрюка при условии, что их «оформиат» как полек.

Но вернемся к «Восходу солнца». Приехав из Венгрии, Гиммлер приказал 1 апреля Вольфу ни в коем случае не покидать Италию. Видимо, рейхсфюрер хотел держать там «про запас» канал связи с американцами. Вольф через Парилли сообщил Даллесу, что его семью Гиммлер приказал перебросить в Зальцбург (подальше от линии фронта) и что он, Вольф, думает, что за ним следят. Поэтому он не может больше приезжать в Швейцарию.

В ночь на 1 апреля Вольф говорил с фон Фитингхофом, и тот якобы признал бесполезность дальнейшего сопротивления. Вольф просил у Даллеса еще 10 дней, чтобы «сдать Северную Италию» союзникам. Вольфу передали через Парилли, что капитулировать надо «быстро». Американцы опасались, что Красная армия быстро захватит Австрию и вступит в Италию с севера, где ее радушно встретят партизаны-коммунисты. Поэтому Даллес передал Вольфу, что дает ему «последнюю возможность действовать».

10 апреля 1945 года Донован сообщил Рузвельту, что фон Фитингхоф и Вольф затребовали от союзного командования текст капитуляции. Немцы требовали «военных почестей» и обещали не разрушать Северную Италию. Этот меморандум Донована оказался, последним, который получил Рузвельт об операции «Восход солнца». Но операция продолжалась и после кончины президента.

18 апреля эмиссар Вольфа Циммер прибыл в Лугано с собственноручно написанным Даллесу письмом Вольфа от 15 апреля, в котором тот выражал соболезнования по поводу смерти Рузвельта. По сути же Вольф сообщал, что фон Фитингхоф не готов капитулировать без предварительного одобрения Йодля^[155]. Письмо Йодлю должен был передать сам Вольф. Понимая, что Йодль безоговорочно предан Гитлеру, Вольф уговорил фон Фитингхофа не писать письма. 13 апреля Гиммлер позвонил Вольфу и приказал срочно прибыть в Берлин. Но к тому времени

Северная Италия была практически отрезана от Германии советскими и американскими войсками, и Вольф ответил Гиммлеру отказом, отправив с курьером письмо. В нем он предложил рейхсфюреру самому приехать в Италию и через его, Вольфа, каналы договориться с союзниками.

Гиммлер получил письмо Вольфа 15 апреля и несколько раз звонил ему, требуя прибытия своего бывшего помощника в Берлин. Характерно, что Вольф все-таки решил съездить в Берлин, что означало, что он вовсе не боялся за свою жизнь. Даллес считал, что в Берлине Вольф сможет добиться капитуляции вермахта в Италии.

Но давление Москвы и нерешительность (а вернее сказать — трусость) самого Вольфа все же сорвали «Восход солнца». 20 апреля 1945 года (когда Гиммлер встречался с представителем Всемирного еврейского конгресса) высший военный орган США — Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) — распорядился прекратить контакты с немцами в Швейцарии. Военные обосновали свое решение двумя причинами:

— главнокомандующих немецких войск в Италии (фон Фитингхоф) не готов капитулировать «на приемлемых условиях»;

— «трудностями, которые возникли по данному вопросу с русскими, ввиду которых правительства Соединенных Штатов и Великобритании решили прервать контакты (с Вольфом)»^[156].

Между тем сам Вольф прибыл в Берлин 16 апреля и имел беседы с Гиммлером, Кальтенбруннером и Гитлером. Он преспокойно вернулся в Италию 19 апреля (через пару дней Красная армия вышла на окраины Берлина) и 21 апреля получил от фон Фитингхофа заверение в полной поддержке плана капитуляции. Но 23 апреля эмиссар Вольфа в Швейцарии услышал от Даллеса в присутствии офицеров швейцарской разведки, что вся тема утратила интерес для союзников. Вольф все же прибыл в Швейцарию, но Даллес от встречи с ним отказался, и Вольфу пришлось 25 апреля вернуться в Италию. Там фактически началось всеобщее восстание, и партизаны-коммунисты брали власть в свои руки. Смысла в формальной капитуляции и так разложившихся немецких войск на итальянском театре военных действий уже не было.

Таким образом, вся операция «Восход солнца» не имела никаких практических последствий, но вызвала большое недоверие между Москвой и Вашингтоном. Получается, что это был успех не Даллеса, а немцев (хотя и сильно запоздавший).

Между тем Даллес до самого конца войны все никак не мог отделаться от авантюристической нотки в своей работе, к которой помаленьку уже

привыкли в Вашингтоне. «110-й» по-прежнему активно работал с правыми кругами Германии, чтобы не допустить прихода к власти в освобожденной от нацизма стране левых сил.

В конце марта 1945 года на Даллеса вышел немецкий дипломат Хайнц Адольф Хайнтце, имевший, по его словам, хорошие связи с имперским наместником Баварии Риттером фон Эппом. Якобы Эпп был готов поднять восстание в Баварии против Гитлера, опираясь на командующего VII военным округом генерала Карла Крибеля. В заговор бы посвящен и кардинал Баварии Фаульхабер, с помощью которого окружение Эппа пыталось завязать контакты с Ватиканом.

Когда в Вашингтоне получили телеграмму Даллеса относительно фон Эппа, то всем показалось, что известный своим азартом Даллес на сей раз зашел уже слишком далеко в контактах с врагом. Фон Эпп был известен как один из самых активных милитаристов и сторонников нацизма еще в 20-е годы, когда Гитлера многие не воспринимали всерьез. Не зря фюрер доверил ему после 1933 года управление родиной национал-социализма — Баварией.

Даллес признавал в своих шифровках, что фон Эпп и его люди — это крайне правые националистические элементы с запятнанной репутацией. Но они-де готовы на борьбу против Гитлера и Гимmlера и могут тем самым ослабить сопротивление вермахта и СС в Баварии. Одновременно наученный горьким опытом Даллес запросил формальную директиву УСС по поводу «отношений с мерзавцами», которые могут оказаться полезными.

Но не дожидаясь ответа и зная склонность Донована к эффективным операциям, Даллес попытался припугнуть шефа (а заодно и выгородить себя) все тем же фиктивным «альпийским редутом». Мол, игра с Вольфом (Италия), фон Эппом (Бавария) и даже с венцем Кальтенбруннером (Австрия) — все это звенья мощной операции по предотвращению создания «альпийской крепости».

Кроме того, даже если путч фон Эппа и не удастся, окружение баварского наместника будет снабжать американцев полезной информацией.

Геверниц встретился с Хайнтце, и тот охарактеризовал фон Эппа как «добротого католика» и офицера старой баварской школы, который готов немедленно ударить по СС в Баварии^[157]. То, что фон Эпп был известным антисемитом и духовным отцом первого нацистского концлагеря в Дахау, Даллеса не смущало.

Даллес описывал в Вашингтоне свою игру с фон Эппом как «хороший риск» (good gamble). Он предложил высадить в райне Мурнау (юг Баварии)

американского радиста для связи с группой фон Эппа.

Окружение фон Эппа действительно снабжало американцев информацией, которая сплошь оказалась ложной, но зато подкрепляла химеры Даллеса относительно «альпийской крепости» (и тем самым заодно и давала алиби для продолжения контактов с Вольфом). Например, Даллес передал в Вашингтон информацию фон Эппа о том, что Верховное командование вермахта переводится в Бад-Райхенхалль (баварские Альпы), а МИД Германии — в Бад-Гаштайн. В самом же «альпийском редуте» уже якобы находятся 6 тысяч солдат войск СС.

Между тем 27 апреля 1945 года в Баварии действительно произошла попытка переворота, только вот фон Эпп предал восставших. Мятеж поднял командир роты переводчиков VII военного округа капитан Руппрехт Гернгросс, назвавший свое движение «Акция свободы Баварии». Мятежники (они носили на рукаве бело-голубую повязку в цветах баварского флага) с помощью танкового отряда майора Брауна захватили два радиопередатчика и обратились к гражданам с воззванием из 10 пунктов. Первый говорил о «ликвидации кровавого господства национал-социализма». Еще один пункт напрямую касался фон Эппа и ему подобных — «устранение милитаризма».

Свою операцию восставшие назвали «охотой на фазанов». «Фазанами» в Германии в народе презрительно называли высших чинов НСДАП за коричневую форму с золотыми позументами.

Через адъютанта фон Эппа майора Карачиола восставшие вышли на самого фон Эппа. Им срочно нужна была фигура лидера, которого все бы знали. Фон Эпп колебался и решил заручиться поддержкой военного коменданта Мюнхена генерала Греслера. Но того не было на месте, а его заместитель генерал Майерхофер назвал восставших «свиньями». Этого было достаточно, чтобы «добрый католик» фон Эпп твердо встал на сторону нацистов.

Баварский гауляйтер НСДАП Пауль Гислер (вскоре назначенный министром внутренних дел вместо Гимmlера) с помощью частей СС быстро подавил восстание. Гернгросс смог скрыться, однако были убиты многие сторонники выступления, включая членов семей (всего примерно 40 человек).

30 апреля 1945 года американские войска вошли в Мюнхен.

Даллес, анализируя провал восстания, писал в Вашингтон, что 77-летний фон Эпп просто устал и хотел на покой.

Что касается борьбы против саботажа и шпионажа на территории США во время Второй мировой войны, то все эти темы основательно

подмял под себя директор ФБР Гувер. В годы военного лихолетья этот человек активно занимался тремя вопросами:

- борьба против коммунистов и вообще всех «красных»;
- активный пиар собственной персоны по любому поводу;
- жесткое противодействие попыткам других американских спецслужб проникнуть в компетенцию ФБР.

Борьба против нацистских шпионов была для Гувера даже не на четвертом, а на последнем месте в шкале его приоритетов.

Директор ФБР добился практически всего, чего хотел с помощью своего проверенного метода — он собирал компромат на конгрессменов, министров и даже самого президента Рузвельта. Излишне говорить, что все это противоречило законам США.

Особенно ненавидел Гувер левонастроенную супругу президента Элеанор Рузвельт, которую он считал настоящим идейным вдохновителем «нового курса» Рузвельта. В январе 1942 года агенты ФБР тайно проникли в нью-йоркский офис Американского молодежного конгресса (American Youth Congress) и сфотографировали переписку Элеанор Рузвельт с этой организацией. Директор ФБР приказал доставить ему фотокопированные материалы лично в руки, чтобы не оставлять «бумажного следа» при официальной пересылке материалов в штаб-квартиру ФБР^[158].

В декабре 1942 года ищейки Гувера, опять-таки незаконно, проникли в штаб-квартиру Международной студенческой службы (International Students Service). По материалам просмотра скопированных там материалов Гуверу было доложено, что «миссис Рузвельт» просила литовских делегатов в этой организации «прекратить осуждение русской агрессии и зверств в Литве»^[159]. А это, с точки зрения ФБР, было прямым повторением пожеланий «русской делегации».

Гувер, таким образом, лихорадочно искал доказательства сотрудничества «первой леди» с левыми организациями, которые все якобы были советской агентурой в США. Между тем Элеанор Рузвельт просто делала все, чтобы избежать ненужных во время войны трений между главными державами антигитлеровской коалиции. То же самое, кстати, делал и Сталин, который в 1943 году распустил Коминтерн и дал указание компартии США всецело поддерживать Рузвельта.

На юге США агенты ФБР с возмущением докладывали известному расисту Гуверу^[160], что негритянские женские организации основали «Клуб Элеанор Рузвельт» с согласия супруги президента.

Гувер дал указание тайно собирать материалы о якобы развивавшейся

любовной интриге Элеанор Рузвельт с Джозефом Лашем^[161]. Лаш уже просто-напросто по своей биографии был врагом Гувера. Мало того, что он был сыном евреев-эмигрантов из России, он еще вступил в 1930 году в Социалистическую партию Америки, а в 1937 году он уехал в Испанию, где агитировал в поддержку республиканцев. В 1939 году комитет Дайса по расследованию антиамериканской деятельности вызвал Лаша для дачи показаний относительно упоминавшегося выше Американского молодежного конгресса. Конгресс подозревали в подрывной коммунистической деятельности.

То, что Лаш в 1939 году осудил договор о ненападении между Германией и СССР и стал критиком Советского Союза, Гувера мало интересовало. Лаш, с его точки зрения, оставался «красным». В годы войны Лаш попытался устроиться на службу в военно-морскую разведку, но его не взяли (с подачи ФБР) как «опасного элемента». Тогда он добровольцем пошел в армию, и Гувер вместе с военной разведкой (MID) стал отслеживать все контакты Лаша с Элеанор Рузвельт (они обменивались оживленной почтовой корреспонденцией).

Хитрый бюрократ, Гувер содержал досье на Элеанор Рузвельт под грифом «Джозеф Лаш», для того чтобы при необходимости отрицать слежку за «первой леди». Мол, она случайно попала в поле зрения ФБР, которое всего лишь наблюдало за «опасным» Лашем.

В апреле 1943 года Элеанор Рузвельт обнаружила, что военная разведка следила за ней во время ее визита в Чикаго в марте того же года. Она пожаловалась помощнику мужа Гарри Гопкинсу и председателю ОКНШ Джорджу Маршаллу^[162]. Маршалл приказал военной разведке уничтожить все собранные на жену президента материалы, но там приказ проигнорировали и передали досье Гуверу.

Еще с февраля 1943 года агенты военной разведки и ФБР незаконно читали переписку Лаша с Элеанор Рузвельт и его невестой Труд Пратт. Прослушивались и отели, где проходивший военную службу Лаш встречался с этими женщинами. Надо было найти доказательства сексуальных контактов Лаша с Элеанор Рузвельт, чтобы потом передать эти данные невесте и спровоцировать грандиозный скандал, а по возможности и развод самого Рузвельта. Правда, агенты Гувера нашли лишь доказательства любовных контактов Лаша с его невестой.

Когда Рузвельт узнал, что военная разведка следит за его женой, он хотел ее распустить. Президент приказал немедленно послать всех, кто имел отношение к этим незаконным действиям, «на Тихий океан на войну

против япошек и держать их там, пока не убьют»^[163].

Дело в том, что к тому времени брак Рузвельтов превратился в дружеское партнерство, и оба его члена имели любовные связи на стороне (причем Элеанор, судя по всему, предпочитала женщин). Но президент очень высоко ценил интеллект своей жены и советовался с ней по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, что, собственно, и не нравилось Гуверу.

В то же время Рузвельт терпел Гувера, несмотря на его махровые расистские и реакционные взгляды, потому, что Гувер оказывал президенту самые разные (и тоже незаконные) услуги. Когда родственник президента Кермит Рузвельт^[164] совсем сильно запил и связался с одной подозрительной особой, подхватив венерическое заболевание, Гувер тайно организовал его лечение и позаботился о том, чтобы ненужный любовный роман прекратился.

Что касается прямой работы Гувера, то еще в 1934 году президент США поручил ФБР следить за нацистскими организациями в Америке, чтобы выявить их связь с иностранными правительствами. Но Гувер добился расширения полномочий, и в 1936 году президент и госсекретарь уже приказали ему отслеживать не только нацистские, но и коммунистические группы с точки зрения их угрозы национальным интересам США.

26 июня 1939 года Рузвельт своим указом передал в ведение ФБР контрразведку и борьбу с иностранным саботажем на территории США. В сентябре 1939 года президент дал полномочия ФБР по проведению следствия по всем делам, затрагивающим национальную оборону, шпионаж, саботаж и нарушение нейтралитета США в войне.

Несмотря на то что Рузвельт вполне резонно считал главными врагами Америки Германию, Японию и Италию, Гувер продолжал и после начала Второй мировой войны в Европе охотиться за «красными». Его методы с начала 20-х годов тоже не изменились.

В начале 1940 года, воспользовавшись антисоветской истерией в американских СМИ в связи с советско-финской войной, агенты ФБР произвели показательные аресты левонастроенных американцев, которые в 1937 году набирали добровольцев в Испанию для борьбы против Франко. Причем людей «брали» ночью в присутствии СМИ и заковывали в наручники. Почему надо было вообще арестовывать этих людей в 1940 году и в чем, собственно, было их преступление, Гувер так внятно и не объяснил.

В конгрессе США стали обвинять ФБР в использовании методов гестапо, раздались требования отправить Гувера в отставку. Особенно, правда, обидело Гувера сравнение газетой «Нью Рипаблик» методов работы ФБР с... НКВД. Сенатор от Небраски Норрис назвал Гувера «величайшим охотником за популярностью на Американском континенте»^[165]. Если вовремя не остановить Гувера, говорил сенатор, то скоро он найдет шпиона за каждым пнем, а его агенты появятся в каждой американской квартире.

В ответ Гувер организовал тайную слежку за Норрисом и завербовал одного из сотрудников его аппарата, чтобы, как водится, найти на сенатора компромат и заставить его замолчать. Одновременно директор ФБР организовал выступления в свою защиту со стороны тех сенаторов и конгрессменов, которым он ранее оказывал всяческого рода услуги. Друзьями Гувера на Капитолийском холме были в основном южане, которым нравились откровенно расистские взгляды директора ФБР.

Конгрессмены озаботились и вопросом, почему при наборе в ФБР нарушаются положения о государственной службе. Дело в том, что Гувер набирал агентов согласно своим собственным представлениям, хотя в США существовала специальная комиссия с четко установленными критериями для конкурсного отбора кандидатов (в ФБР никакого реального конкурса не было — все решал директор).

Директор ФБР назвал попытки конгрессменов призвать его к порядку «грязной компанией», инспирированной, естественно, коммунистами. Как и всегда в случаях реальной опасности потерять свое кресло, Гувер немедленно организовал серию своих интервью и публичных выступлений на тему незаслуженно обиженного темными антиамериканскими силами героя-бессребренника.

Что касается отбора кандидатов в ФБР, то Гувер написал письмо в Палату представителей конгресса США, в котором, в частности, говорилось: «Я не хочу, чтобы бюро заполнили идиоты и некомпетентные люди, или лица с коммунистическими взглядами...»^[166] Судя по письму, против людей с нацистскими взглядами Гувер ничего не имел.

Несмотря на то что в 1940 году вермахт захватил почти всю Европу, Гувер все равно продолжал считать главным врагом Америки коммунистов. В сентябре 1940 года он утверждал в своей речи перед ежегодным съездом правой организации «Американский легион»: «То, что ФБР боятся те силы, против которых бюро и было создано, доказывает кампания клеветы и ненависти, управляемая против ФБР коммунистами, их попутчиками и

кликушами»^[167].

Через две недели (японцы как раз оккупировали французский Индокитай) Гувер говорил уже о разветвленной «пятой колонне» в Америке, но не нацистской, а, естественно, коммунистической. Для лучшего пиара Гувер обычно сравнивал «красных» с болезнетворными бактериями, проникшими в здоровый американский организм, или с собаками-дворнягами (mongrels).

Гувер решил шпионить даже за комитетом Дайса по расследованию антиамериканской деятельности, так как видел в его антикоммунистической «работе» конкуренцию самому себе. Ведь в 1940 году конгресс выделил ФБР 100 тысяч долларов на проверку госслужащих США на предмет их принадлежности к «подрывным» организациям. А Дайс хотел заниматься тем же самым.

Хотя любому здравомыслящему человеку в Америке после сентября 1939 года было понятно, откуда исходит угроза миру, у Гувера на сей счет было свое мнение. В феврале 1941 года ФБР арестовало сотрудника военно-морского атташата СССР в США, а 5 мая того же года с поличным взяли резидента советской разведки в США Гайка Овакимяна.

Гайк Бадалович Овакимян родился в 1898 году в Нахичевани (село Джагри Эриванской губернии). Вступил в члены ВКП(б) 1917 году, в 1921–1922 гг. — член коллегии ЧК Армении, в 1922–1923 гг. — ответственный секретарь Совнаркома Армении. В 1923–1928 гг. учился в МВТУ им. Баумана в Москве, затем (до 1931 года) — в аспирантуре Московского химико-технологического института имени Менделеева. Защитил кандидатскую диссертацию. Владел немецким, английским и итальянским языками.

С 1931 года перешел на работу в научно-техническую разведку. До 1933 года работал в Берлине. С 1934 года находился в США, работал в качестве инженера Амторга, защитил докторскую диссертацию. Был заместителем резидента советской разведки в США Гутцайта (Нью-Йорк), а с 1938 года — начальником резидентуры (псевдоним «Геннадий»).

Овакимян умело располагал к себе собеседника, обладал природным шармом, хорошо разбирался в англоязычной литературе. Еще в 1937 году в характеристике на своего подчиненного, направленной в Центр, Гутцайт, в частности, писал: «Геннадий является ведущим разведчиком резидентуры. Его отличают большое трудолюбие, продуманность всех действий и поступков, смелость и оперативность в выполнении заданий, что позволяло и позволяет ему добиваться положительных результатов в работе с источниками. Геннадий накопил большой опыт разведработы, обладает

хорошими организаторскими способностями и заслуженно стал для своих коллег авторитетом в оперативных вопросах»^[168].

В США Овакимян вел сеть Голоса, а также получал информацию от немецкого физика Клауса Фукса (о нем ниже). ФБР следило за ним практически с самого момента прибытия «Геннадия» в США.

К началу 1941 года от слишком интенсивной работы, по мнению Москвы, «Геннадий» достиг стадии полного изнеможения. Поэтому он получил приказ возвращаться в СССР. Чтобы не снижать результативности, Овакимяну в отдельные дни приходилось проводить до десяти встреч с различными источниками, и он возвращался домой полностью измотанным. Это неизбежно притупляло бдительность. Американская контрразведка смогла зафиксировать одну из встреч «Геннадия» с агентом «Октаном», перевербовала последнего и использовала его для захвата разведчика с поличным.

5 мая 1941 года Овакимян был арестован при получении от агента информации, заключен в тюрьму, а затем выпущен под залог (50 тысяч долларов) до суда без права выезда из страны. Надеяться ему было не на что: дипломатическим иммунитетом он не пользовался. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в те дни: «Хотя деятельность Овакимяна еще не совсем точно выяснена, судебные власти утверждают, что он является важным ключом для раскрытия русского шпионского гнезда в Америке».

Полпред СССР в Вашингтоне Уманский заявил официальный протест госдепартаменту США. Однако американцы поначалу никак не отреагировали. Лишь после нападения Германии на Советский Союз Овакимяну по личному указанию президента США Франклина Рузвельта было разрешено выехать на Родину, что он и сделал 23 июля 1941 года.

В своей борьбе против всех, кто ему не нравился, Гувер всегда меньше всего соблюдал американские законы. Главное было нарушать их так, чтобы никто не мог этого выявить.

Например, еще в 1934 году законом было запрещено прослушивание телефонных и радиопереговоров американских граждан. Однако министерство юстиции (которому Гувер формально подчинялся) по просьбе ФБР постановило, что к ФБР это почему-то не относится. Но Верховный суд США решил в 1937 году, что запрет на прослушивание действует и в отношении федеральной полиции. Однако и на этот вердикт Гувер не обращал внимания. Он лишь отдал по своему ведомству распоряжение не совершать прослушку без его прямого приказа.

Рузвельту, правда, такая наглая самостоятельность Гувера не очень понравилась, и 21 мая 1940 года он тайно приказал министру юстиции

Джексону лично давать предварительное «добро» на любое прослушивание телефонных переговоров в каждом конкретном случае. Джексон, однако, проиграл межведомственную склоку опытному аппаратчику Гуверу. В конце концов договорились, что «учет» случаев прослушки будет вести сам Гувер и информировать об этом Джексона в случае необходимости. На практике это означало, что Джексон (и его преемники) от всякого контроля самоустранились, и Гувер прослушивал кого хотел, а потом решал, хранить ли материалы прослушки для «отчетности» или просто уничтожить их.

Несмотря на то что конституция США строго запрещала шпионаж любых государственных органов против собственных граждан, Гувер использовал начало Второй мировой войны, чтобы заняться именно этим. 2 сентября 1939 года он отдал указание всем региональным офисам ФБР подготовить списки подозрительных граждан для возможного (в том числе и превентивного) ареста. Речь шла о «немцах, итальянцах и сторонниках коммунизма», а также обо всех других, «чьи интересы могут быть главным образом направлены на служение интересам иных государств, чем Соединенные Штаты». Такие расплывчатые формулировки позволяли завести досье практически на любого американца, например, если он сдавал деньги на помощь Красной армии или норвежским беженцам.

Списки (Custodial Detention Index) в уточненном варианте содержали «как иностранцев, так и граждан Соединенных Штатов, о которых есть информация, что их нахождение на свободе в этой стране в условиях войны или чрезвычайного положения может быть опасно для общественного спокойствия и безопасности Соединенных Штатов Америки»^[169]. Гувер прекрасно понимал, что творит, поэтому распорядился, чтобы списки были абсолютно секретными.

В июне 1940 года, когда немцы вошли в Париж, Гувер сообщил о своей «идее» списков для превентивного ареста (на самом деле списки уже были) министру юстиции, и тот согласился, правда, приказав своим людям проверить содержание этих списков. Но шеф ФБР решительно запротестовал: он мол, боится утечки информации к потенциальным шпионам и раскрытия источников информации самого ФБР. Пять месяцев шла ожесточенная бюрократическая война, которую опять выиграл Гувер: министерство юстиции могло анализировать любое лицо в списке только с предварительного одобрения директора ФБР. Министр юстиции также обязался не вносить соответствующий законопроект в конгресс — Гуверу было ясно, что он будет неминуемо провален и ему придется уйти в отставку (как минимум).

Преемник Джексона на посту министра юстиции Биддл в июле

1943 года решил, что списки Гувера «бессмысленны» — ведь никакой осязаемой «пятой колонны» в США замечено так и не было. Гувер «повиновался» — он просто изменил название списка на «Вопросы безопасности». Причем отныне списки «подозрительных» следовало держать в региональных офисах и не пересылать в штаб-квартиру ФБР. Так что в случае «провала» (то есть общественного разоблачения) Гувер всегда мог сказать, что его местные агенты «зарвались» без его ведома.

Что касается главной работы ФБР в военное время — противодействие шпионажу и саботажу, — то основная энергия Гувера была направлена на то, чтобы урвать побольше полномочий от всех других специальных служб США. Тем более что немцы и японцы своим вниманием США особенно и не докучали. Вся энергия немецкой разведки была направлена против СССР и Англии, даже после того, как Гитлер в декабре 1941 года объявил войну Америке.

Несомненным успехом ФБР следует считать разгром к 1941 году довоенной сети германской разведки в США. Хотя сама эта сеть во многом существовала на бумаге и занималась «очковтирательством», чтобы выбивать из Берлина деньги.

В 1939 году абвер смог внедрить в США бывшего музыкального издателя, активного австрийского нациста Георга Буша. Буш знал заместителя Канариса Лахузена^[170] еще по службе в австрийской разведке. Получив новое имя Юлиус Георг Бергман, Буш выдавал себя за австрийского предпринимателя с деловыми интересами в Румынии (против этой страны Буш по заданию Лахузена работал еще в разведке Австрии). Якобы из-за примеси еврейской крови «Бергман» после оккупации Австрии Гитлером был вынужден эмигрировать. Буш прошел разведывательно-диверсионную подготовку в абвере, его снабдили большой суммой денег, и он смог под новой фамилией легально получить американскую въездную визу.

В январе 1939 года «промышленник» обосновался в Нью-Йорке и купил для «крыши» лесопилку. Одновременно он без проблем приобрел взрывчатку и взрыватели и принялся конструировать бомбы для диверсионных акций.

Человек богемного склада, Буш был дилетантом в разведке. Он так и не смог никого толком завербовать. У него на лесопилке работал лишь один поляк («Майк»), который изготовлял самодельные бомбы, не представляя, для чего они нужны. Как-то во время этого «процесса» Буш прикурил, и взорвалась почти готовая бомба. Майк получил ожоги, но его хозяин почему-то не хотел показывать его врачу. Поляк заподозрил неладное и

стал шантажировать «Бергмана», требуя за молчание деньги. В результате Буш запаниковал и выплатил поляку частями все, что ему выделил абвер (более 1500 долларов). Но «Майк» не унимался, и в нарушение инструкции Буш запросил у Лахузена прислать ему телеграфом в Нью-Йорк деньги. Лахузен оказался не меньшим дилетантом, чем сам Буш, и прислал ему 500 долларов... на его настоящее имя (!).

Естественно, что денег ему не выдали, и Буш попросил Лахузена выслать ему средства на его нынешнюю фамилию. Но Лахузен не отозвался, и незадачливый шпион пришел за деньгами прямо в германское консульство в Нью-Йорке. Там о нем никто ничего не знал, и подозрительного визитера переадресовали в посольство в Вашингтоне.

Между тем в США, несмотря на весь пиар Гувера, был просто рай для шпионов. Даже бестолковый Буш смог познакомиться в порту с грузчиками, и те спокойно провели случайного знакомого на стоявшие в порту корабли. «Бергман» докладывал Лахузону, что если ему пришлют денег на взрывчатку, он легко сможет подорвать в гавани Нью-Йорка несколько британских или французских кораблей.

Между тем уставший, видимо, от назойливого агента Лахузен приказал Бушу 4 июня 1940 года вернуться в Германию. Но тот отказался и еще год жил, одалживая деньги, где только можно. Летом 1941 года, устав от безденежья, Буш явился с повинной в ФБР.

Между тем Лахузен уже увлекся другим «проектом».

Немец Оскар Карл Пфаус переселился в США после Первой мировой войны и сменил в Америке множество профессий — от ковбоя и лесника до журналиста^[171]. Его даже выдвигали на Нобелевскую премию мира за цикл статей о религиозной организации «Глобальное братство». Пфаус успел послужить в американской армии и поработать в полиции в Чикаго. Там же в 1938 году германский консул порекомендовал ему вернуться на родину, где Пфауса и завербовал абвер. 1 февраля 1939 года его направили в Ирландию под «крышей» корреспондента газеты «Франкфуртер Цайтунг» для организации сотрудничества с Ирландской республиканской армией (ИРА), активно боровшейся против англичан. Пфаус должен был с помощью ИРА организовывать теракты в Англии. Однако он не получил от абвера полномочий на передачу ИРА денег и оружия, чем изрядно расстроил ирландцев.

В январе 1939 года ИРА официально объявила войну Британской империи.

Вернувшись в Германию, Пфаус сообщил, что в Бостоне существует мощная подпольная ячейка ИРА во главе с бывшим начальником штаба

ИРА Шоном Расселом, который был вынужден эмигрировать в Нью-Йорк в апреле 1939 года. Пфаус встречался с Расселом в Ирландии в феврале 1939 года.

Сам Рассел планировал легально организовать в США антибританскую и проирландскую пропаганду, опираясь на миллионы американцев ирландского происхождения. Он был арестован Секретной службой США в Детройте во время визита в Америку британского короля Георга VI. Этот инцидент вызвал взрыв возмущения среди американских ирландцев, в том числе протест 66 членов конгресса ирландского происхождения. Они потребовали объяснений от Рузвельта, угрожая заблокировать церемонию приветствия короля в конгрессе.

Рассела выпустили под залог, и, чтобы выплатить его, он вышел на контакт с агентами абвера. Немцы смогли переправить его в Италию, и 4 мая 1940 года Рассел прибыл оттуда в Берлин. Там его попросили проинформировать об Ирландии агента абвера Германа Гертца, которого собирались забросить туда с парашютом. Но Рассел так и не успел увидеть Гертца до отлета его самолета из Касселя. 20 мая 1940 года Рассел приступил к тренировкам в подрывном деле на полигоне абвера в Квенцгуте (Бранденбург)^[172]. 8 августа 1940 года германская подлодка с Расселом на борту вышла из Вильгельмсхафена в Ирландию (операция «Голубь»). Но в море Рассел неожиданно стал жаловаться на боли в желудке. Врача на борту не было, и 14 августа лидер ИРА скончался в 100 милях от ирландских берегов. Его захоронили прямо в море.

Но все это весной 1939 года было еще в будущем. Вернувшись из Ирландии, Пфаус^[173] рекомендовал использовать американских ирландцев для терактов и саботажа в США, и Канарис с Лахузенем немедленно дали операции «зеленый свет».

На роль резидента отобрали австрийского предпринимателя Карла Франца Рековски (присвоив ему псевдоним «Рекс»). «Рексу» выдали огромную сумму (200 тысяч долларов)^[174] и приказали поддерживать связь через резидентуру абвера в Мехико. 6 июня 1940 года Рековски прибыл в США и быстро наладил связь с ирландцами. Те сразу же согласились взрывать оборонные заводы, работавшие на поставки в Англию и английские суда в американских портах. Агитировать ирландских националистов против Лондона не требовалось — те и так горели желанием насолить ненавистным британцам.

12 сентября по сообщению «Рекса» ирландцы взорвали пороховой завод в Кенвиле (штат Нью-Джерси), где погибло 50 человек. 12 ноября

взрывы прогремели на трех других военных заводах. «Рекс» послал Лахузену соответствующие вырезки из газет и в марте 1941 года попросил выделить для закупки взрывчатки еще денег.

Канарис похвалил работу агента, и через банки Южной Америки ему перевели в Мехико (где «Рекс» постоянно находился) 50 тысяч долларов. На самом деле никаких терактов не было, и «Рекс» посылал в Берлин газетные вырезки с описанием обычных производственных аварий. Правда, и самого Рековски надували его «северные друзья», как он называл ирландцев в донесениях в Берлин. Взрывчатку из Мексики в США «Рекс» отправить так и не смог, но он передал ирландцам инструкцию по ее изготовлению.

Уже через полгода после своего прибытия в Мексику «Рекс» стал жаловаться, что на его след вышла английская контрразведка. Он просил абвер переправить его подальше от США, например в Уругвай. Но Канарис приказал «Рексу» оставаться в Мексике, и тот успешно продолжал тянуть с абвера деньги в обмен на газетные вырезки.

Однако самый крупный провал для германской разведки был еще впереди.

Немец Уильям Зебольд служил в германской армии во время Первой мировой войны и в 1921 году выехал в США, спасаясь, как многие немцы, от гиперинфляции и безработицы. В Америке он работал на авиастроительных предприятиях и в 1936 году получил гражданство США. В феврале 1939 года (в Америке тогда были кризис и безработица еще со времен Великой депрессии 1929 года) Зебольд вернулся на родину для того, чтобы повидать мать. Уже в гамбургском порту на контакт с ним вышел сотрудник гестапо.

В сентябре 1939 года (Зебольд к тому времени нашел работу в Германии) некий «доктор Гасснер» посетил его на его родине в Мюльхайме и расспрашивал о производстве самолетов в США. В ходе беседы «доктор» предложил Зебольду вернуться в Америку и поработать там на германскую разведку. Зебольд поначалу упирался, но, опасаясь последствий, согласился. «Доктор» оказался представителем абвера. Куратором Зебольда стал еще один «доктор» — Ренкен — на самом деле майор абвера Риттер, отвечавший за шпионаж против США и Великобритании.

После первого же посещения «доктора» у Зебольда украли его американский паспорт, и он поехал хлопотать о новом в консульство США в Гамбурге. Там он сразу рассказал о планах абвера в отношении его персоны и выразил желание по приезду в США сдать ФБР.

После этого абвер (ничего не ведая о планах Зебольда) обучил его работе с шифрами и микропленками. На пяти микропленках ему вручили инструкции с описанием информации, которую ему надо было собирать в США. Часть инструкций он должен был передать трем германским агентам в Америке: Фритцу Дюкесну, Герману Лангу и Лилли Штайн. Получив псевдоним «Генри Сойер», Зебольд отбыл из Генуи в США 8 февраля 1940 года. Там его уже поджидало ФБР, которое помогло двойному агенту устроиться в Нью-Йорке. Ему создали «крышу» в виде бюро инженерного консультирования по дизельным двигателям. Там под контролем ФБР Зебольд встречался с переданными ему на связь агентами абвера. Все встречи контролировала американская контрразведка. В мае 1940 года «Сойер» вышел на радиосвязь с Германией — на самом деле коротковолновой передатчик обслуживали люди Гувера. Передатчик работал 16 месяцев, и за это время «Сойер» отправил в Германию 300 шифровок, получив оттуда более 200 сообщений.

«Звездой» немецкого шпионажа в США был Фредерик («Фритц») Дюкесн. Он родился в 1877 году в Южной Африке и участвовал в звании капитана на стороне буров в войне против Великобритании. После поражения буров Дюкесн переселился в США и в 1913 году получил американское гражданство. Еще в годы Первой мировой войны он был немецким шпионом и хвалился, что убил лорда Китченера^[175]. В июне 1916 года Китченер отправился в Архангельск на борту броненосца «Гэмпшир», который наскочил на мину, поставленную германской подлодкой. Якобы Дюкесн пробрался на корабль и дал немецкой субмарине сигнал о приближении «Гэмпшира». Перед взрывом он смог уплыть на спасательной шлюпке. За эту операцию Дюкесн получил Железный крест.

17 ноября 1917 года Дюкесна арестовали и наши у него много газетных вырезок относительно подорванных кораблей союзников. С 1937 года Дюкесн работал на абвер. Немцы требовали от него информации о военно-промышленном комплексе США, а сам Дюкесн неоднократно предлагал организовать диверсии на военных заводах и в общественных местах. Например, он брался взорвать церковь в Гайд-парке, которую посещал Рузвельт.

К февралю 1940 года, когда Зебольд появился в Америке, Дюкесн владел небольшой фирмой «Эйр Терминалс Компани» в Нью-Йорке. Зебольд наладил с ним контакт с помощью письма. Дюкесн регулярно передавал Зебольду информацию о грузоперевозках между США и Великобританией, причем лишь потому, что еще со времен англо-бурской войны ненавидел англичан. Против США он ничего не имел до тех пор,

пока Америка оставалась нейтральной. В обмен на информацию Зебольд передавал Дюкесну деньги.

Интересно, что большую часть «секретных» сведений сам Дюкесн получал... по почте. Он писал различным американским концернам, представляясь известным «исследователем и писателем», и просил прислать ему «доверительную» информацию о новейших разработках. Таким образом, например, он получил сведения о новом американском противогазе. Через неделю информацию уже читали в Берлине.

После предательства Зебольда Дюкесн получил 20 лет тюрьмы и был оштрафован на 200 долларов за то, что не зарегистрировался официально как агент (в смысле представитель) иностранного государства. В тюрьме Дюкесна били и мучили. Он отсидел 14 лет и был отпущен ввиду плохого состояния здоровья. Через 2 года он скончался в больнице для бедных в возрасте 78 лет.

Постепенно сеть Зебольда разрослась до 33 агентов. 29 июня 1941 года все они были арестованы ФБР. 19 человек сразу признали свою вину, остальных начиная с 3 сентября 1941 года судил Федеральный окружной суд Бруклина. 2 января 1942 года агенты были приговорены в общей сложности к более чем 300 годам лишения свободы.

Зебольду ФБР обеспечило документы на новую фамилию, и он стал заниматься разведанием кур в Калифорнии.

После этого провала германская разведка так и не смогла восстановить в США работоспособную сеть.

Единственная серьезная «атака» немцев против США во время войны произошла в июне 1942 года.

13 июня 1942 года германская подлодка высадила на пляже Лонг-Айленда (штат Нью-Йорк) четырех диверсантов в немецкой форме. Агентов снабдили взрывчаткой, взрывателями и 175 200 долларов. Немцы должны были в течение двух лет проводить акты саботажа на военных объектах, главным образом срывать поставки оружия и снаряжения Англии. Как мы видим, ничего нового абвер по сравнению с Первой мировой войной так и не придумал.

16 июня 1942 года такая же группа абвера с таким же заданием высадилась недалеко от Джексонвилла (Флорида).

Но уже 27 июня 1942 года ФБР арестовало всех восьмерых диверсантов, которые не успели ни провести ни одного акта саботажа, ни даже толком потратить деньги — в руки американской контрразведки попали 174 588 долларов. 612 долларов агенты потратили на еду и одежду, 260 — на взятку.

Главным специалистом абвера по работе против США был Вальтер Каппе, эмигрировавший в Америку еще в 1925 году. Переехав в Чикаго, он стал пресс-секретарем упоминавшегося выше пронацистского Германо-американского союза и основал газету организации «Беобахтер» («Наблюдатель»)^[176]. Однако лидер союза Кун выгнал Каппе как потенциального конкурента. Тогда в 1937 году Каппе вернулся в Германию и его приняли на работу в Абвер II — подразделение армейской разведки, занимавшееся саботажем и диверсиями. Новому сотруднику присвоили звание лейтенанта ВМС.

После нападения японцев на Перл-Харбор Гитлер преисполнился зависти к своим дальневосточным союзникам и приказал абверу провести против американцев не менее дерзкую и эффектную операцию. Абвер поручил выполнить указание «фюрера» своему главному специалисту по США — Каппе.

Так и родилась операция «Пасториус», позорно закончившаяся в июне 1942 года.

Каппе завербовал восемь немцев, которые ранее жили в США. Двое из них — Эрнст Бургер и Герберт Хаупт — были американскими гражданами. Диверсанты должны были провести акты саботажа против ГЭС на Ниагарском водопаде, алюминиевых заводах в Иллинойсе, Теннесси и Нью-Йорке, доках в Огайо и Кентукки, на мосту в Нью-Йорке, а также на железной дороге в Пенсильвании. Большой географический разброс целей должен был посеять в Америке панику и создать впечатление о разветвленной и многочисленной сети немецких диверсантов в США. Реальный военный смысл для Германии имели диверсии на алюминиевых заводах — сделанные из этого металла превосходные бомбардировщики стали весной 1942 года поступать в Англию и дотла бомбить немецкие города.

Как уже упоминалось, 13 июня 1942 года германская подлодка U-202 «Инсбрук» высадила первую группу диверсантов в 115 милях восточнее города Нью-Йорк. Главой группы был Георг Даш. Немцы были в военной форме, чтобы в случае обнаружения к ним отнеслись как к военнопленным, а не расстреляли под горячую руку. Все подрывное снаряжение было закопано на берегу.

Пока немцы переодевались в гражданскую одежду, их заметил безоружный сотрудник береговой охраны Джон Каллен. Диверсанты попытались купить его молчание за деньги. Но американец отказался, пришел на свой пост и сообщил об увиденном. Однако пока служащие береговой охраны вооружились и пришли на берег, немцев и след простыл

— они уже ехали в поезде в Нью-Йорк.

Между тем другая группа диверсантов под командованием Керлинга высадилась, как говорилось выше, с борта подлодки U-584 во Флориде. Оттуда немцы отправились на поездах в Чикаго и Цинциннати.

Никакой заслуги Гувера в провале операции «Пасториус» не было.

Два диверсанта, Даш и Бургер, просто решили сдаться. Даш самолично явился в Вашингтоне в ФБР. Первоначально ему никто не поверил, и немец мог бы спокойно уйти на все четыре стороны. Но когда Даш вывалил на стол помощника директора ФБР Лэдда огромную по тем временам сумму в 84 тысячи долларов, его наконец-то арестовали.

Остальные члены группы не знали о предательстве Даша. В течение последующих двух недель всех их арестовали и по личному указанию Рузвельта передали военному трибуналу. Попытки адвокатов добиться рассмотрения дела в гражданском суде ни к чему ни привели. Всех восьмерых приговорили к смертной казни, но Рузвельт заменил приговор Бургеру на пожизненное заключение, а Дашу — на 30 лет. Шестерых диверсантов казнили на электрическом стуле 8 августа 1942 года. Даша и Бургера помиловал в 1948 году Трумэн, и их депортировали в американскую зону оккупации Германии.

После неудачи операции «Пасториус» немцы отказались от мысли о саботаже в Америке. Да в этом и не видели собой необходимости. Подлодки гроссадмирала Деница до середины 1943 года очень успешно пускали на дно корабли союзников в Атлантике. Американцы едва успевали замещать потерянный тоннаж.

В ноябре 1944 года (когда Гитлер уже потерял Францию) немцы высадили с подлодки U—1230 в штате Мэн двух агентов — Эриха Гимпеля и Уильяма Коулпо (операция «Сорока»). Гимпель был немцем, но хорошо говорил по-английски. Коулпо был американцем немецкого происхождения, сторонником нацистской идеологии. На сей раз агенты должны были просто собирать сведения об американской оборонной промышленности и, по возможности, задержать работы по производству атомного оружия. Выйдя на берег, агенты обнаружили, что идет снег и их летняя одежда явно не к месту.

Но тем не менее они отправились к ближайшей железнодорожной станции, нагруженные поддельными удостоверениями личности, оружием, фотоаппаратами, деньгами и даже алмазами^[177]. Шпионы успешно сели на поезд и через Бостон добрались до Нью-Йорка. Там вместо разведки Коулпо начал пить и волочиться за женщинами, благо в деньгах недостатка не ощущалось. За один месяц он просадил полторы тысячи долларов,

несмотря на требования Гимпеля прекратить загул. Перед Рождеством Коулпо окончательно расстался с Гимпелем и, прихватив 40 тысяч долларов, поселился с любовницей в дорогом отеле. После очередной попойки Коулпо 29 декабря 1944 года пришел в ФБР и рассказал все, включая местонахождение Гимпеля.

Несмотря на сотрудничество со следствием, военный суд приговорил Коулпо вместе с Гимпелем к смертной казни. Но тут кончилась война, и электрический стул заменили на пожизненное заключение. Гимпеля освободили в 1955 году, он уехал в Западную Германию, где издал свои мемуары. Коулпо помиловали в 1960 году, и он спокойно поселился в Пенсильвании.

Хотя Гувер не отличился на ниве борьбы с вражеским шпионажем, он активно боролся с другими американскими спецслужбами за расширение компетенций ФБР.

Как уже упоминалось, своим указом от 26 июня 1939 года Рузвельт закрепил за ФБР приоритет в деле контрразведки на территории США. Однако тем же самым занимались разведслужбы армии и ВМС, и их компетенция не была жестко разграничена с ФБР. Эти разведслужбы и даже полиция некоторых штатов после начала Второй мировой войны тоже хотели бороться с «радикалами» и прочими подозрительными элементами, так как это сулило общественное признание и солидные бюджетные ассигнования. Свою «разведслужбу» в количестве 150 человек учредила, например, полиция города Нью-Йорк. Гувер потребовал от министра юстиции положить конец этой самодеятельности, упирая на то, что неумехи из полиции скомпрометируют работу профессионалов из ФБР.

Гувер подготовил меморандум для президента, который Рузвельт и оформил своим распоряжением в сентябре 1939 года. В документе ФБР поручалось «следствие по делам, связанным со шпионажем, саботажем и нарушением законодательства о нейтралитете» США. Всем местным полицейским органам следовало «немедленно передать ближайшему к ним представителю ФБР любую полученную ими информацию, связанную со шпионажем, саботажем, подрывной деятельностью и нарушением законодательства о нейтралитете»^[178]. Правда, пассаж о подрывной деятельности Гувер додумал за президента сам. Видимо, ему никак не хотелось отказываться от дела всей жизни — борьбы против «красных».

Разгромив конкурентов из полиции, Гувер добился резкого роста сети местных отделений и численного состава ФБР. Если в 1940 году ФБР насчитывало 898 сотрудников, то в 1945-м — 4886.

Правда, «орешки» из военной и военно-морской разведки оказались

для Гувера не такими легкими, как местная полиция. И ВМС и армия, не желая отставать от ФБР, еще в 30-е годы стали тоже активно следить за «красными» на территории США. Они мотивировали это охраной безопасности военных объектов. Например, военная разведка на территории дислокации 6-го корпуса армии США (штаты Мичиган, Иллинойс и Висконсин) еще в 1936 году стала собирать досье на членов прогрессивных организаций под видом борьбы с коммунистами.

Глава разведслужбы ВМС Уильям Пьюлестон тоже в середине 30-х приказал своим сотрудникам «методами физического наблюдения и прочими методами» следить за активистами левых, пацифистских и коммунистических организаций. В девятом округе ВМС пошли еще дальше. Там решили заслать на все заводы, выполнявшие заказы для флота, агентов для слежки за профсоюзным активистами и «саботажниками».

С 1938 года ФБР, разведслужбы ВМС и армии на регулярной основе (не подкрепленной никакими законодательными актами) обменивались информацией о подозрительных гражданах США и иностранцах. После начала Второй мировой войны Гувер решил, что пора закрепить его роль как «первого среди равных».

29 мая 1940 года он направил главам обеих военных разведок меморандум с предложением четко разграничить сферы деятельности. Гувер требовал в мирное время закрепить за ФБР все вопросы шпионажа, саботажа и «связанные с этим вопросы» (директор ФБР был мастер на такие туманные формулировки, дававшие ему возможность обходить закон). Гувер хотел взять на себя и «наблюдение» за оборонными заводами. За военными разведслужбами должна была остаться лишь контрразведка среди собственно военнослужащих вооруженных сил США. В обмен на кардинальный рост своих полномочий директор ФБР обещал делиться с военными полученной его агентами информацией, касавшейся армии и флота.

Вместе с разведками армии и флота ФБР должно было подготовить «план действий» на случай внутренних беспорядков в США. Военное министерство должно было выделить войска для подавления акций протеста, если с ними не справится полиция. Все эти предложения Гувера выглядели странными в 1940 году, когда американское общество перед лицом внешней опасности со стороны Германии и Японии было сплоченным как никогда.

В военное время, витийствовал в своем меморандуме Гувер, «насколько это возможно и практично, военное и морское ведомства должны воздерживаться от следственных действий в отношении

гражданских лиц». Военные должны были осуществлять цензуру, но все полученные таким образом сведения передавались бы, в том числе, и ФБР.

На основе меморандума Гувера ФБР, военная и военно-морская разведки подписали 5 июня 1940 года соответствующее межведомственное соглашение. «Коллеги» побаивались директора ФБР, который с помощью подкупленных или шантажируемых им СМИ и конгрессменов сумел создать себе липовую репутацию самого умелого и профессионального полицейского и контрразведчика в Америке.

Но тут в игру опять вступил давний конкурент Гувера за лавры главного борца против «красных» конгрессмен Дайс. Он предложил Рузвельту создать единый координирующий орган всех спецслужб (Совет по обороне отечества, Home Defense Council) и подчинить ему ФБР и разведслужбы армии и ВМС. Собственно, именно это и было сделано в 1947 году, когда на свет появилось ЦРУ. Но во время войны Гувер встал на дыбы, не желая никому подчиняться. Мол, ФБР и так работает «прекрасно» и никаких координаторов ему не нужно. Этот ведомственный «патриотизм» Гувера надолго пережил его отца-основателя. Именно стойкое нежелание ФБР и ЦРУ сотрудничать друг с другом (особенно делиться информацией) во многом и обусловило успех террористов 11 сентября 2001 года.

На всем протяжении войны Гувер через свою агентуру в конгрессе отсекал любые попытки конкурентов расширить их полномочия. Он выступил против законопроекта ВМС (январь 1941 года) по предоставлению военно-морской разведке права «содействовать гражданским властям в соблюдении закона». Этот хитрый выпад «партнеров» Гувер отменил с помощью аргументов о недопустимости «дублирования» функций правоохранительных органов.

Контрудар Гувера состоял в предложении дать ему председательские функции в созданном еще в 1939 году координационном Межведомственном комитете по разведке. Гувер в своем обосновании сетовал на то, что в прошлом шеф военной разведки собирал своих коллег на совещания, и это вело к «осложнениям». Новое соглашение Гувера с военной и военно-морской разведками от 9 февраля 1942 года окончательно закрепило монополию ФБР на контрразведку на территории США.

Рузвельт в целом поддерживал Гувера, так как (как уже упоминалось) пользовался его услугами в личных интересах. Например, президент попросил Гувера тайно выяснить, какого рода корреспонденцией обменивались бывший президент США Гувер (однофамилец директора ФБР, предшественник Рузвельта, республиканец) и бывший премьер-

министр Франции Лаваль (активный сторонник нацизма, коллаборационист). Рузвельт боялся, что Лаваль подкинёт Гуверу (экс-президенту) материалы, которые республиканцы смогут использовать против Рузвельта в президентской гонке 1940 года^[179]. Гувер «осторожно» провел следствие и выяснил, что никакой переписки не было.

Гувер недолго упивался триумфом над своими «домашними» соперниками. Когда в 1941 году президент создал Офис координатора информации и пригласил на этот пост Донована, Гувер почуял смертельную опасность. Во-первых, Дононан был ничуть не менее популярен в Америке, чем Гувер (как герой Первой мировой войны). Во-вторых, Дононан сам хотел быть координатором всех спецслужб США. Наконец, в отличие от Гувера, Дононану Рузвельт безусловно доверял. «Ахиллесовой пятой» Донована в противостоянии с Гувером была явная слабость «Дикого Билла» в рутинных административно-организаторских делах, и Гувер эту слабость конкурента быстро нащупал.

Гувер и Дононан враждовали еще с 1924 года, когда Гувера сделали директором ФБР. «Дикий Билл» в то время был заместителем министра юстиции и как раз курировал службу Гувера. Гувер терпеть не мог яркий лидерский стиль Донована и его презрение к бюрократизму, в котором Гувер как раз и был силен. Когда Дононан в 1929 году ушел из министерства и сосредоточился на частной практике, Гувер пристально следил за ним, собирая (как он умел это делать) материал против него «на всякий случай».

В 1936 году агенты донесли Гуверу, что Дононан, сенаторы Маккеллар и Смит сговариваются, чтобы уволить директора ФБР.

Дононану все эти козни и интриги (фирменный стиль Гувера) претили. Перед своим назначением на пост координатора он попросил Гувера о встрече, чтобы заверить, что не собирается вмешиваться в сферу компетенции ФБР. Если Гувер хотел делать карьеру, то Дононан хотел делать историю. Но Гувер был крайне злопамятным человеком и принять «Дикого Билла» отказался, поручив беседу своему заместителю Тамму.

Рузвельт не желал ссоры Донована и Гувера, поэтому назначил офицером связи между двумя ведомствами своего сына Джеймса.

Гувер внешне смирился с новым конкурентом, но ни на один день не прекращал против него «подрывную работу». Он собирал сплетни и слухи (частично откровенно лживые) относительно административной неспособности «дикого Билла». Все агенты ФБР получили задание проверять любую информацию о том, что Дононан хочет стать преемником Гувера на посту директора ФБР. Особенно внимательно Гувер отслеживал

информацию о том, что Донован берет на работу людей с левыми взглядами и «коммунистическими тенденциями». Это было правдой — в отличие от костоломов и ищеек Гувера на «Дикого Билла» работали университетские профессора, журналисты и активисты гражданского общества, искренне ненавидевшие нацизм. Для Гувера же его извечный враг был только одного цвета — красного.

Между тем директор ФБР смог «застолбить» за собой разведку и контрразведку в странах Западного полушария. Во всех американских посольствах в странах Латинской Америки появились сотрудники ФБР под крышей «атташе по правовым вопросам». Теоретически эти атташе должны были разоблачать германских шпионов, но в основном следили за деятельностью местных коммунистических партий.

Пример Гувера оказался заразительным. Еще в годы войны, когда Москва и Вашингтон были главными силами Антигитлеровской коалиции, «Дикий Билл» определил нового врага — СССР. Таким образом, он решил, как и Гувер, сохранить свою службу после окончания войны, придумав ей новую «миссию».

Эволюция отношения американского правительства (включая спецслужбы) к Советскому Союзу в военное время была резкой и ошеломительной.

Еще в конце 1940 года в Вашингтоне считали СССР союзником Гитлера. Во время советско-финской войны Рузвельт наложил на Советский Союз «моральное эмбарго», согласно которому был запрещен экспорт в СССР самолетов. В то же время немцы тогда Москве самолеты (в том числе и новейшие) продавали. Гитлер был убежден, что такая демонстрация достижений германской военной промышленности заставит русских со временем стать сателлитами Третьего рейха.

Но с началом 1941 года в Вашингтоне (под давлением Лондона) наконец поняли, что именно Сталин готов и может противостоять Гитлеру. В январе 1941 года Рузвельт отменил «моральное эмбарго». Тем не менее военный атташе США в Москве (одновременно резидент военной разведки) вплоть до самого нападения Германии на СССР докладывал, что «Советы» хотят столкнуть англосаксов с Гитлером, а сами остаться в стороне. К тому же, поставляя в Германию сырье, русские-де способствуют усилению германской военной машины. На самом же деле, строго выполняя торговые соглашения с Германией (выгодные и для Москвы), Сталин просто не хотел дать немцам желательного предложения для развязывания войны против СССР. Ведь западные страны никаких гарантий помощи Советскому Союзу до 22 июня 1941 года так и не

представили.

Таким образом, американская разведка поддерживала в Белом доме настороженное отношение к русским, которое во многом и стало причиной послевоенной «холодной войны». Стоит добавить, что главными аналитиками-советологами американской военной разведки (да и позднее УСС) были русские белоэмигранты. Комментарии, как говорится, излишни.

Мощь Красной армии (особенно ее техническое оснащение) американцы в 1941 году оценивали (как и Гитлер) невысоко. Военный атташе сообщал из Москвы, что в 1940 году СССР произвел менее 5000 самолетов всех типов. Даже когда югославский военный атташе в мае 1941 года сообщил своему американскому коллеге майору Айвону Итону о своем посещении авиазавода, где собирали по 15 истребителей в день, тот решил, что речь идет о дезинформации^[180]. Итон поверил сведениям от германской делегации, посетившей тот же самый завод. Немцам показали мощности по сборке 5–7 самолетов в день, чтобы усыпить их бдительность, но до Итона такая мысль не дошла. Ведь в его понимании немцы и русские были друзьями.

При этом у американского военного атташе в Москве весной 1941 года были прекрасные контакты с немцами, но почему-то не было таких же контактов с советскими военными.

Только в августе 1941 года, после чудовищных потерь советской авиации в первые дни войны, американский военный атташе в Каире (!), со ссылкой опять-таки на югославов, сообщил, что перед войной у СССР было не 6 тысяч (как информировал Итон), а как минимум 15 тысяч самолетов.

На первой встрече Сталина со специальным представителем Рузвельта Гопкинсом в августе 1941 года советский лидер, к удивлению американцев, не просил ни танков, ни самолетов^[181], а всего лишь зенитки и боеприпасы к ним.

Тем не менее новый американский военный атташе в Москве с января 1942 года майор Джон Мичела (обращает на себя внимание низкое звание офицера) продолжал недооценивать мощь советских вооруженных сил^[182]. Он полагал, что эвакуированная на Восток советская военная промышленность еще долго не сможет достичь предвоенного уровня.

Оставалось настороженным общеполитическое отношение американской военной разведки к СССР. Русских постоянно и необоснованно подозревали в двурушничестве. Бригадный генерал армии США Рэймонд Ли (заместитель начальника штаба военной разведки)

озаглавил свой меморандум от 12 февраля 1942 года начальнику штаба MID «Возможность соглашения между Германией и Россией путем переговоров»^[183].

В 1941 году (когда немцы стояли под Москвой) американская военная разведка «докатилась» до следующего анализа: русские нарочно требуют много американского оружия, чтобы оставить США беззащитными в случае нападения на Америку Японии (!).

Соответственно, особенно начиная с первых месяцев 1943 года, военная разведка практически постоянно критиковала военные поставки из США Советскому Союзу, так как, мол, они нужнее самой американской армии. Например, MID считала, что Москве не нужно много американских танков и нет нужды загружать советскими заказами военные заводы США. Зачем в то время танки были нужны самим американцам (за год до открытия второго фронта), остается загадкой. Правда, американской военной разведке пришел на помощь сам Сталин. Танки из США были не очень хорошими, и «шерманы» называли в Красной армии «братскими могилами». Поэтому, как только уральские заводы вышли на полную мощность, СССР сам отказался от поставок американских танков.

Настороженно относился к русским и Донован. В отличие от англичан никакого сотрудничества с советской разведкой УСС первоначально не наладило.

Но все изменилось после Тегеранской конференции, во время которой Сталин и Рузвельт установили хорошие рабочие отношения. Рузвельт, как известно, даже жил в советском посольстве из-за опасений покушения на его жизнь со стороны нацистской разведки.

Донован чутко уловил изменение настроений в Белом доме. К тому же, будучи человеком дела и профессионалом, шеф УСС понимал, что сотрудничество с советской разведкой может принести молодой американской спецслужбе немало пользы. Особенно много Донован ждал от внешней разведки НКВД на Балканах. Русские могли бы сильно помочь контактами в Болгарии и Югославии, где у НКВД была солидная агентура. К тому же югославских партизан возглавлял верный (на тот момент) друг Москвы Иосип Броз Тито. При его штабе работали миссии и советской и американской разведок. Поэтому налаживание делового сотрудничества между ними было делом вполне естественным.

22 ноября 1943 года в преддверии Тегеранского саммита «большой тройки» Донован составил меморандум с оценкой перспектив послевоенного сотрудничества между Вашингтоном и Москвой. В этом очень реалистичном документе, в частности, говорилось: «Что касается

послевоенного миропорядка, они (т. е. русские. — *Примечание автора*) исходят из того, что балтийские государства останутся за ними^[184]; они хотят, чтобы сопредельные с ними государства не стали антисоветскими буферными странами, а странами одинаково дружественными по отношению к России и Великобритании; чтобы Дарданеллы были интернационализированы. “Санитарный кордон”^[185] они не потерпят. Они хотят, чтобы создаваемые сейчас польское и финское правительства не были антирусскими. При таких условиях они готовы обсуждать вопросы границы^[186]. Они желают признанной всеми позиции на мировой арене и ожидают, что с ними будут советоваться по всем международным вопросам, касаются ли они арабского мира или Южной Америки...»

Сам Донован считал все эти пожелания русских умеренными и разумными. Если бы с ним согласился официальный Вашингтон построзвельтовской эпохи, «холодной войны» могло бы и не быть.

Донован запросил санкцию Рузвельта на налаживание официальных контактов с внешней разведкой НКВД, получил «добро» президента и в конце декабря 1943 года вылетел в Москву, куда прибыл из Каира за два дня до западного Рождества. Переговоры с начальником советской внешней разведки П.М. Фитиным были организованы через наркома иностранных дел В.М. Молотова.

Нагруженный антикоммунистическими предрассудками, Донован пришел на Лубянку с чувством гордости — кроме него, в «логове красных» не принимали еще ни одного шефа западной разведслужбы. Донован якобы заметил, что один из стульев за столом переговоров поставлен так, что любому, кто в него сядет, будет бить в глаза свет лампы. Разгадав «подвох» русских, бесстрашный Донован сам сел на этот стул и мужественно изрек: «Ну, я готов к допросу пятой степени». Правда, шутку никто не оценил, так как сами хозяева, видимо, не догадывались о ловушке, которую они устроили проницательному «Дикому Биллу».

Присутствовавший на переговорах глава американской военной миссии в Москве Джон Дин^[187] отмечал конструктивный настрой советской стороны:

«Фитин слушал очень внимательно рассказ Донована об организации и деятельности УСС, затем задавал вопросы “о доступных методах” заброски агентов на вражескую территорию и о других технических тонкостях...» «Генерал Осипов^[188], — читаем далее в протоколе Дина, — особенно заинтересовался возможностями пластиковой взрывчатки. Генерал Донован обещал прислать генералу Фитину... серийный

малогобаритный радиопередатчик, используемый оперативными сотрудниками УСС»^[189].

НКВД уже получало к тому времени портативные взрывные заряды от англичан и сотрудничало с английской разведкой при заброске советских разведчиков в Германию. Так что ничего сверхъестественного в переговорах с Донованом Фитин не видел. Особенно Фитин интресовался способами заброски агентуры УСС во вражеский тыл и экипировкой агентов-нелегалов^[190]. Донован ответил, что в основном агентов сбрасывают с парашютом с самолетов типа Б-24, хотя иногда используют и подводные лодки. Глава советской внешней разведки поинтересовался, можно ли использовать базы УСС для заброски советской агентуры во Францию и Западную Германию. Донован немедленно согласился: «он был бы счастлив помочь»^[191].

Беседа проходила очень дружелюбно, и Донован предложил открыть представительство УСС в Москве и представительство НКВД в Вашингтоне. Представительства будут обмениваться информацией (Донован считал, что у каждого есть интересующие другую сторону сведения о противнике), координировать действия, чтобы избежать «дублирования» работы агентов и информировать друг друга о планирующихся диверсиях против противника.

Предложение Донована, к его удивлению, было в принципе принято с энтузиазмом, весьма необычным для советско-американских отношений. По воспоминаниям Дина, Фитин сказал Доновану, что «от всей души приветствует» его предложение. Хотя некоторые детали подлежат обсуждению на более высоком уровне, вопрос о представительстве УСС в Москве можно считать решенным, и обмен информацией должен начаться незамедлительно.

Согласовали, что УСС в Москве будет представлять Джон Хаскелл, а НКВД в Москве — полковник А.Г. Грауэр^[192]. Хаскелл был выпускником Вест-Пойнта и до войны работал вице-президентом нью-йоркской фондовой биржи. Его отец был командиром Донована в годы Первой мировой войны, а потом занимался организацией гуманитарной помощи голодающей России. Старший брат Хаскелла возглавлял резидентуру управления специальных операций УСС в Лондоне. Перед визитом Донована в Москву Хаскелла только что назначили резидентом УСС в Италии.

Фитин предложил ставить друг друга в известность о планирующихся диверсиях и актах саботажа против германских предприятий. Беседу едва

не омрачил невинный вопрос Фитина, есть ли у Донована в Москве еще какие-нибудь дела. Тот понял, что Фитин намекает на что-нибудь, связанное с тайными заданиями, и ответил с ледяным возмущением.

Посол США в Москве Гарриман (он, будучи доверенным лицом Рузвельта, тоже присутствовал на беседе) отнесся к идее сотрудничества разведслужб СССР и США с таким же воодушевлением, как и Фитин. Он не без наивности сообщал в Белый дом: «Два с половиной года мы безуспешно пытались проникнуть к источникам советской информации и создать основу для взаимного доверия и обмена. Сейчас впервые мы проникли в одно из разведывательных учреждений Советского правительства, и если дело пойдет и дальше, то уверен, что это откроет путь к более тесным контактам и с другими учреждениями»^[193].

«Дикий Билл» все же во всем чувствовал в Москве подвох и горел желанием поставить русских на место. Гарриман предложил ему лететь в Каир на четырехмоторном американском самолете, который находился в Москве для нужд посла США. Но Молотов отказал в этом, предложив советский двухмоторный самолет. Мол, американский предназначен только для Гарримана. Донован уперся и решил преподать русским урок. Он гордо сказал Гарриману: «Аверелл, оставь это мне, и я покажу тебе, как надо вести дела с русскими»^[194].

Вместе с переводчиком и пилотом гарримановского самолета Донован явился на аэродром в одиннадцать часов ночи и потребовал у перепуганного неожиданным визитом часового вызвать начальство. Дежурному офицеру Донован объяснил, что ему срочно надо на аэродром, чтобы посмотреть прогноз погоды по маршруту его предполагаемого полета. Советский капитан удивился странному требованию, но пропустил Донована и его спутников на аэродром. Прогноз Донована напугал (он очень боялся «коварных русских ветров» и мороза), и американцы вернулись в посольство. «Дикий Билл» гордился своим натиском и провозгласил: «Вы, ребята из госдепартамента, недостаточно крутые. Вы не знаете, как работать со славянами. Вот видите, каких результатов можно добиться прямыми действиями»^[195].

Что за результаты имел в виду Донован, остается загадкой. «Дикий Билл» упирался целых 11 дней, но как миленький полетел на советском самолете. В Москве он к тому же простудился.

Пока Донован находился в Италии, о его московском визите пронюхал вездесущий Гувер. 10 февраля 1944 года он направил помощнику президента Гопкинсу меморандум: «Я только что узнал из

конфиденциального, но надежного источника, что достигнуто соглашение об обмене миссиями связи между УСС и Советской Секретной Полицией (НКВД)... Я хочу незамедлительно привлечь Ваше внимание к этой ситуации, так как я думаю, что это очень опасная и крайне нежелательная затея создать в Соединенных Штатах подразделение русской секретной службы, которая, как она сама признает, имеет своей задачей проникновение в официальные секреты различных правительственных служб»^[196].

Донован как мог пытался спасти сотрудничество с советской разведкой. 22 февраля 1944 года «Дикий Билл» направил подчеркнуто антигуверовский меморандум президенту: «...Я узнал, что есть мнение о том, что такое предложение откроет здесь двери ОГПУ. Но мне не надо напоминать Вам, что ОГПУ появилось здесь вместе с “Амторгом” и оно уже здесь под прикрытием посольства. Все, чего мы хотим — так это заниматься военными вопросами, связанными с разведкой против врага, с которым мы боремся. Если мы откажемся от такой возможности, то это станет большой помехой на пути наших военных усилий. Это особенно верно, если учесть, что они готовы предоставить нам доступ к сведениям по этим вопросам, и это первая такая открытость со стороны русских в отношении системы их разведки. Вся наша беседа (с Фитиным. — *Примечание автора*) строилась на основе взаимности с упором на то, что мы можем сделать совместно в проникновении в Германию и на оккупированные немцами территории, включая предложение распространить такое сотрудничество и на Японию, когда представится возможность»^[197].

25 февраля 1944 года Донована напомнил президенту, что английская разведка уже два года поддерживает тесную связь с советскими коллегами (в Лондоне находятся три советских офицера, причем британцы снабдили их рацией для прямой оперативной связи с Москвой). Причем англичане рекомендовали американцам сделать то же самое.

Несмотря на весь бред гуверовского доноса (какая разведка не имеет задач по «проникновению»?) и на вполне понятную логику Донована, Рузвельт испугался. Он готовился выдвинуть свою кандидатуру на четвертый срок и боялся, что Гувер по своему обыкновению обеспечит реакционные СМИ нежелательным компроматом и откровенными домыслами. 16 марта 1944 года Рузвельт отправил телеграмму Гарриману, в которой уведомил, что достигнутое Донованом в Москве соглашение откладывается. Гарриман был в шоке и выразил президенту протест, но

30 марта Рузвельт подтвердил свое указание.

«Дикий Билл» был взбешен, так как считал, что США добровольно лишили себя источников информации в Москве. В НКВД, видимо, поняли, что Donovan подставили, и подтвердили готовность сотрудничать с УСС и без официальных миссий связи.

Например, УСС и НКВД взаимодействовали в Болгарии, стараясь вывести эту страну из орбиты влияния Гитлера. В марте 1944 года Фитин и Donovan обменялись разведанными о ситуации в Болгарии. Тронутый дружелюбием «славян», Donovan написал Дину в Москву: «Передай мою любезную благодарность нашим русским друзьям за ту быстроту, с которой они откликнулись на мою просьбу»^[198].

Но в целом к началу 1945 года и военная разведка США и УСС знали о Красной армии гораздо меньше, чем о вермахте. В разведсводках о советской военной мощи по-прежнему фигурировали далекие от реальности цифры.

Пока УСС и НКГБ пытались наладить сотрудничество, ФБР по указанию Гувера с 1943 года установило жесткое и практически открытое (то есть устрашающее) наружное наблюдение практически за всеми сотрудниками советских дипломатических учреждений в США. Резидентом советской разведки в США в 1941–1944 годах был Василий Зарубин. Перед отъездом в США его лично принял Сталин и поставил следующие задачи:

- отслеживать любые попытки англо-американцев заключить с Германией сепаратный мир;
- добывать сведения о военных планах Гитлера;
- выявлять конечные цели союзников в войне;
- выяснить, когда реально союзники смогут открыть второй фронт;
- получать информацию о новейших военных разработках в США^[199].

Как видим, никаких задач по подрыву США советский лидер разведке не ставил.

ФБР обратило на Зарубина внимание, когда в апреле 1943 года советский резидент в Калифорнии попытался встретиться со Стивом Нелсоном, членом компартии США. Зарубин поехал в Калифорнию на секретную встречу со Стивом Нелсоном, который возглавлял секретную комиссию по отбору информаторов в калифорнийском отделении коммунистической партии, но не смог найти дом Нелсона. Только во время следующего визита он смог передать ему деньги. Но к тому времени ФБР

установило в доме Нелсона подслушивающее устройство, и встреча прошла под контролем американской контрразведки. ФБР выяснило, что Зарубин инструктировал Нелсона подбирать людей на оборонных заводах и передавать СССР информацию о новейших разработках в этой сфере.

Гувер немедленно проинформировал Гарри Гопкинса, который по поручению Рузвельта курировал в США связи с СССР, особенно поставки по ленд-лизу. Гувер сообщил, что ФБР запустило специальную программу COMRAP для того, чтобы «выявить всех членов аппарата Коммунистического Интернационала (Коминтерна)^[200], с которыми связаны Стив Нелсон и Василий Зарубин, а также агентов этого аппарата в различных отраслях оборонной промышленности»^[201]. Гопкинс не желал портить отношения с СССР и предупредил советского посла, что ФБР засекло сотрудника посольства за передачей денег коммунисту в Калифорнии.

Зарубина перевели в Вашингтон под крышу третьего секретаря советского посольства. Но 7 августа 1943 года Гувер получил анонимное письмо, в котором были указаны фамилии Зарубина, его жены Елизаветы, Квасникова (заместитель резидента), Семенова и семи других сотрудников советской разведки в США. Неизвестный автор обвинял Зарубина также и в том, что тот работал на японскую разведку со времен своего пребывания в Германии, а также в том, что тот лично допрашивал и расстреливал поляков в Катыни. В письме также говорилось, что на советскую разведку работают высокопоставленные чиновники в Белом доме и иных американских правительственных структурах. Гувер во все это поверил, и ФБР установило за Зарубиным и иными лицами, упомянутыми в письме, плотное наблюдение.

Один из сотрудников резидентуры в США Василий Миронов сообщил Сталину, что Зарубин якобы находится в контакте с ФБР.

В августе 1944 года Зарубину пришлось (вместе с женой и Мироновым) покинуть США. В отношении Зарубина было проведено служебное расследование, но все обвинения Миронова не подтвердились, и его арестовали за ложный донос. На суде Миронова признали шизофреником. Все говорит в пользу версии, что письмо в ФБР написал именно Миронов, ибо фамилии ведущих сотрудников резидентуры мог знать только ее работник.

За достигнутые результаты в работе в сентябре 1944 года Зарубину было присвоено звание комиссара госбезопасности, а постановлением СНК СССР от 9 июля 1945 года — генерал-майора. По возвращении на

родину Зарубин был назначен заместителем начальника внешней разведки и одновременно — заместителем начальника нелегальной разведки.

Сталин долго не хотел направлять в США нового резидента, видимо, не желая портить с американцами отношения. Примерно год обязанности резидента исполнял Степан Апресян (псевдоним «Май»). Он работал в разведке с 1932 года, в 1938 году был арестован, но в июне 1939 года его освободили. Однако арест наложил неизгладимый отпечаток на характер Апресяна. Тем более, что его старшего брата Дереника, наркома внутренних дел Узбекской ССР, расстреляли в феврале 1939 года за шпионаж в пользу Германии, Японии и Италии (уже через год его посмертно реабилитировали).

Как отмечал сотрудник резидентуры Феклисов: «Расстрел брата, месяцы, проведенные в тюрьме, видимо, не прошли для Степана бесследно. Он стал болезненно нерешительным, за несколько дней до встречи с агентом начинал нервничать. Это состояние отражалось на всем его облике и действиях. Степан весь уходил в себя, невнимательно слушал собеседника. В ходе проверки перед встречей беспокойно осматривался кругом, быстро, почти бегом, большими шагами передвигался по улицам»^[202].

Тем не менее именно Апресян был непосредственным создателем главных агентурных подходов к виднейшим физикам Запада, благодаря чему советской разведке в июне — сентябре 1945 года удалось раздобыть чертежи первой американской плутониевой бомбы. «Май» был прекрасно эрудирован, знал много языков (обычно он изучал язык за 3–4 месяца) и обладал легким характером в общении с сослуживцами.

С апреля 1945 года и.о. резидента Апресян под крышей второго секретаря советского консульства в Сан-Франциско находился в этом городе, где как раз проходила конференция по учреждению ООН. В 1945 году Апресяна отозвали в Москву.

Несмотря на плотную опеку советских разведчиков ФБР (особенно начиная с 1943 года), резидентура НКВД добилась в США впечатляющих успехов. В частности, был получен полный комплект документации на первый американский реактивный истребитель P-80. Были добыты чертежи радарной автоматизированной установки SCR-584. Эта установка сама определяла траекторию полета немецкой неуправляемой ракеты ФАУ и наводила на нее зенитные батареи. Только от агентов резидентуры «Ретро» и «Хорвата»^[203] в центр через резидентуры поступило в 1943–1945 годах 9165 страниц по более чем ста научным направлениям^[204].

Деньги «Ретро» и «Хорват» брали крайне неохотно (им платили не более 200 долларов в месяц). «Ретро», например, говорил, что эти деньги гораздо нужнее советскому народу.

В принципиальном плане стоит отметить, что американцы могли бы и сами поделиться военно-технической информацией с советским союзником. Тем более, что США поставляли в Советский Союз военную технику, в том числе и самую современную. Однако уже военные годы в Москве не могли не заметить двуличность американской линии в данном вопросе. Например, русским была обещана документация на стратегический бомбардировщик, но затем американцы «замотали» вопрос. В то же время англичанам, например, в октябре 1944 года была передана документация на изобретенную в СССР парашютную торпеду 45–36 АВА. Американцам и англичанам была также предоставлена документация на 130-мм двухорудийную башенную установку Б-2-ЛМ. Англичанам показали захваченную советскими войсками немецкую подводную лодку.

31 октября 1944 года Рузвельт попросил Донована представить предложения по организации «разведывательной службы на послевоенный период, которая была бы руководящей по отношению ко всем государственным органам в том, что касается разведки»^[205].

После того как стало ясно, что именно Советский Союз сыграет решающую роль в разгроме Германии, Донован направил 18 ноября 1944 года запрошенный президентом меморандум на имя Рузвельта, предложив не только сохранить УСС в послевоенное время, но и расширить его функции и преобразовать в независимое ведомство. «В глобальной и тоталитарной войне, — писал Донован, — разведка должна быть глобальной и тоталитарной»^[206]. «Дикий Билл» предложил и название для первой американской разведслужбы мирного времени — Центральная разведывательная служба (Central Intelligence Service). Причем первое слово подчеркивало, что все разведподразделения американских ведомств должны были перейти под контроль нового бюрократического монстра.

Согласно Доновану, новая разведка должна была подчиняться непосредственно президенту. И базироваться она должна была (к ярости Гувера), естественно, на кадрах УСС: «...у нас теперь в правительстве есть тренированный и специализированный персонал, необходимый для выполнения этой задачи. Этот талант нельзя распылять»^[207].

Гувер получил через своих агентов (на то, чтобы шпионить за коллегами, он не жалел ни денег, ни сотрудников) копию меморандума

Донована и немедленно поручил подготовить его максимально критический анализ. Помимо этого он организовал «утечку» меморандума в прикормленную ФБР ультраконсервативную газету «Чикаго Трибьюн». Там немедленно появился аршинный заголовок, обвинявший Донована в создании супершпионской службы для обеспечения послевоенного издания «нового курса» Рузвельта.

Донован позвонил оперативнику УСС Дерингу и потребовал немедленно выяснить, кто «слил» секретный меморандум в прессу (всего было пять экземпляров этого секретного документа). Деринг в тот же день сообщил, что меморандум был передан журналисту Трогену лично директором ФБР Гувером. «Дикий Билл» ничего не ответил.

Рузвельт испугался и оставил меморандум Донована без последствий. 9 февраля 1945 года президент приказал Доновану «засунуть всю эту историю под ковер и дожидаться, пока затихнут волны»^[208].

К тому же президент был настроен на долговременное и конструктивное сотрудничество с СССР после войны (как и Сталин в отношении США) и не считал Москву глобальным противником. Отсюда проистекала явная ненужность «тоталитарной» разведки в послевоенном мире.

Наконец, демократ Рузвельт не обманывался насчет политических взглядов правых республиканцев Донована и Даллеса (и уж тем более махрового даже по американским меркам реакционера-расиста Гувера). Он опасался, что новое ведомство превратится в «американское гестапо», которое его творцы могут использовать и против самого Рузвельта и его леволиберальных сторонников. «Чикаго Трибьюн» на это и намекала, правда, переваливая все с больной головы на здоровую.

Поэтому Рузвельт не только оставил меморандум Донована без ответа, но и поручил своему помощнику по военным вопросам полковнику Ричарду Парку-младшему провести секретный анализ предыдущей деятельности УСС. Причем одновременно Рузвельт (по примеру Гувера, но с противоположными целями) организовал утечку в прессу по поводу планов Донована, и СМИ наперебой заговорили именно об «американском гестапо».

23 февраля 1945 года Донован писал Рузвельту, что существует «продуманный план саботажа любой попытки реорганизации разведывательных служб этого правительства... Характеристика этого плана как “гестапо” полностью исключается специальными положениями моего документа, согласно которым у организации не будет полицейских и правоприменительных функций, ни дома, ни за границей. Вся эта ситуация

очень тревожная, так как она выглядит как дело инсайдеров или, по крайней мере, она поддерживается кем-то из инсайдеров»^[209].

Между тем со ссылкой на общественное мнение 6 марта 1945 года Объединенный комитет начальников штабов отверг предложение Донована. Военные всегда были против самостоятельной разведки в мирное время, считая всех «гражданских» дилетантами и скоморохами.

5 апреля 1945 года Рузвельт счел, что «волны» уже улеглись, и предложил Доновану собрать межведомственное совещание (с участием военных и госдепартамента), чтобы согласовать организационную структуру будущей разведки и ее место в административной иерархии. На следующий день Донован официально запросил мнение коллег, он надеялся организовать совещание сразу же после своего возвращения из Европы 25 апреля 1945 года. В поддержке Рузвельта «Дикий Билл» не сомневался.

12 апреля 1945 года Донован отдыхал в Париже, в своем любимом отеле «Ритц», причем он предпочитал номер, в котором ранее останавливался известный сибарит и «наци номер два» Геринг. Узнав о кончине Рузвельта, Донован сказал одному оперативнику УСС, что «это конец».

Тем не менее сразу сдаваться «Дикий Билл» не собирался.

Перед отъездом в Вашингтон Донован начал новую войну — против советских союзников США. Он приказал группе оперативников УСС перейти в Германии советскую линию фронта и закопать на территории, отошедшей СССР по межсоюзническим соглашениям, несколько завернутых в пластиковые мешки радиопередатчиков на расстоянии 20–30 миль друг от друга. «Дикий Билл» полагал, что вскоре они понадобятся. Задание было выполнено.

Перед отъездом Донован назначил Аллена Даллеса резидентом УСС в Германии со штаб-квартирой в Висбадене.

Сразу же после 12 апреля 1945 года Донован немедленно принялся обрабатывать нового президента Гарри Трумэна, чтобы тот все-таки согласился с созданием новой разведки в мирное время. Но в день смерти Рузвельта Парк представил новому главе государства свой доклад, в котором деятельность УСС была подвергнута полному разгрому и даже осмеянию. В документе говорилось, что УСС «нанесло серьезный вред гражданам, бизнес-интересам и национальным интересам Соединенных Штатов»^[210]. Например, из 21 группы УСС (по два человека), заброшенных в Германию, было сразу ликвидировано 20. Ложная информация УСС в июне 1944 года завела французские войска в ловушку немцев на острове

Эльба (Италия), и более 1000 французов были убиты. Сам Донован потерял на банкете в Румынии бумажник, и румынская танцовщица передала его в гестапо. По приказу «Дикого Билла» парашютистов-диверсантов УСС по ошибке высадили в нейтральной Швеции.

Сам Трумэн Донована недолюбливал, в том числе и потому, что тот был республиканцем, а сенатор из заштатного Миссури Трумэн очень комплексовал перед президентскими выборами 1948 года. Ведь Донован рассматривался как весьма вероятная кандидатура на кресло в Белом доме от республиканской партии. В этих условиях Трумэну был не нужен в администрации «чужой среди своих». Тем более он не собирался делать «Дикого Билла» шефом ведомства с неограниченным доступом к информации. Одного Гувера с его любовью к компромату на всех и каждого было и так вполне достаточно.

Неудивительно, что 14 мая 1945 года Трумэн уделил Доновану в Овальном кабинете Белого дома всего 15 минут. Президент поблагодарил УСС за службу, но заметил, что «УСС принадлежит нации, ведущей войну. У него нет места в мирной Америке».

«Дикий Билл» пытался убедить Трумэна, что угроза со стороны СССР гораздо серьезнее нацистской. При этом Донована не смущало, что Советский Союз, в том числе и ради спасения США от нацизма, потерял 26 миллионов своих граждан и 40 % накопленного национального богатства.

Однако Трумэн был непреклонен, хотя тоже не испытывал к Москве никаких симпатий: «Я полностью против шпионажа за границей со стороны Соединенных Штатов. Это не по-американски. Я не могу быть уверен в том, что мощная и тайная организация, такая как УСС, предназначенная для шпионажа за рубежом, не станет со временем шпионить за самим американским народом. УСС представляет собой угрозу свободам американского народа. Всемогущий аппарат разведки в руках беспринципного президента может стать опасным инструментом. Я никогда бы не использовал такой инструмент против моего собственного народа, но риск всегда сохраняется, я точно не могу на него пойти»^[211].

Пожалуй, сам Эдвард Сноуден не сказал бы точнее.

Итак, Трумэна антисоветские рассуждения Донована не убедили, и глава УСС принялся обрабатывать своих знакомых в конгрессе и «большом бизнесе». Но в 1945 году представить русских, только что обнимавшихся с американцами на Эльбе, врагами, было непросто.

Чтобы подсластить «Дикому Биллу» горькую пилюлю, Трумэн назначил шефа УСС заместителем главного обвинителя от США на

готовившемся тогда Нюрнбергском процессе. Донован поручил оперативникам УСС собирать материал о нацистских преступлениях.

20 сентября 1945 года Трумэн подписал указ номер 9621 о роспуске УСС в течение 10 дней, однако это распоряжение президента, как показало будущее, все же осталось на бумаге.

За всю войну бюджет УСС составил 135 миллионов долларов (примерно 1,1 миллиарда в ценах 2007 года). На пике организационного могущества ОСС (тогда в штатах службы было более 13 тысяч человек, в том числе 25 % гражданского персонала) в 1945 году американские налогоплательщики потратили на разведку 43 миллиона долларов^[212].

В своем прощальном обращении к сотрудникам УСС 28 сентября 1945 года Донован подчеркнул, что управление представляло собой «эксперимент, призванный выявить, сможет ли группа американцев, представляющая собой срез населения в плане расы, способностей, темперамента и таланта, рискнуть на столкновение с давно существующей и хорошо подготовленной организацией врага»^[213]. Понятно, что с точки зрения Донована эксперимент был более чем удачным.

Список источников и литературы

- Американский экспансионизм. М.: Новейшее время, 1986.
- Антонов В.С. Расстрелянная разведка. М., 2012.
- Антонов В.С. Жизнь по легенде. М., 2013.
- Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015.
- Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Доллары и диктаторы. М., 1986.
- Бартоц К. Трагедия абвера. М., 2010.
- Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М., 2014.
- Гелен Р. Служба. Серия: Секретные миссии. М., 1997.
- Гизевуус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. М., 2002.
- Грайнер Х. Военные кампании вермахта. Победы и поражения 1939–1943 гг. М., 2011.
- Грибков И.В., Жуков Д.А. Особый штаб «Россия». М., 2011.
- Дорба И.В. Свой среди чужих. М., 2012.
- История Латинской Америки 1918–1945. М., 1999.
- История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004.
- Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 2013.
- Латинская Америка в международных отношениях. XX век. Том 1–2. М., 1988.
- Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974.
- О कोरोков А.В. СССР в борьбе за мировое господство. М., 2009.
- Окулов А.В. В борьбе за белую Россию. М., 2013.
- Паршев А., Степаков В. Вторая Мировая: когда она началась и когда закончилась? М., 2009.
- Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985.
- Семенов К.К. Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М., 2014.
- Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997.
- Тарасов К.С., Зубенко В.В. Тайная война США против Латинской Америки. М., 1987.
- Тарасов К.С. США и Латинская Америка. М., 1972.
- Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994.
- Феррари М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
- Филби К. Моя тайная война. Воспоминания советского разведчика. М., 1989.
- Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. М., 2010.
- Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

Foreign Relations of the United States, different Volumes.
Aarons M., Loftus J. Operace Ratlines. Praha, 1994.
Adams J. Historical Dictionary of German Intelligence, Plymouth, 2009.
Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. New York, 1975.
Baker J.A. The Politics of Diplomacy. New York, 1995.
Barrett D. The CIA and Congress. The Untold Story from Truman to Kennedy. University Press of Kansas, 2005.
Blum W. Killing Hope: US military and CIA interventions since World War II. New Africa Books, 2004.
Brandt W. Erinnerungen. Frankfurt, 1989.
Breitman R. U.S. intelligence and the Nazis. Cambridge University Press, 2005.
Bulner V.T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994.
Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien deutschen Bewegungen 1943–1948. Stuttgart, 1997.
Busky D.F. Communism in history and theory: Asia, Africa, and the Americas. Praeger Publishers, 2002.
Chambers W. Witness. Regnery History, 2014.
Cave Brown A. The Last Hero. Wild Bill Donovan. First Vintage Books Edition, 1984.
Chan S.J., Williams A.J. Renegade states: the evolution of revolutionary foreign policy. Manchester University Press, 1994.
Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997.
Corke S.-J. US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA 1945—53. New York, 2008.
Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013.
Crosswell D.K.R. The Life of General Walter Bedell Smith. University Press of Kentucky, 2012.
Curatola J. Bigger Bombs for a Brighter Tomorrow: The Strategic Air Command and American War Plans at the Dawn of the Atomic Age, 1945–1950. Mcfarland & Co Inc, 2015.
Gates R. From the Shadows. New York, 2006.
Goda N., Naftali T. U.S. Intelligence and the Nazis. Cambridge University Press, 2005.
Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006.
DeGregorio W.A. The complete book of US presidents. New York, 2005.

- Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.*
- Farquhar J.T. A Need to Know — The Role of Air Force Reconnaissance in War Planning 1945–1953. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012.*
- Ford K. OSS and Yugoslav Resistance 1943–1945. Texas University Press, 1992.*
- Geissler E. Biologische Waffen: nicht in Hitlers Arsenalen: Biologische und Toxin-Kampfmittel in Deutschland 1915–1945. Münster, 1999.*
- Haynes J. Red Scare or Red Menace? American Communism and Anti Communism in the Cold War Era. Ivan R Dee, 1995.*
- Jones H. «A New Kind of War». America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. Oxford University Press, 1989.*
- Kahn D. Hitler's Spies. Da Capo Press, 1978.*
- Kessler R. Inside the CIA. New York, 1992.*
- Koch E., Wech M. Kryci nazev Artyšok. Praha, 2003.*
- Lees L.M. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997.*
- Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946. Portland, 2003.*
- Lucas S. Freedom's War: The US Crusade against Soviet Union 1945–1956. Manchester University Press, 1999.*
- Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014.*
- Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999.*
- Mistry K. The United States, Italy and the Origins of Cold War: Waging Political Warfare 1945–1950. Cambridge University Press, 2014.*
- Nutter J.J. The CIA's Black Ops. Prometheus Books, 2000.*
- Persico J. Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980.*
- Persico J. Roosevelt's Secret War. New York, 2001.*
- Petersen N. From Hitler's Doorsteps, The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Pennsylvania State University, 1996.*
- Prados J. President's secret Wars. Chicago, 1996.*
- Prados J. The Family Jewels: The CIA, Secrecy, and Presidential Power, University of Texas Press, 2013.*
- Ranelagh John. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. New York, 1987.*
- Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006.*
- Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets: The Definitive Exposé of Soviet Espionage in America. Regnery History, 2014.*

- Ross T.* American War Plans 1945–1950. Portland (Oregon), 1996.
- Rossolinski G.* Stepan Bandera: the Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide and Cult. Stuttgart, 2014.
- Saunders F.S.* Who paid the piper? London, 1999.
- Schoonover T.D.* Hitler's Man in Havana. University Press of Kentucky, 2008.
- Smith R.H.* OSS: the secret history of America's first intelligence agency. The Lyons Press, 2005.
- Theonaris A.G., Cox J.S.* The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988.
- Thomas E.* The Very Best Man. New York, 1995.
- Trento J.* Tajne dejiny CIA. Praha, 2004.
- Veeser C.* A world safe for capitalism: dollar diplomacy and America's rise to global power. Columbia University Press, 2002.
- Ventresca R.* From Fascism to Democracy: Culture and Politics in the Italian Election of 1948 (Toronto Italian Studies). University of Toronto Press, 2004.
- Wala M. (Hrsg).* Gesellschaft und Diplomatie im transatlantischen Kontext. Stuttgart, 1999.
- Wegener J.* Die Organisation Gehlen und die USA: Deutsch-amerikanische Geheimdienstbeziehungen, 1945–1949. LIT, 2008.
- Weiner T.* Legacy of Ashes. New York, 2007.
- Wilford H.* The Mighty Wurlitzer: How the CIA Played America. 2008.
- Wittner L.* The American Intervention in Greece, 1943–1949: A Study in Counterrevolution (Columbia Contemporary American History Series). Columbia University Press, 1982.
- Wolff K.* Mit Wissen Hitlers, Inning am Ammersee, 2008.
- Wyman M.* DPS: Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Cornell University Press, 1998.

Иллюстрации

Американское посольство в Берлине. 1930-е гг.

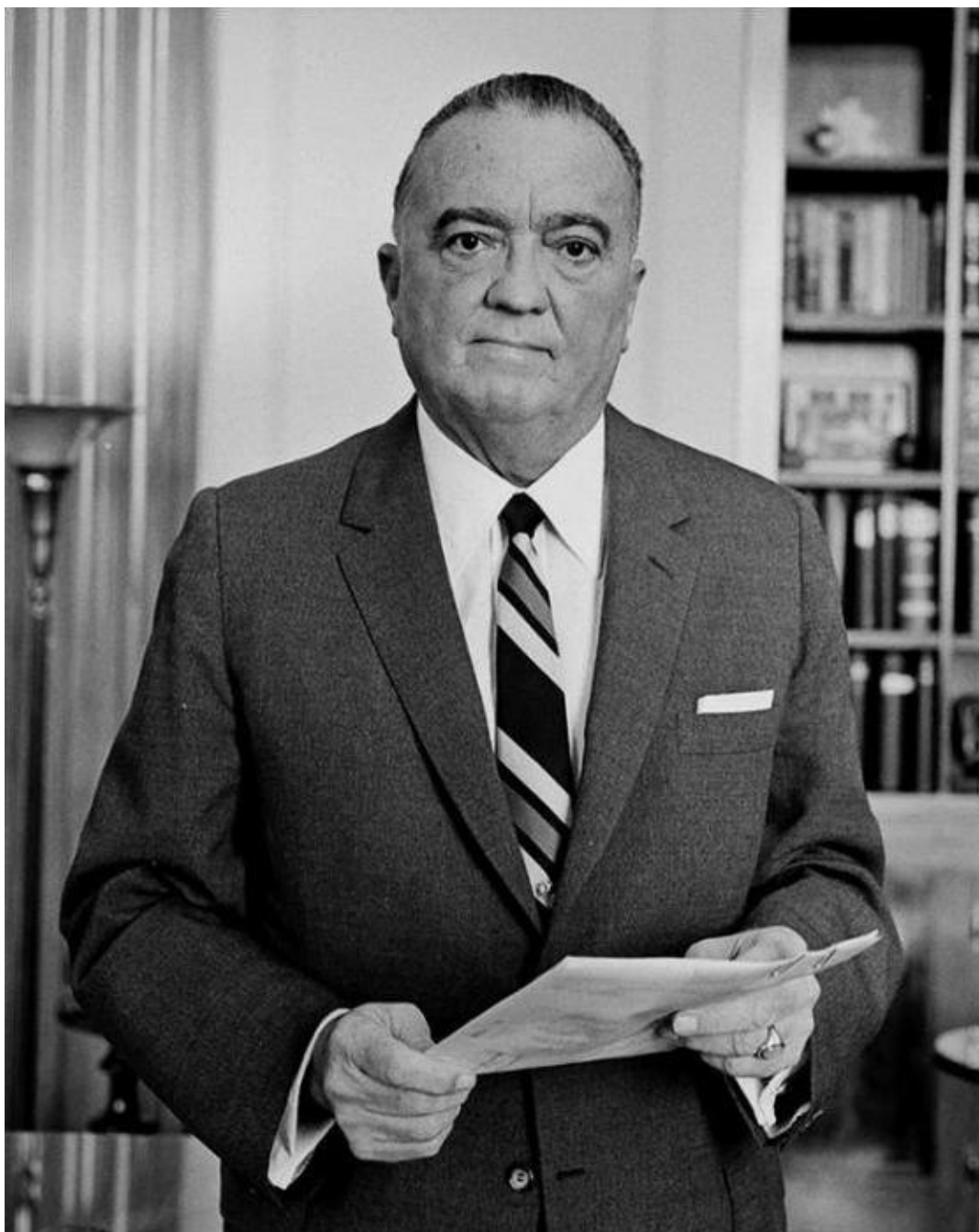

Американское посольство в Москве (до 1953 г.)

Герберт Ярдли

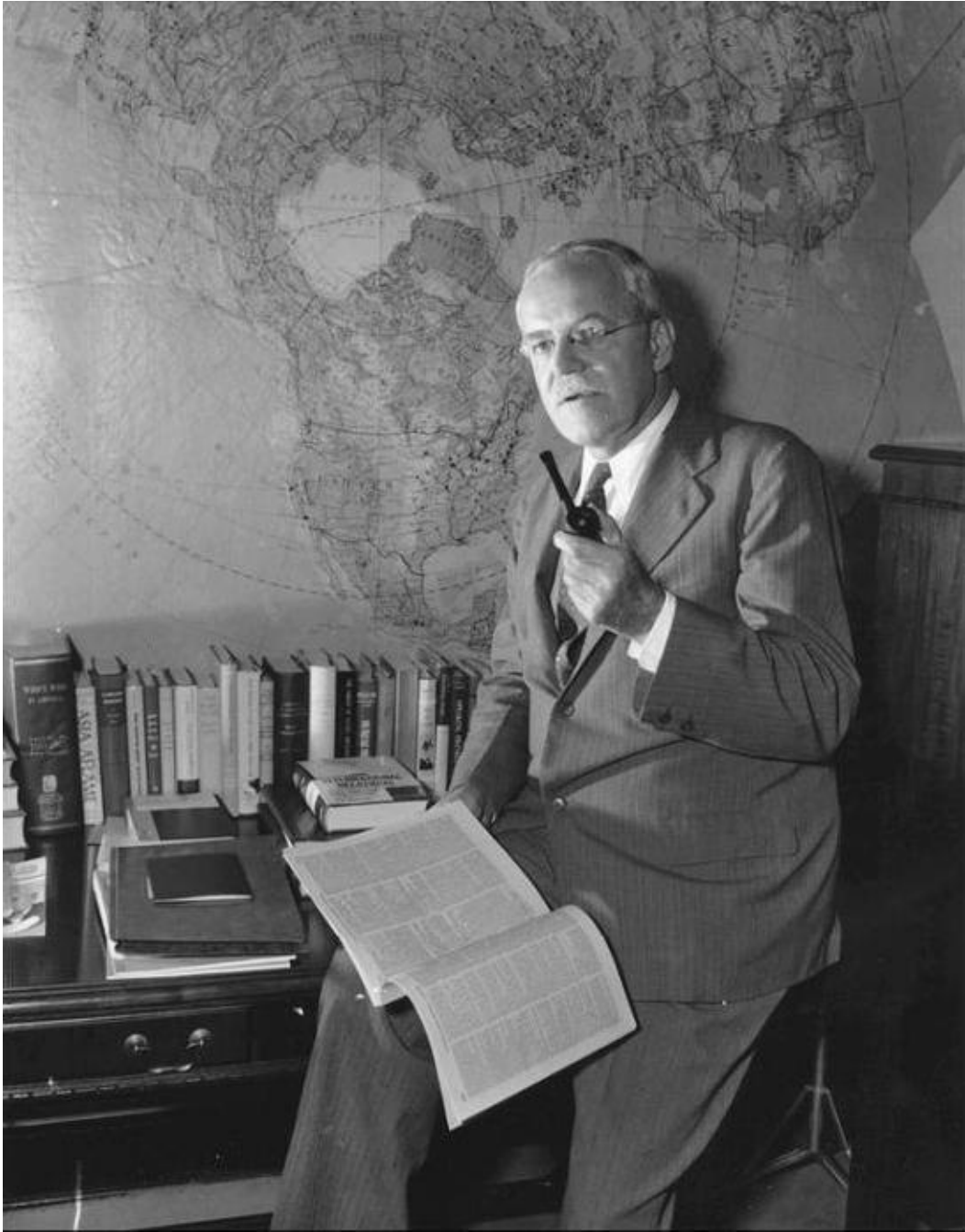
Эдгар Гувер

Шанхай. Первая половина XX в.

Дай Ли

Аллен Даллес

Марлен Дитрих

Карл Вольф

Вальтер Шелленберг

Вильгельм Канарис

Альберт Кессельринг

Эрнст Кальтенбруннер

Хайнц Фельфе

Ф.Д. Рузвельт с супругой

Гарри Гопкинс

Фриц Дюкейн

Эрвин Лахузен

Ханс Гизевиус

Уильям Джозеф Донован

В.М. Зарубин

Е.Ю. Зарубина

П.М. Фитин

А.С. Феклисов

---

notes

Примечания

1

Фактически министр иностранных дел, так как формально за внешнюю политику в то время отвечал сам кайзер.

США в 1848 году отторгли более половины территории Мексики, в том числе штаты Техас, Калифорния, Аризона, Невада, Нью-Мексико.

Yardly H.O. American Black Chamber. 1931, Annapolis. P. 17.

Эдуард Хауз (1858–1938), более известный как «полковник Хауз», внешнеполитический советник президента Вильсона. В 1918 году выступал за раздел России как минимум на четыре государства, в результате чего, мол, весь мир станет жить спокойнее.

5

От Military Intelligence (военная разведка), восьмой отдел.

Мэнли (1865–1940), окончивший военное училище и получивший в 1890 году докторскую степень в Гарварде, преподавал в различных университетах США математику и английскую литературу.

Янке родился в 1882 году в Западной Пруссии (ныне территория Польши) и в 1899 году эмигрировал в США. Там он вступил в элитный род американской армии — морскую пехоту и проходил службу на Филиппинах, в Перл-Харборе и Сан-Франциско. Есть данные, что Янке сотрудничал с Секретной службой США, затем был отчислен «по состоянию здоровья» и с 1912 года работал в генеральном консульстве Германии в Сан-Франциско. В 1916–1917 годах организовал несколько диверсий в портах западного и восточного побережья США (некоторые из них — якобы вместе с Витцке). Скорее всего, все это время его «вели» двойные агенты разведки ВМС США. После вступления США в Первую мировую войну бежал в Мексику. Разрабатывал планы вторжения в США 45-тысячной мексиканской армии, которую должны были поддержать восстанием афроамериканцы. В 1920 году вернулся в Германию. В 1923 году совершал акты саботажа против французских войск в Рурской области. Как минимум в этот же год лично познакомился с Гитлером. В 1941 году после неудавшейся секретной миссии Рудольфа Гесса в Англии отправлен в отставку. Однако в 1943 году возвращен на службу шефом СД Вальтером Шелленбергом для налаживания секретных сепаратных переговоров с западными союзниками. В 1945 году бежал в Швейцарию, после того как СС заподозрили в нем британского агента. Вернувшись в Германию, был задержан СМЕРШ и после допросов расстрелян (в мае 1945 года?).

Именно заручившись поддержкой англичан, Япония напала на Россию в 1904 году.

Друг Стимсона, который и назначил Банди в 1931 году своим заместителем. Во время Второй мировой войны, когда Стимсон был военным министром, Банди также был его заместителем, курируя атомный проект. В 1961–1966 гг. — помощник президента США по национальной безопасности.

Далес А. Искусство разведки. М., 1992. С. 106.

Military Intelligence Division (MID).

Mahnken T.G. Uncovering Ways of War: U.S. Intelligence and Foreign Military Innovation, 1918–1941. Cornell University, 2002. P. 18.

Office of Naval Intelligence (ONI).

Naval Intelligence Division.

Mahnken T.G. Uncovering Ways of War: U.S. Intelligence and Foreign Military Innovation, 1918–1941. Cornell University. 2002. P. 19.

Министерства обороны у США до войны не было. Каждый вид вооруженных сил имел свое министерство (за исключением авиации).

<http://ibiblio.org/pha/A%20CENTURY%20OF%20US%20NAVAL%20INT>

Mahnken T.G. Uncovering Ways of War: U.S. Intelligence and Foreign Military Innovation, 1918–1941. Cornell University, 2002. P. 25.

В так называемой международной части этого города, находившейся под юрисдикцией европейских держав.

Американцы считали, что ни один иностранец, кроме китайцев, успешно работать в Японии не сможет.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol50no2/html_files/Mission_China_3.htm

Уортон служил в Китае в 1922–1926, 1927–1929 и 1931–1935 гг.

<http://ibiblio.org/pha/A%20CENTURY%20OF%20US%20NAVAL%20INT>

Mahnken T.G. Uncovering Ways of War: U.S. Intelligence and Foreign Military Innovation, 1918–1941. Cornell University. 2002. P. 25.

http://www.lexisnexis.com/documents/academic/upa_cis/11125_USMIRGer

Шахт (1877–1970) считался «отцом экономического чуда» при Гитлере. С Гитлером был знаком с января 1931 года, и фюрер произвел на Шахта «большое впечатление». Обеспечивал финансирование восстановления германской военной мощи, в том числе и в нарушение Версальского договора. В январе 1937 года был награжден Гитлером золотым значком НСДАП. В 1934–1937 гг. был министром экономики Германии и одновременно (1935–1937) генеральным уполномоченным по военной промышленности. В 1938–1943 гг. — министр без портфеля. На Нюрнбергском трибунале главных нацистских преступников был оправдан, прежде всего, благодаря усилиям США. После массовых протестов населения был в 1947 году осужден на 8 лет трудового лагеря, но подал апелляцию и уже в сентябре 1948 года вышел на свободу.

<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1933v02/reference/frus.frus1933>

Rosenbaum R.A. Waking to Danger: Americans and Nazi Germany, 1933–1941. Santa Barbara, 2010. P. 4.

Оформилась в 1901 году во главе с Юджином Дебсом. В 1917 году в партии насчитывалось примерно 80 тысяч человек.

Возникла на базе левого пацифистского крыла соцпартии США.

Draper Th. The Roots of American Communism. Chicago, 1985. P. 77.

<http://libelli.ru/works/37-6.htm>

<http://libelli.ru/works/37-6.htm>

Morgan T. Reds. New York, 2003. P. 43.

Hagedorn A. *Savage Peace: Hope and Fear in America.* 1919, New York, 2007. P. 148.

Draper Th. The Roots of American Communism. Chicago, 1985. P. 189.

Draper Th. The Roots of American Communism. Chicago, 1985. P. 182.

Murray Robert K. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919–1920. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1955. P. 227–229.

Бюро расследований было учреждено министром юстиции США в обход конгресса (парламентарии были как раз на каникулах) в 1908 году и первоначально насчитывало 34 сотрудника. Поначалу оно должно было заниматься борьбой против сутенеров.

«Разведкой» Коминтерна был созданный 8 августа 1920 года Секретный отдел, переименованный в июне 1921 года в Отдел международной связи (ОМС). Он занимался поддержанием конспиративных связей между штаб-квартирой Коминтерна в Москве и зарубежными коммунистическими партиями (например, передачей денежных средств, изготовлением фальшивых документов для членов зарубежных компартий, находившихся на нелегальном положении, и т. д.).

20 декабря 1920 года глава ВЧК Ф.Э. Дзержинский подписал приказ по ВЧК об образовании первого органа советской политической разведки — Иностранного отдела (ИНО) ВЧК. Причем главной задачей ИНО был не шпионаж, а борьба против антисоветской белогвардейской эмиграции за рубежом. Общий штат ИНО составлял в 1922 году 70 человек, в 1930-м — 122 (в том числе 62 сотрудника резидентур за рубежом).

5 ноября 1918 года при Полевом штабе Реввоенсовета Республики было сформировано Регистрационное управление (Региструп), ставшее первым центральным разведывательным органом Красной армии. После окончания гражданской войны Региструп переименовали в Разведывательное управление Штаба РККА, а с сентября 1926 года — в IV управление.

Настоящая фамилия Шпак. Родился в Виленской губернии в 1893 году. Кадровый офицер царской армии, в годы Первой мировой войны дослужился до командира роты. На службе в ОГПУ с 1921 года, работал в Болгарии, Югославии и Венгрии. В 1930 году награжден именным браунингом. Арестован в июле 1938 года, 21 февраля 1939 года расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Родился в 1901 году, по национальности татарин. Окончил факультет международных отношений Московского университета, участвовал в борьбе с басмачеством в Средней Азии. На работе в ИНО ОГПУ с 1932 года. Работал в Турции и Китае. Умер в 1975 году.

По национальности еврей. Родился в 1894 году в городе Чоп, который тогда входил в состав Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию и воевал на итальянском фронте. Вернувшись в Чоп, стал марксистом и поддерживал Венгерскую Советскую Республику 1919 года. Спасаясь от белого террора в Венгрии, в 1924 году эмигрировал в США, где вступил в компартию. В 1929 году под именем Йозеф Петер был руководителем Венгерского бюро компартии США, затем стал оргсекретарем КП США в штате Нью-Йорк. В 1932–1938 гг. возглавлял секретный аппарат компартии.

Настоящая фамилия Голосенко. Родился в 1889 году в Екатеринославе. По национальности еврей. В 1904 году вступил в РСДРП. В 1909 году бежал из якутской ссылки и через Японию и Китай перебрался в США, где поначалу работал печатником. Делегат учредительного съезда компартии США. С 1923 года председатель Общества технической помощи СССР. В 1927–1929 гг. находился в СССР. С 1930 года работал на ОГПУ, однако документально оформил отношения с советской разведкой в 1933 году.

Гайк Бадалович Овакимян родился в 1898 году в Нахичевани. Член ВКП(б) с 1917 года. В 1921–1922 гг. — член коллегии ЧК Армении, в 1922–1923 гг. — ответственный секретарь Совнаркома Армении. В 1923–1928 гг. учился в МВТУ им. Баумана в Москве, затем (до 1931 г.) — в аспирантуре Московского химико-технологического института им. Д. Менделеева. Защитил кандидатскую диссертацию. Владел немецким, английским и итальянским языками. С 1931 года перешел на работу в научно-техническую разведку. До 1933 года работал в Берлине. С 1934 года находился в США под псевдонимом Геннадий; работал в качестве инженера «Амторга», защитил докторскую диссертацию; был заместителем резидента советской разведки в США (Нью-Йорк), а с 1938 года — начальником резидентуры (псевдоним Геннадий).

Гутцайт Петр Давидович (1901–1939). Родился в Екатеринославской губернии в семье мелкого торговца. До 1917 года трудился лодочником, рабочим каменоломни, бурильщиком. В 1920 году по рекомендации уездного комитета РКП(б) был принят на работу в уездную ЧК политическим комиссаром. В 1922 году был мобилизован в Красную армию, участвовал в борьбе с политическим бандитизмом. С 1923 года — уполномоченный 10-го отделения СО ОГПУ, затем сотрудник Экономического управления ОГПУ. В 1933 году был переведен во внешнюю разведку. С марта 1933 года — начальник 8-го отделения ИНО ОГПУ. Первый легальный резидент ИНО в США, действовал под фамилией П.Д. Гусев (псевдоним «Николай») и прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Вашингтоне. Был легальным резидентом советской разведки в США в 1933–1938 гг. В 1938 году отозван в СССР и назначен начальником отделения НТР 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 16 октября 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 21 февраля 1939 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

http://spartacus-educational.com/Peter_Gutzeit.htm

http://spartacus-educational.com/Peter_Gutzeit.htm

Фритц Юлиус Кун. Родился в 1896 году в Мюнхене. За храбрость во время Первой мировой войны был награжден Железным крестом и дослужился до лейтенанта германской армии. Получив диплом инженера-химика в Мюнхенском университете, в 1923 году эмигрировал в Мексику, откуда в 1927 году перебрался в США. Получил американское гражданство в 1934 году. Был членом НСДАП с 1921 года (т. е. тогда, когда лидером партии стал Гитлер). Работал в компании Форда, известного антисемита и друга «новой Германии». В 1933 году Кун вступил в основанную в Детройте организацию «Друзья новой Германии», в которую входили в основном американцы немецкого происхождения. «Друзья» занимались нацистской пропагандой. После преследований со стороны комитета Дикстейна организация была переименована в Американско-немецкий союз. Кун возглавил союз в 1936 году. Формально НСДАП по тактическим соображениям дистанцировалась от Куна еще в 1935 году, что не помешало последнему возглавить делегацию союза на Олимпийских играх в Германии в 1936 году. В рейхе Куна принял Гитлер, однако НСДАП и МИД Германии требовали прервать контакты с союзом Куна, который превратился (в том числе и благодаря работе Дикстейна) в помеху на пути развития германо-американских отношений. Гитлер признал, что его совместная фотография с Куном была ошибкой, так как именно ее и использовал Дикстейн для дискредитации лидера американских немцев. Посол Германии в США запретил гражданам Германии членство в союзе, о чем в 1938 году был официально проинформирован госдепартамент. Посольство рейха запретило также Куну использовать на мероприятиях символы национал-социализма.

Гутцайта на посту легального резидента в США в 1938 году сменил Гайк Овакимян (работал резидентом в 1939–1941 гг.).

<http://jew-observer.com/puti-i-sudby/korol-sovetskoj-razvedki-v-amerike/>

Родилась в 1908 году в штате Коннектикут в семье торговца и учительницы. В 1930 году получила высшее образование (редкость для женщин США в то время). Свободно владела итальянским и французским языками. Стажировалась во Флоренции, где стала убежденной антифашисткой. В марте 1935 года вступила в компартию США. В 1938 году Бентли устроилась на работу в Итальянскую информационную библиотеку в Нью-Йорке, которая была центром фашистской пропаганды итальянского правительства в США. Она добровольно предложила компартии поставлять информацию о работе этой структуры. Через компартию Элизабет вышла на связь с Голосом. Но лишь через несколько лет Бентли узнала, что Голос работал на советскую разведку, до этого она предполагала, что он просто функционер компартии США.

В 2011 году в союзе было более 500 тысяч членов, а годовой бюджет организации превысил 100 миллионов долларов.

Morgan T. Reds. New York, 2003. P. 185.

Ibid. P. 187.

<http://www.state.gov/documents/organization/176705.pdf>

Далес А. Искусство разведки. М., 1992. С. 103.

Например, человек, уже имея паспорт, переезжал в другой штат и там получал новый.

Секретная служба (Secret Service) была учреждена в 1865 году и до 2003 года подчинялась министерству финансов (с 2003 года — министерству национальной безопасности). Первоначально занималась борьбой против фальшивомонетчиков. С 1901 года получила задание охранять президента США.

<http://www.state.gov/documents/organization/176705.pdf>

<http://ibiblio.org/pha/A%20CENTURY%20OF%20US%20NAVAL%20INT>

Донован родился в 1883 году. Его родители эмигрировали в США из Ирландии. В колледже активно играл в американский футбол и за ярость на поле получил свое прозвище. Окончил престижный Колумбийский университет и стал юристом на Уолл-стрит. Во время Первой мировой войны в чине майора пошел добровольцем в армию и был повышен до полковника. Затем вернулся к юридической карьере и с 1924 года работал в министерстве юстиции в отделе по борьбе с монополизмом. В 1932 году безуспешно баллотировался на пост губернатора штата Нью-Йорк.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 19.

Позднее написал ряд «шпионских романов» о Джеймсе Бонде.

<http://jsou.socom.mil/JSOU%20Publications/OSS%20Symposium%20Repo>

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 19.

<http://jsou.socom.mil/JSOU%20Publications/OSS%20Symposium%20Repo>

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 349.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 349–350.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 23.

Deputy Director Strategic Services Operations.

Его отец Хантингтон-старший был профессором Колгейта и по совместительству тренером баскетбольной команды этого университета. В американских университетах того времени такое «совместительство» интеллекта и грубой физической силы только приветствовалось.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 24.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 70.

Использовалось немецкое слово Sauerkraut. Так называется одно из любимых блюд немцев, которое, как правило, подается к сосискам.

Vládní vojsko (Regierungstruppe des Protektorats Böhmen und Mähren). Гитлеровцы установили максимальный штат этой «армии» в 7000 человек. «Президент» протектората Богемия и Моравия Эмиль Гаха два раза предлагал немцам отправить эти войска на Восточный фронт, но в Берлине опасались, что они немедленно перейдут на сторону Красной армии.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 78.

Британская разведка в то время состояла из внутренней разведки (фактически контрразведки) MI-5 и внешней разведки MI-6. За двойных агентов на территории Великобритании отвечало подразделение В1А MI-5. Секция V MI-6 вербовала двойных агентов за границей.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol-58-no-2/pdfs/OSS%20Double-Agent%20Operations%20in%20World%20War%20II.pdf>

Примерный аналог фронта в Красной армии.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 93.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol37no1/pdf/v37i1a05p.pdf>

Донован хотел назначить Даллеса заместителем резидента УСС в Лондоне, но тот предпочел, по его собственным словам, «менее гламурный», но более самостоятельный пост в Швейцарии.

Mcintoshova E. Sesterstvo špionu.ženy z OSS. Praha, 2007. S. 188.

Petersen N. From Hitler's Doorsteps. The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Pennsylvania State University, 1996. P. 23.

Petersen N. From Hitler's Doorsteps. The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Pennsylvania State University, 1996. P. 23.

Упомянутый ниже Вилем Адольф Виссер т'Хоофт.

При содействии немцев и японцев Бос в 1943 году возглавил Временное правительство свободной Индии «Азад Хинд» и вооруженные силы Национальной армии, сформированные в оккупированном японцами Сингапуре, в основном из индийских военнопленных и рабочих-мигрантов. Отряды под командованием Боса принимали участие в военных действиях японской армии против англичан в Бирме и на других территориях со значительным индийским населением.

Petersen N. From Hitler's Doorsteps. The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Pennsylvania State University, 1996. P. 33.

Brandt W. Erinnerungen. Frankfurt, 1989. S. 137.

В котором, согласно фильму «Семнадцать мгновений весны», служил легендарный Штирлиц.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 180.

Отто Браун (1872–1955), видный член СДПГ. В 1921–1932 гг. – премьер-министр Пруссии. В 1933 году бежал в Швейцарию. Швейцарские власти запретили ему любую политическую деятельность. Думал, что нацисты будут выплачивать ему пенсию как бывшему премьер-министру. Однако, оказавшись без средств, впал в депрессию и занялся созерцанием природы и работой на садовом участке. Крайне нуждался, едва не просил милостыню. Выйдя из депрессии, установил контакты с бывшим баварским премьер-министром Хегнером (1887–1980, член СДПГ) и бывшим рейхсканцлером Виртом (1879–1956). Вирт, член католической партии Центра, возглавлял правительство Германии в 1921–1922 гг. Вирт безуспешно пытался подвигнуть Ватикан к публичному заявлению против преследования евреев в Германии.

Wala M. (Hrsg). Gesellschaft und Diplomatie im transatlantischen Kontext. Stuttgart, 1999. S. 236.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 180.

Выдавался лицам без гражданства (в основном политическим беженцам), например белоэмигрантам из России.

Карл Риттер (1883–1968) работал в МИД с 1922 года и занимался в основном вопросами экономики (в частности, репарациями, наложенными после Первой мировой войны на Германию). В 1937–1938 гг. был послом в Бразилии. Там посольство Германии оказалось в состоянии открытого конфликта с правительством, так как бразильцы отказались разрешить деятельность местной организации НСДАП. Риттера обвинили в поддержке неудавшегося путча бразильской фашистской партии интегралистов в 1938 году и объявили персоной нон грата. После войны Риттер заявил, что его вступление в НСДАП во время пребывания в Бразилии было «вынужденным шагом». С 1939 года Риттер занимался экономической стороной отношений с СССР и разрабатывал советско-германские торговые соглашения 1940 и 1941 гг. После начала Второй мировой войны он отвечал в МИД за все экономические вопросы, связанные с военными действиями.

В 1949 году его приговорили к 4 годам тюрьмы (начиная с 1945 года) за юридическое соучастие МИД Германии в казнях без суда сбитых над Германией союзных летчиков, но выпустили уже в 1949 году (через месяц после оглашения приговора). Его сын стал коммунистом и после войны был одним из видных журналистов ГДР.

Перед войной МИД Германии насчитывал примерно 2800 сотрудников, в 1941 году их число выросло до 10 тысяч.

<http://www.archives.gov/publications/prologue/2002/spring/fritz-kolbe-2.html>

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 185.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol37no1/pdf/v37i1a05p.pdf>

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 189.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 195.

Кличка УСС – Гомер. Вэтьен делал вид, что ездит в Швейцарию для перевода на немецкий язык «Одиссеи».

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 195.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 197.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 450.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 451.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 451.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
P. 439.

Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999. S. 231.

Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien deutschen Bewegungen 1943–1948. Stuttgart, 1997. S. 201.

Пилот люфтваффе Айнзидель (1921–2007) был сбит 30 августа 1942 года под Сталинградом.

Президент Кеннеди назначил его судьей Верховного суда США.

В 1926–1930 гг. – министр внутренних дел Пруссии.

Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999. S. 238.

Persico J. Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980. S. 100.

120

Был назван так по именам подружек обоих разработчиков прибора.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol46no1/article03.html>

Линднеру в 1945 году было 34 года. Он родился в Берлине в социал-демократической рабочей семье. Сам Линднер уже в 18 лет принимал активное участие в работе профсоюза металлистов. В 1930 году он активно выступил против планов Гитлера по трудовой мобилизации немецкой молодежи. После этого НСДАП объявила Линднера врагом партии, и в 1932 году штурмовики из СА жестоко избили его. После прихода Гитлера к власти Линднера арестовали и 12 дней жестоко избивали, повредив ему почки. В 1933–1935 годах Линднер пытался организовать антифашистское профсоюзное молодежное движение, но в 1935 году был вынужден эмигрировать в Чехословакию. Там он под видом лыжного инструктора помогал беженцам из Германии нелегально пересекать границу. С 1939 года Линднер жил в Великобритании, где женился на активной стороннице лейбористской партии.

Антон Ру, рабочий-печатник, участвовал в подпольном движении вместе с Линднером, в 1934 году был арестован и шесть месяцев провел в заключении. Из Праги он шесть раз нелегально пробирался в Германию, перевозя антинацистские листовки.

Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999. S. 252.

Многие чехи в то время работали в Германии примерно на тех же условиях, что и немецкие рабочие. Ведь формально образованный Гитлером в марте 1939 года «протекторат Богемии и Моравии» входил в состав рейха.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol46no1/article03.html>

Persico J. Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980. S. 187.

Persico J. Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980. S. 187.

Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999. S. 253.

Ibid. S. 254.

В США 1 Мая не является праздником. Вместо этого в первый понедельник сентября отмечается День труда.

Mauch C. Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999. S. 254.

Persico J. Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980. S. 319.

В 1949 году Харстер как военный преступник был приговорен в Нидерландах к 12 годам лишения свободы. Он отбыл всего половину срока и в 1955 году выехал в ФРГ. В 1956 году его опять приняли на госслужбу – в МВД Баварии (!).

Родился в 1873 году. В 1932—1938 гг – министр иностранных дел Германии. В 1939–1943 гг имперский протектор Чехии и Моравии, обергруппенфюрер СС, нес прямую ответственность за массовые казни чешских патриотов. Нюрнбергским трибуналом приговорен к 15 годам лишения свободы как военный преступник. В 1954 году освобожден из заключения по причине слабого здоровья. Умер в 1956 году.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Там пленных, в частности, погружали в холодную воду, чтобы выяснить, сколько они могут в ней прожить. Эксперимент заказали ВВС Германии, летчиков которых иногда сбивали над морем.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Так неформально называли германо-итальянский договор о союзе и дружбе, заключенный 22 мая 1939 года.

В депеше Рузвельту Бласковиц был ошибочно назван «маршалом» и «бывшим» главкомом группы армий «Г».

На ноябрь 1944 года группа армий «Г» насчитывала 700 тысяч человек. 31 декабря 1944 – 25 января 1945 года она провела против союзников наступательную операцию «Нордвинд» («Северный ветер»), последнее немецкое наступление на Западном фронте. Американцы потеряли 3000 человек убитыми и 9000 ранеными.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Только во время немецкого контрнаступления в Арденнах (16 декабря 1944 – середина января 1945 года) погибло более 30 тысяч солдат и офицеров армий союзников. Таких потерь в Италии не было.

С 26 апреля по 24 ноября 1945 года Парри возглавлял итальянское правительство национального единства, куда входили и коммунисты.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Любопытно, что Гиммлер, чьим личным помощником Вольф был 8 лет, считал его тряпкой и шутливо именовал «Вольфхен» (т. е «Волчонок»).

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Вюнше попал в плен к канадцам во Франции в августе 1944 года.

Родился в 1887 году. Во время Первой мировой войны дослужился до капитана. Воевал в Польше, на Западном фронте и против СССР. С августа 1943 года командовал 10-й армией вермахта в Италии. После войны провел два с половиной года в британском плену. С 1950 года был привлечен Аденауэром к работе по воссозданию германской армии. Умер в 1952 году.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Буркхардт готовился принять назначение на пост главы швейцарской дипмиссии во Франции.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 238.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster, Andre Deutsch, 2006. P. 239.

http://militera.lib.ru/h/lavrenev_popov2/25.html

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Альфред Йодль (1890–1946), глава оперативного штаба Верховного командования вермахта (Верховным главнокомандующим был с 1941 года сам Гитлер). Лично участвовал в разработке плана нападения на СССР. Организовывал депортации европейских евреев в лагеря уничтожения. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала как главный военный преступник.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no2/html/v07i2a07p_0001.htm

Риттер фон Эпп (1868–1947) закончил Первую мировую войну в чине полковника. В 1919 году тогдашний военный министр Носке (известный как «кровавая собака» за подавление Ноябрьской революции в Германии) поручил фон Эппу сформировать в Баварии добровольческий корпус из националистов, который потопил в крови Баварскую советскую республику в мае 1919 года. В 1920 году, во время правого капповского путча в Берлине, фон Эпп участвовал в свержении законного правительства Баварии. В 1921 году лично познакомился с тогда еще мало кому известным Гитлером. Шеф СА Рем, братья Штрассеры и Рудольф Гесс были бойцами добровольческого корпуса фон Эппа. Фон Эпп вступил в НСДАП 1 мая 1928 года и в этом же году был избран от нацистов в рейхстаг. Помимо верховной власти в Баварии Гитлер передал фон Эппу пост шефа колониально-политического ведомства НСДАП. Таким образом, фон Эпп формально стал принадлежать к корпусу высших партийных руководителей.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition, New York, 1988. P. 221.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 222.

Например, директор ФБР возмущенно отвергал саму мысль, что при поступлении на службу будущих агентов ФБР на медкомиссии могли бы обследовать «цветные» врачи.

В 1971 году Лаш получил Пулитцеровскую премию за свою книгу-бестселлер «Элеанор и Франклин».

Будущий госсекретарь, по имени которого была названа американская программа «помощи» Западной Европе после войны.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 224.

Кермит Рузвельт был сыном президента Теодора Рузвельта. Страдая от депрессии и алкоголизма, он покончил с собой выстрелом в голову 4 июня 1943 года на Аляске.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 185–186.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 184.

Ibid. P. 194.

http://nvo.ng.ru/spforces/2008-02-29/7_ace.html

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 198.

Эрвин фон Лахузен (1897–1955), австриец, во время Первой мировой войны служил в австро-венгерской армии лейтенантом на итальянском фронте. После окончания войны остался в армии и в 1935 году перешел на службу в австрийскую разведку. После присоединения Австрии к Германии стал заместителем начальника 1-го отдела абвера (разведка). В 1939–1943 гг. – начальник второго отдела абвера (диверсии и саботаж). Активно работал с украинскими националистами из ОУН. Участвовал в неудачном покушении на Гитлера в марте 1943 года. С августа 1943 года командовал полком на советско-германской фронте и был тяжело ранен в Белоруссии летом 1944 года. После этого в звании генерал-майора числился в резерве. С мая 1945 года сотрудничал с американской разведкой и выступал свидетелем на Нюрнбергском трибунале.

Adams J. Historical Dictionary of German Intelligence. Plymouth, 2009. P. 347.

База диверсионного полка абвера «Бранденбург».

В ноябре 1943 года Пфаус завербовал для абвера в Париже ирландского священника Монигена, который должен был информировать немцев о готовящейся высадке союзников во Франции. Результаты этой операции были мизерными.

Примерно 3 миллиона в ценах 2002 года.

Китченер командовал британскими войсками в войне против буров, прославившись репрессиями против мирного населения и созданием первых в новейшей истории концлагерей. После начала Первой мировой войны он стал военным министром Великобритании.

Явный намек на центральный орган НСДАП «Фелькишер беобахтер».

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 208.

Рузвельт в общей сложности четыре раза подряд был избран президентом США, так как в то время ограничений на пребывание в Белом доме еще не было. Они были введены как раз после смерти Рузвельта.

Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946. Portland, 2003. P. 141.

СССР был нужен лишь алюминий для их производства и высокооктановый бензин для их заправки.

Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946. Portland, 2003. P. 144.

Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946. Portland, 2003. P. 145.

США не признали вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в СССР в 1940 году.

«Санитарным кордоном» в межвоенный период стали называть созданные Антантой антисоветские режимы вдоль западных границ Советской России (Польша, Финляндия, Румыния, Прибалтийские страны). «Кордон» должен был препятствовать проникновению «большевистской заразы» на Запад (отсюда название).

Донован абсолютно правильно полагал, что если Польша и Финляндия не будут проводить антисоветскую политику, как до 1939 года, то Москва сможет сделать в их отношении территориальные уступки. Сталин, например, после войны отдал народной Польше Белостокскую область.

К его радости, Донован привез ему в «холодную блеклую» Москву ящик виски.

Генерал-майор А.П. Осипов, руководил партизанской борьбой в тылу врага.

<http://bookz.ru/authors/oleg-gordievskii-kristofer-endru/gordievolg01/page-37-gordievolg01.html>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no3/pdf/v07i3a07p.pdf>

Ibid.

Андрей Григорьевич Грауэр служил в органах госбезопасности с 1938 года. Во время войны руководил отделом, отвечавшим за взаимодействие с английской разведкой.

<http://bookz.ru/authors/oleg-gordievskii-kristofer-endru/gordievolg01/page-37-gordievolg01.html>

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 430.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 431.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 435.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol7no3/pdf/v07i3a07p.pdf>

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 436.

Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994. С. 53.

К моменту составления докладной Гувера на имя Гопкинса Комитерн уже не существовал.

201

http://spartacus-educational.com/Vassily_Zarubin.htm

Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994. С. 54.

«Ретро» работал в лаборатории одной крупной американской радиотехнической компании недалеко от Нью-Йорка. «Хорват» также работал на радиотехническую компанию, сам являясь изобретателем. Скорее всего, под псевдонимом «Ретро» скрывался сотрудник «Вестерн Электрик» Джоэль Барр, а «Хорватом» был служащий «Белл» Альфред Сарант. После окончания войны Барр с Сарантом основали фирму «Sarant Laboratories», для которой искали военные заказы, но вскоре фирма разорилась. После этого их пути на некоторое время разошлись. В 1947 году Барр работал в компании «Sperry Gyroscopic», откуда был уволен в 1948 году за то, что вступил в компартию США. В 1949 году Барр уехал в Париж, где изучал музыкальную композицию и игру на фортепиано. В 1950 году после ареста в США супругов Розенбер Барр бежал в Чехословакию. Летом 1951 года Барр снова встретился с Сарантом, сменившим имя на Филипп Старос, который приехал в Прагу. В Праге Берг женился на чешке, работал в лаборатории по созданию систем ПВО.

В 1956 году Берг и Старос приехали в СССР, где сыграли важную роль в развитии советской микроэлектроники. Старос возглавил в Ленинграде лабораторию СЛ-11, которая впоследствии была преобразована в КБ-2. Там они создали первую в СССР настольную ЭВМ УМ-1 и ее модификацию УМ-1НХ, за что им была присуждена Государственная премия. В 1962 году КБ посетил сам Хрущев, на которого оно произвело большое впечатление.

Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994. С. 89.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 219.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 4.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988. P. 219.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 464.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 464.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 7.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014. P. 468.

<http://jsou.socom.mil/JSOU%20Publications/OSS%20Symposium%20Repo>

<http://jsou.socom.mil/JSOU%20Publications/OSS%20Symposium%20Repo>